

Продовольственная и
сельскохозяйственная организация
Объединенных Наций

2019

ЕВРОПА И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОБЗОР СОСТОЯНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПИТАНИЯ

СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СЕЛЬСКОМ
ХОЗЯЙСТВЕ В ИНТЕРЕСАХ УЛУЧШЕНИЯ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ,
ПИТАНИЯ И ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Данная флагманская публикация является частью серии **ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В МИРЕ** Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций.

Обязательная ссылка:

ФАО. 2019. *Региональный обзор состояния продовольственной безопасности и питания в Европе и Центральной Азии - 2019. Структурные преобразования в сельском хозяйстве в интересах улучшения продовольственной безопасности, питания и окружающей среды*. Будапешт. Лицензия: CC BY-NC-SA 3.0 IGO.

Используемые обозначения и представление материала в настоящем информационном продукте не означают выражения какого-либо мнения со стороны Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций относительно правового статуса или уровня развития той или иной страны, территории, города или района, или их властей, или относительно делимитации их границ или рубежей. Упоминание конкретных компаний или продуктов определенных производителей, независимо от того, запатентованы они или нет, не означает, что ФАО одобряет или рекомендует их, отдавая им предпочтение перед другими компаниями или продуктами аналогичного характера, которые в тексте не упоминаются.

Используемые обозначения и представление материала на картах не означают выражения какого-либо мнения со стороны ФАО относительно правового или конституционного статуса той или иной страны, территории или морского района, или относительно делимитации границ.

ISBN 978-92-5-132014-3

© ФАО, 2019

Некоторые права защищены. Настоящая работа предоставляется в соответствии с лицензией Creative Commons "С указанием авторства – Некоммерческая - С сохранением условий 3.0 НПО" (CC BY-NC-SA 3.0 IGO; <https://creativecommons.org/licenses/by-ncsa/3.0/igo/deed.ru>).

Согласно условиям данной лицензии настоящую работу можно копировать, распространять и адаптировать в некоммерческих целях при условии надлежащего указания авторства. При любом использовании данной работы не должно быть никаких указаний на то, что ФАО поддерживает какую-либо организацию, продукты или услуги. Использование логотипа ФАО не разрешено. В случае адаптации работы она должна быть лицензирована на условиях аналогичной или равнозначной лицензии Creative Commons. В случае перевода данной работы, вместе с обязательной ссылкой на источник, в него должна быть включена следующая оговорка: «Данный перевод не был выполнен Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Объединенных Наций (ФАО). ФАО не несет ответственности за содержание или точность данного перевода. Достоверной редакцией является издание на [указать язык оригинала] языке».

Любое урегулирование споров, возникающих в связи с лицензией, должно осуществляться в соответствии с действующим в настоящее время Арбитражным регламентом Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ).

Материалы третьих лиц. Пользователи, желающие повторно использовать материал из данной работы, авторство которого принадлежит третьей стороне, например, таблицы, рисунки или изображения, отвечают за то, чтобы установить, требуется ли разрешение на такое повторное использование, а также за получение разрешения от правообладателя. Удовлетворение исков, поданных в результате нарушения прав в отношении той или иной составляющей части, авторские права на которую принадлежат третьей стороне, лежит исключительно на пользователе.

Продажа, права и лицензирование. Информационные продукты ФАО размещаются на веб-сайте ФАО (www.fao.org/publications); желающие приобрести информационные продукты ФАО могут обращаться по адресу: publications-sales@fao.org. По вопросам коммерческого использования следует обращаться по адресу: www.fao.org/contact-us/licence-request. За справками по вопросам прав и лицензирования следует обращаться по адресу: copyright@fao.org.

ФОТО НА ОБЛОЖКЕ © FAO/Karen Minasyan

ВАРДАХБЮР, АРМЕНИЯ. На фабрике по производству сыра изготавливают как местный сорт Лори, так и другие международно известные сорта.

2019

ЕВРОПА И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
**РЕГИОНАЛЬНЫЙ
ОБЗОР СОСТОЯНИЯ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ И ПИТАНИЯ**

**СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СЕЛЬСКОМ
ХОЗЯЙСТВЕ В ИНТЕРЕСАХ УЛУЧШЕНИЯ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ,
ПИТАНИЯ И ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ**

Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций

Будапешт, 2019 год

СОДЕРЖАНИЕ

ТАБЛИЦЫ, РИСУНКИ И ВРЕЗКИ
ПРЕДИСЛОВИЕ
ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ
СОКРАЩЕНИЯ И АББРЕВИАТУРЫ
ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ
ВВЕДЕНИЕ

iii
v
vii
viii
ix
xiv

ЧАСТЬ 1

ОБЗОР СОСТОЯНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПИТАНИЯ В ЕВРОПЕ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

1

1.1 Масштабы распространения недоедания и масштабы отсутствия продовольственной безопасности, рассчитанные на основе ШВОПБ
Масштабы распространения недоедания
Эмпирические данные о масштабах отсутствия продовольственной безопасности
Гендерные аспекты отсутствия продовольственной безопасности
1.2 Тенденции в области неполноценного питания
1.3 Многоплановое бремя отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания и перспективы решения глобальных задач в этой области к 2030 году
Заключительные замечания

3
3
5
10
11
21
22

ЧАСТЬ 2

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПИТАНИЕ: ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ

25

2.1 Социально-экономическое неравенство в контексте результатов в области продовольственной безопасности и питания
2.2 Государственные расходы на сельское хозяйство

26
35

ЧАСТЬ 3

СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА, ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ЕВРОПЕ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

41

3.1 Изменения общей структуры экономики, структуры сельскохозяйственного производства и потребления пищевых продуктов
Структурные преобразования в экономике стран региона ЕЦА
Преобразование продовольственного и сельскохозяйственного производства
Изменение модели потребления пищевых продуктов и переход к здоровым рационам питания
Изменения структуры торговли и нетарифных мер в отношении продовольствия и сельскохозяйственной продукции
3.2 Подходы и меры политики, предусматривающие изменение направленности сельского хозяйства и рационов питания на достижение целей Повестки дня на период до 2030 года
Системный подход к проблемам продовольствия, обеспечивающий переход к более здоровым рационам питания
Агроэкологические подходы к формированию устойчивых систем производства продовольствия
Изменение направленности продовольственной и сельскохозяйственной политики на достижение целей Повестки дня на период до 2030 года
Резюме и основные тезисы

БИБЛИОГРАФИЯ
ПРИМЕЧАНИЯ

43
43
46
54
62
69
69
72
79
82
86
94

ТАБЛИЦЫ, РИСУНКИ И ВРЕЗКИ

ТАБЛИЦЫ

- 1** Глобальные задачи в области питания на период до 2030 года, сформулированные на основе пересмотра задач до 2025 года **3**
- 2** Масштабы распространения недоедания и численность страдающих от недоедания в регионе ЕЦА в 2004–2018 годах **4**
- 3** Масштабы распространения ожирения у взрослых в отдельных странах региона ЕЦА **19**
- 4** Показатели основных индикаторов продовольственной безопасности и питания в отдельных странах региона ЕЦА **21**
- 5** Ход работы по решению различных задач в области неполноценного питания к 2030 году **23**
- 6** Масштабы трех форм неполноценного питания у детей в возрасте до пяти лет в зависимости от уровня образования матерей в отдельных странах региона ЕЦА **29**
- 7** Показатели масштабов трех форм неполноценного питания детей в возрасте до пяти лет по квинтилям уровня богатства в отдельных странах региона ЕЦА **30**
- 8** Общее процветание: рост расходов или потребления 40% наименее обеспеченного населения в сравнении с доходами всего населения в отдельных странах региона ЕЦА **32**

- 9** Изменение доли сельского хозяйства в экономике и занятых в сельском хозяйстве в отдельных странах региона ЕЦА **45**
- 10** Средняя урожайность и темпы прироста производства зерновых в регионе ЕЦА **51**
- 11** Доля семейных фермерских хозяйств в общем производстве в отдельных странах региона ЕЦА **55**
- 12** Эволюция показателей наличия основных подгрупп пищевых продуктов для потребления в отдельных странах ЕЦА **59**
- 13** Рекомендации относительно нормативно-регулирующих и процедурных барьеров в торговле в отдельных странах ЕЦА **67**

РИСУНКИ

- 1** Масштабы умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности населения (%) по субрегионам Европы и Центральной Азии (в среднем за 2016–2018 годы) **7**
- 2** Показатели масштабов умеренного (справа) и умеренного или острого (слева) отсутствия продовольственной безопасности, полученные на основе шкалы восприятия отсутствия продовольственной безопасности (%) в субрегионах ЕЦА за 2014–2018 годы **9**
- 3** Показатели масштабов умеренного или острого отсутствия продоволь-

- ственной безопасности среди взрослого населения региона ЕЦА с разбивкой по гендерному признаку (%) в среднем за 2016–2018 годы **10**
- 4** Динамика масштабов распространения задержки роста у детей в возрасте до пяти лет в более ранний период (2005–2012) и в последние годы (2013–2018) в отдельных странах **12**
- 5** Масштабы истощения у детей в возрасте до пяти лет в более ранний период (2005–2012) и в последние годы (2013–2018) в отдельных странах региона ЕЦА **13**
- 6** Масштабы распространения избыточной массы тела у детей в возрасте до пяти лет в более ранний период (2005–2012) и в последние годы (2013–2018) в отдельных странах региона ЕЦА **14**
- 7** Масштабы распространения анемии у женщин детородного возраста в отдельных странах региона ЕЦА **16**
- 8** Доля младенцев до шестимесячного возраста, получавших исключительно грудное кормление, в более ранний период (2005–2012) и в последние годы (2013–2018) в отдельных странах региона ЕЦА **17**
- 9** Масштабы распространения низкого веса при рождении в отдельных странах региона ЕЦА в 2010 и 2015 годах **18**

ТАБЛИЦЫ, РИСУНКИ И ВРЕЗКИ

10 Доля расходов на сельское хозяйство в бюджетах национальных правительств в отдельных странах региона ЕЦА в 2009–2011 и 2014–2016 годах	36	15 Изменение энергетической ценности питания по группам пищевых продуктов в регионе ЕЦА за период между 1992–1994 и 2011–2013 годами	58	3 Основные вопросы и общие рекомендации относительно перехода к агроэкологии, сформулированные в ходе региональных семинаров	74
11 Индекс ориентированности на сельское хозяйство в отдельных странах региона ЕЦА	38	16 Экспорт агропродовольственной продукции по основным группам в бывших республиках Советского Союза в 1997–2018 годах	64	4 Отдельные примеры разнообразия агроэкологических инициатив в регионе Европы и Центральной Азии	75
12 Тенденции динамики доли сельского хозяйства в экономике и в общей численности занятых в отдельных странах региона ЕЦА в 1994–2017 годах (в %)	44	17 Импорт агропродовольственной продукции по основным группам в бывших республиках Советского Союза в 1997–2018 годах	65	5 Что делает ФАО в плане диетологических рекомендаций по нормам потребления пищевых продуктов?	76
13 Динамика индексов сельскохозяйственного производства в субрегионах ЕЦА	47	ВРЕЗКИ		6 Ключевые планы действий в рамках агроэкологического проекта Франции	77
14 Скорректированные показатели прироста добавленной стоимости в сельском хозяйстве в отдельных странах региона ЕЦА за периоды 2001–2011 и 2012–2017 годов	48	1 Степень отсутствия продовольственной безопасности по ШВОПБ – восемь вопросов в рамках опроса ШВОПБ		7 Пример работы ФАО по оценке агроэкологического зонирования	78
		2 Некоторые рекомендации, включенные в Рамочную программу действий МКП-2	71	8 Наглядный пример спектра мер ЕС в области развития сельских районов и экологии в рамках текущего программного периода	81

ПРЕДИСЛОВИЕ

В публикации «Региональный обзор состояния продовольственной безопасности и питания» 2017 года был впервые представлен новый показатель острого отсутствия продовольственной безопасности, выводимый на основе шкалы восприятия отсутствия продовольственной безопасности (ШВОПБ). Этот показатель дополняет информацию показателя масштабов распространения недоедания (МРН), используемого ФАО для мониторинга голода. Оба они показывают, что масштабы распространения голода в хронической или острой форме в данном регионе (за исключением крайне ограниченного круга стран) в основном очень малы.

В настоящем издании доклада представляется анализ, проведенный на основе показателя масштабов умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности, в основу которого также положена методология ШВОПБ. В нем отражены трудности, с которыми сталкивается население в плане доступа к безопасному питательному продовольствию в достаточном объеме, поэтому он более актуален для тех стран региона Европы и Центральной Азии (ЕЦА), где проблема острой недостаточности продовольствия уже не вызывает озабоченность, но сохраняются довольно значительные очаги, где население страдает от отсутствия продовольственной безопасности. Эти новые оценки показывают, что масштабы умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности могут быть довольно значительными – 11% в среднем по региону ЕЦА – и это явление может затрагивать более 100 млн человек. Более того, этот показатель был довольно значительным во многих странах Европейского союза и Европейской ассоциации свободной торговли с относительно высоким уровнем доходов.

Все эти показатели рисуют вызывающую беспокойство картину. Они подтверждают, что за последние три–четыре года сокращение масштабов недоедания и отсутствия продовольственной безопасности не просто замедлилось, а вообще прекратилось, причем в ряде стран этот показатель даже несколько вырос. Столь

же сложная ситуация складывается и в плане сокращения масштабов различных форм неполноценного питания; существует опасность того, что большинство стран региона не выполнят задачи, поставленные в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Данные проведенных в последнее время обследований свидетельствуют о многогранности бремени неполноценного питания.

Настоящий доклад также свидетельствует о вызывающих тревогу (и растущих) показателях избыточного веса и ожирения в регионе Европы и Центральной Азии. Почти во всех странах региона показатель ожирения среди взрослых превышает среднемировой показатель в 13,2%, а в некоторых странах превышает его вдвое.

В докладе также представлен анализ двух важных факторов, определяющих отсутствие продовольственной безопасности и неполноценное питание: социально-экономического неравенства и государственных расходов на сельское хозяйство. В начале части II подчеркивается важность рассмотрения вопросов неравенства при разработке мер политики, программ и мероприятий в области продовольствия и питания. Далее в части II делается вывод о том, что большинство стран региона возможно недостаточно инвестируют в столь важный для экономики сектор, как сельское хозяйство.

Специальная тема доклада этого года посвящена структурным преобразованиям в сельскохозяйственных и продовольственных системах и процессу изменения направленности сельского хозяйства и структуры потребления продовольствия на устойчивые продовольственные системы и здоровые рационы питания для достижения поставленных в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года целей в области продовольственной безопасности и питания и других связанных с этими вопросами целей в области устойчивого развития. Растет признание роли двух механизмов достижения этих целей: целостного подхода к

ПРЕДИСЛОВИЕ

продовольственным системам и агроэкологическим приемам, которые являются ключевыми составляющими формирования устойчивых продовольственных систем. Изменение направленности мер политики и практики в соответствии с этими установками диктует необходимость переноса внимания в вопросах поддержки сельского хозяйства на общие услуги и развитие сельских районов. В регионе Европы и Центральной Азии есть много примеров новаторских и успешных подходов и приемов в области развития сельских районов и агроэкологии, которые необходимо доработать и применять в массовых масштабах.

Мы надеемся, что, как и предыдущие региональные обзорные доклады, настоящий доклад также будет способствовать выявлению про-

блем и вариантов более аргументированного диалога и согласованности действий всех партнеров в целях коллективного продвижения к достижению цели Европы и Центральной Азии без голода в условиях обеспечения здоровья.

ВЛАДИМИР РАХМАНИН

**Заместитель Генерального директора
и Региональный представитель
для Европы и Центральной Азии**

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

Доклад «Региональный обзор состояния продовольственной безопасности и питания в Европе и Центральной Азии» 2019 года подготовили Чэн Фан, Рамеш Шарма и Сумитер Синх Брока в тесном сотрудничестве с Отделом экономики сельскохозяйственного развития (ESA) и Отделом статистики ФАО (ESS); общее руководство и контроль осуществлял заместитель Генерального директора и Региональный представитель в Европе и Центральной Азии Владимир Рахманин.

Публикация доклада стала возможной благодаря вкладу междисциплинарной группы экспертов, в которую, в частности, входили Рамеш Шарма (старший экономист и старший консультант по вопросам продовольственной политики, который помогал в работе над проектом доклада), а также сотрудники Регионального отделения ФАО для Европы и Центральной Азии (REU) Кейго Обара, Ариелла Глинни, Георгий Квиникадзе, Доно Абдуразакова и Золтан Градски.

Технические материалы для тематической части III доклада этого года «Структурные преобразования сельского хозяйства, продовольственных систем и продовольственной политики в Европе и Центральной Азии» подготовили и представили Лилиана Анноваци-Джакаб и Хана Дауди (ЕЭК ООН), Ирина Кобута и Альфинура Шарафеева (EST), Эдже Аксой (CBDS) и Бьянка Ласкович (REU).

Благодарим за обеспечение координации со стороны штаб-квартиры ФАО Марко Санчеса Кантильо, Синди Холлман и Джованни Карраско Аццини; особо благодарим за рецензирование Костаса Стамулиса (ESA); Труды Вийнхофен, Рамани Виджесинха Беттони и Андреа Поло Галанте из Отдела питания и продовольственных систем (ESN); Карло Кафьеро, Сару Вивьяни, Цзюань Фэна, Клауса Грюнбергера и Анн Кеппле (ESS); Ирину Кобуту и Элену Конте из Отдела торговли и рынков (EST); Жозе Валльса Бедо и Наталию Меркушеву (SP4); Бенджамина Дэвиса и Дэвида Конте (SP3). Общее руководство осуществлял заместитель Генерального директора ФАО, директор Департамента экономического и социального развития (ES) Максимо Тореро Кульен.

Ценные замечания представили также сотрудники REU и SEC: Раймунд Йеле, Набил Ганджи, Ароа Сантьяго Баутиста, Виктория Чомо, Мэри Кенни, Мортен Хартвигсен, Тая Сантиванес, Каталин Людвиг, Дмитрий Звягинцев, Эран Райзман, Эльмира Нессипбаева, Максим Горган и Микаэл Брет.

Также выражаем особую благодарность Лилиане Анноваци-Джакаб и Хане Дауди из Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций за предоставление технических материалов для тематического раздела, посвященного структурным преобразованиям, и Амирхосейну Ярпарвару из Регионального отделения ЮНИСЕФ по Европе и Центральной Азии за предоставление данных по вопросам питания и результатов региональных исследований.

И, наконец, выражаем огромную благодарность Виктории Калинин, Николасу Волтэму, Лее Плантек, Ирине Таракановой и всем сотрудникам группы коммуникаций, которые координировали создание макета, перевод и выпуск этого документа. Особая благодарность Мэтью Андерсону за его помощь в редактировании доклада. Перевод текста обеспечила Служба планирования заседаний и документации ФАО.

СОКРАЩЕНИЯ И АББРЕВИАТУРЫ

АЭКМ	агроэкологические и климатические меры (ЕС)	МРН	масштабы распространения недоедания
ВАЗ	Всемирная ассамблея здравоохранения	НИЗ	неинфекционное заболевание
ВВП	валовой внутренний продукт	ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития
ВВПСХ	валовой внутренний продукт сельского хозяйства	ПБП	продовольственная безопасность и питание
ВОЗ	Всемирная организация здравоохранения	ПРСР	Программа развития сельских районов (ЕС)
ВПП	Всемирная продовольственная программа	СНГ	Содружество Независимых Государств
ВТО	Всемирная торговая организация	ФАО	Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций
г	грамм	ЦА	Центральная Азия
ГРС	государственные расходы на сельское хозяйство	ЦРДТ	цели в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия
ГЭВУ	Группа экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания	ЦУР	Цель в области устойчивого развития
долл. США	доллар(ы) Соединенных Штатов Америки	ШВОПБ	шкала восприятия отсутствия продовольственной безопасности (на основе результатов Всемирного опроса Института Гэллапа)
ЕБРР	Европейский банк реконструкции и развития	ЭВОП	экономическая выгода общего процветания
ЕС	Европейский союз	ЭЦРП	энергетическая ценность рациона питания
ЕСХП	единая сельскохозяйственная политика	В40	наименее обеспеченные 40% населения
ЕЦА	Европа и Центральная Азия	FI_{mod+sev}	умеренное или острое отсутствие продовольственной безопасности
ИМТ	индекс массы тела	FI_{sev}	острое отсутствие продовольственной безопасности
ИОСХ	индекс ориентированности на сельское хозяйство		
КГМСХИ	Консультативная группа по международным сельскохозяйственным исследованиям		
МКП-2	вторая Международная конференция по вопросам питания		

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

ЧАСТЬ 1: ОБЗОР СОСТОЯНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПИТАНИЯ В ЕВРОПЕ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

→ За последние два десятилетия продовольственная безопасность в Европе и Центральной Азии (ЕЦА) существенно улучшилась.

Хронический голод – состояние, когда уровень калорийности рациона человека не достаточен для обеспечения здоровой активной жизни, измеряемое показателем масштабов распространения недоедания (МРН) (индикатор ЦУР 2.1.1) – не является сколь-нибудь значимой проблемой в большинстве стран региона ЕЦА. В 2016–2018 годах средний показатель масштабов распространения недоедания составлял порядка 5–8% лишь в шести из около 50 стран этого региона, в которых осуществляется мониторинг этого показателя, а в среднем по миру он составляет 10,8%.

→ Второй показатель, используемый для мониторинга работы по решению задачи 2.1 ЦУР, разработанный ФАО – показатель масштабов умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности населения (индикатор ЦУР 2.1.2), рассчитываемый на основе шкалы восприятия отсутствия продовольственной безопасности (ШВОПБ). Этот показатель дополняет информацию МРН и дает более полное представление о доступе к продовольствию.

→ Согласно последним оценкам за 2018 год, показатель масштабов острого отсутствия продовольственной безопасности составляет 1,8% от общей численности населения региона ЕЦА (около 16,5 млн человек). У людей, живущих в условиях острого отсутствия продовольственной безопасности, может закончиться продовольствие, они могут испытывать голод и, в экстремальных случаях, не есть несколько дней, что создает серьезную угрозу для их здоровья и благополучия.

→ Впервые представленный в этом году показатель масштабов умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности, рассчитываемый на основе базы данных ШВОПБ, отражает состояние работы по обеспечению доступа к безопасной питательной и достаточной пище не только по признаку голода. Он более актуален для тех стран региона ЕЦА, где проблема острой недостаточности продовольствия уже не вызывает озабоченности, но сохраняются довольно значительные очаги, где население страдает от отсутствия продовольственной безопасности. По оценкам, более 100 млн человек (11% общей численности населения) в регионе ЕЦА живут в условиях умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности.

→ Этот новый показатель умеренного отсутствия продовольственной безопасности дает наглядное представление о том, что даже в странах с высоким уровнем доходов значительная часть населения испытывает трудности с регулярным доступом к питательному продовольствию в достаточном объеме. В 2018 году более 6% населения государств-членов Европейского союза испытывали умеренное или острое отсутствие продовольственной безопасности, из которых примерно 1% сталкивался с острым отсутствием продовольственной безопасности.

→ Помимо того, что МРН и масштабы острого отсутствия продовольственной безопасности в ряде стран региона существенны, и что масштабы умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности по-прежнему довольно высоки, столь же тревожно и то, что новые оценки 2018 года подтверждают факт отсутствия изменений этого параметра на протяжении уже нескольких лет (или незначительного его снижения). В некоторых странах региона, в частности, в Центральной Азии и на Кавказе, масштабы умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности начинают увеличиваться. Это ставит под угрозу перспективы достижения «нулевого

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

голода» к 2030 году, что, как мы знаем, предполагает ликвидацию не только голода, но и умеренного отсутствия продовольственной безопасности.

→ Оценки с разбивкой по гендерному признаку по разным странам региона показывают, что показатели умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности среди женщин несколько выше, чем среди мужчин (10,7% у женщин, но 9,8% у мужчин). Это может быть признаком гендерного неравенства, нашедшим свое отражение в доступе к продовольствию. Для обеспечения того, чтобы все люди независимо от пола имели достаточное продовольствие и качество питания, необходимо принимать целенаправленные меры на всех уровнях и по разным направлениям политики.

→ Помимо отсутствия продовольственной безопасности, во многих странах региона сохраняются в относительно больших масштабах различные проявления неполноценного питания: задержка роста, истощение и избыточная масса тела среди детей в возрасте до пяти лет; анемия среди женщин детородного возраста; ожирение среди подростков и взрослых; и недостаточный показатель исключительно грудного вскармливания в возрасте до шести месяцев. Большинство стран также сталкивается с различными формами неполноценного питания, и масштабы его расширяются за счет того, что состояние отсутствия продовольственной безопасности переходит в неполноценное питание во всех формах. При сохранении тенденций последнего времени в области продовольственной безопасности и питания, существует опасность того, что многие страны не сумеют к 2030 году выполнить задачу в этой области.

→ В регионе ЕЦА избыточный вес и ожирение представляют собой серьезные проблемы в плане здравоохранения. В 2016 году почти во всех странах показатель ожирения был сравнительно высоким – выше среднемирового показателя 13,2%, а в 13 странах – вдвое выше этого. Вызывает озабоченность не только тот факт, что во всех странах

показатели растут, но и то, что в большинстве стран региона темпы этого роста в последние годы (2010–2016) выше, чем в предыдущем десятилетии (2000–2010).

→ В этом году в докладе «Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире» впервые приведены оценки масштабов низкого веса при рождении. В регионе ЕЦА показатель масштабов низкого веса при рождении меньше среднемирового, составляющего 14,6% (в 2015 году), но в большинстве стран недавно отмечена тенденция к росту этого показателя. В случае сохранения этой тенденции, поставленная Всемирной ассамблеей здравоохранения задача к 2025 году снизить показатель низкого веса при рождении на 30% не будет решена.

ЧАСТЬ 2: ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПИТАНИЕ: ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ

→ Социально-экономическое неравенство замедляет или затрудняет работу по сокращению масштабов нищеты, отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания, ставя под угрозу реализацию главного тезиса Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: «никто не должен быть забыт». Во все большем числе проводимых по всему миру исследований изучаются вопросы неравенства в контексте итоговых показателей отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания в силу различных социально-экономических факторов.

→ Неравенство в плане показателей трех форм неполноценного питания у детей в возрасте до пяти лет – задержка роста, истощение и избыточный вес – довольно незначительно, если оценивать его по признаку пола ребенка и места проживания (село или город), но сравнительно велико при оценке по признакам образования и здоровья матери, а также географического региона. В большинстве случаев этот разрыв сокращается, однако показатель для находящихся в неблагоприятных

условиях подгрупп, например, относящихся к нижним квинтилям уровня богатства, или с более низким уровнем образования матерей, снижается темпами, сходными с темпами для подгрупп, находящихся в благоприятных условиях. Ключом к сокращению масштабов всех трех форм неполноценного питания у детей в возрасте до пяти лет будут меры, направленные на повышение уровня образования и получение дохода/занятость матерей, живущих в неблагоприятных условиях.

→ Масштабы ожирения среди взрослых растут быстрее в тех домохозяйствах, которые, исходя из их условий жизни и работы, дохода и образования, идентифицированы как относящиеся к более низким когортам социально-экономических групп.

→ Для решения проблем социально-экономического неравенства необходимо, среди прочего, проводить целевые мероприятия в интересах живущих в неблагоприятных условиях и уязвимых групп. Показатель общего процветания, определяемый как рост доходов наименее обеспеченных 40% населения, имел положительную динамику во многих странах тех субрегионов ЕЦА, где масштабы нищеты, отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания сравнительно велики. Показатель экономической выгоды общего процветания, определяемый как разница показателя роста доходов наименее обеспеченных 40% населения и показателя роста доходов всего населения, как правило, является положительным для стран региона ЕЦА с относительно низким уровнем доходов и означает сокращение масштабов неравенства. Этому процессу также способствует ускорение темпов экономического роста в странах с низким уровнем доходов, структурные преобразования в которых дали возможность наиболее уязвимым группам подняться выше черты бедности этих стран. Однако в последние годы в результате замедления экономики сокращение масштабов неравенства в этих странах прекратилось, тогда как в других группах стран региона ЕЦА масштабы неравенства по-прежнему являются предметом озабоченности.

→ Результаты проведенных недавно исследований указывают на существование горизонтального неравенства между группами в силу таких факторов, как когорта рождения, профессия, место проживания, район в регионе, возраст, пол, этническая принадлежность и т.д.; из этого делается вывод, что меры политики и программ должны учитывать не только неравенство доходов разных людей, но и факторы напряженности между группами, связанные с распределением.

→ Данные о государственных расходах на сельское хозяйство показывают, что почти все страны региона недостаточно инвестируют в столь важный для экономики сектор, как сельское хозяйство, о чем свидетельствует индекс ориентированности на сельское хозяйство показателя 2.А достижения Целей устойчивого развития. Более того, расчеты показывают, что страны, в которых доля занятых в сельском хозяйстве относительно общей численности занятых больше, чем доля сельского хозяйства в экономике, в среднем, инвестируют в сельское хозяйство меньше.

→ Для достижения целей в области продовольственной безопасности, питания и окружающей среды (особенно путем решительного перенаправления ассигнований от традиционных мер по поддержке цен и доходов на общие услуги и развитие сельских районов), помимо увеличения инвестиций в сельское хозяйство и сельские районы, необходимо повысить эффективность освоения средств.

ЧАСТЬ 3: СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА, ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ЕВРОПЕ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

→ Главной темой доклада этого года является вопрос структурных преобразований, осуществляемых в регионе Европы и Центральной Азии в масштабах экономики в целом, в продовольственном и сельскохозяйственном секторах, в области

ОСНОВНЫЕ ТЕЗИСЫ

потребления продовольствия и режимов питания, а также в отношении мер политики. После подведения итогов преобразований за последние три десятилетия главный вопрос можно сформулировать следующим образом: «Что требуется для изменения направленности текущих мер политики и практики для достижения целей и задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года?»

→ Анализ показывает, что в нескольких странах региона относительная доля занятых в сельском хозяйстве по-прежнему заметно больше, чем доля сельского хозяйства в экономике. Это свидетельствует о том, что хотя сельское хозяйство является одним из важных источников дохода для значительной части населения, производительность труда в секторе сельского хозяйства ниже, чем в других секторах. Это является одним из факторов более значительных масштабов нищеты в сельских районах, отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания и указывает на необходимость увеличения поддержки сельского хозяйства и развития сельских районов с целью повышения производительности и обеспечения диверсификации доходов, формирования сети социальной защиты для сельской бедноты и производства продукции с большей добавленной стоимостью. Рост сельского хозяйства в регионе впечатляет, однако в ряде стран есть признаки его замедления. Растет также и нестабильность производства сельскохозяйственной продукции (предположительно в силу потрясений, связанных с нестабильностью климата, торговли и экономики).

→ За последние два десятилетия практически все страны региона добились впечатляющих успехов в деле обеспечения наличия разных видов продовольствия за счет производства и торговли, однако в некоторых исследованиях ставятся вопросы относительно качества современных рационов питания в сравнении с рекомендуемыми здоровыми рационами. Однако фактологическая база реального потребления различных пищевых продуктов и питательных веществ, как правило, недостаточна для того, чтобы сформулировать однозначные выводы.

→ Данные показывают, что доля пищевых продуктов животного происхождения в общем объеме калорий, полученных с рационом питания, в большинстве стран увеличилась. В целом в большинстве стран отмечается значительный рост потребления всех подгрупп пищевых продуктов; выросло также разнообразие и наличие питательных пищевых продуктов. Однако в разных субрегионах ситуация значительно отличается. Например, в Турции и странах западной части Балканского полуострова имеется в наличии больше фруктов, овощей и бобовых. Кроме того, в европейских странах Содружества Независимых Государств в наличии больше мяса и рыбы, а в странах Центральной Азии достаточно фруктов, овощей и рыбопродуктов. Эти тенденции указывают на необходимость прилагать больше усилий для улучшения положения с наличием ряда продовольственных товаров в рамках учитывающих соображения качества питания мер политики как в области производства, так и торговли.

→ За последние два десятилетия доля торговли агропродовольственной продукцией в общем объеме торговли изменилась незначительно, однако ее объемы (как экспорт, так и импорт) выросли существенно, что способствует экономическому росту, продовольственной безопасности и питанию в странах, ранее входивших в состав Советского Союза. Продовольствия стало больше, и оно стало более разнообразным, однако увеличился и импорт пищевых продуктов, подвергшихся глубокой технологической обработке, с высоким содержанием жиров, сахара и/или соли, что отрицательно сказывается на качестве питания и здоровье. Потребуется дополнительные исследования для выявления факторов, определяющих рост объемов потребления этих пищевых продуктов, и их влияния на качество питания, особенно в плане ожирения и неинфекционных заболеваний.

→ Во многих странах региона таможенные тарифы снижаются, однако ожидаемого расширения торговли зачастую не происходит в силу нетарифных мер. Проведенные ЕЭК ООН тематические

исследования показывают, что в отличие от таможенных тарифов, нетарифные меры реализуются в самых разнообразных формах и часто являются непрозрачными, скрытыми в глубинах хозяйственных механизмов и трудно искоренимыми. Поэтому в мире уделяется большое внимание проблеме нетарифных мер. По материалам тематических исследований в настоящем докладе предлагается девять категорий рекомендаций.

→ Для целей изменения направленности производства, рационов питания и связанных с ними мер политики для решения задач продовольственной безопасности и питания все более широкое признание получают два механизма: продовольственные системы и агроэкологические приемы, которые также являются и компонентами устойчивых продовольственных систем.

→ В число желательных характеристик этих механизмов входят такие аспекты, как больший учет в сельском хозяйстве вопросов качества питания, содействие диверсификации фермерских хозяйств, расширение поддержки мелких и семейных фермерских хозяйств, стимулирование производства и потребления пищевых продуктов, составляющих здоровые рационы питания, обеспечение роста занятости в сельских районах, а также поддержка систем стимулирования и надбавок за применение экологически безопасных приемов. Изменение направленности в соответствии с этими установками диктует необходимость переноса внимания в вопросах поддержки сельского хозяйства на общие услуги и развитие сельских районов.

→ Переход от одной системы к другой – нелегкая задача, и при ее реализации необходимо решать многие проблемы, включая дилемму издержек и цен для фермеров, зависимость потребителей от супермаркетов, и внутренне противоречивые требования того, чтобы фермеры продавали высококачественную продукцию по низким ценам. Еще одной проблемой является выявление средств измерения успешности агроэкологического преобразования. Помимо урожайности, оценка эффек-

тивности работы той или иной системы должна включать экологические, экономические и социальные аспекты. Есть целый ряд устоявшихся взглядов и подходов, препятствующих переходу от традиционных продовольственных систем к агроэкологии и устойчивым продовольственным системам.

→ Существуют компромиссные решения для достижения всех целей продовольственных систем и агроэкологии, но далеко не очевидно, что можно реализовать все эти цели. Государственная политика играет критически важную роль в обеспечении стимулов и создании благоприятной среды для участия всех мелких собственников.

→ В регионе Европы и Центральной Азии есть много примеров новаторских и успешных подходов и приемов в области развития сельских районов и агроэкологии, которые необходимо доработать и широко применять. Наглядными примерами комплексов мер, охватывающих все желательные характеристики продовольственных систем и агроэкологии, являются проводимая Евросоюзом политика развития сельских районов (второй основной элемент единой сельскохозяйственной политики) и Национальная агроэкологическая программа Франции.

→ Мелкие фермерские хозяйства по-прежнему имеют ограниченный доступ к инновациям, технологиям, знаниям и информации, необходимым для повышения продуктивности и доходов. Они подвержены влиянию таких неблагоприятных явлений, как засухи и паразиты животных, и сталкиваются с проблемами в плане доступа к производственным ресурсам и рынкам сбыта продукции. В рекомендациях относительно изменения направленности мер политики следует особо выделить необходимость обеспечения целенаправленной работы в интересах беднейших, наиболее уязвимых и иным образом социально обособленных групп населения сельских районов, в том числе на основе мер социальной поддержки и других мер управления в условиях рисков для содействия их переходу к использованию устойчивых приемов или, напротив, уходу из этого сектора.

ВВЕДЕНИЕ

Неудивительно, что, поскольку в регионе Европы и Центральной Азии столь велики различия в уровнях доходов, а в двух субрегионах – Центральной Азии и Кавказа – валовый валовой внутренний продукт на душу населения в 2017 году был ниже 5000 долл. США (в постоянных ценах 2010 года), этому региону следует уделять самое пристальное внимание проблемам отсутствия продовольственной безопасности, неполноценного питания и другим социально-экономическим проблемам. Как было показано в «Региональных обзорах состояния продовольственной безопасности и питания в Европе и Центральной Азии» 2017 и 2018 годов, многие страны региона сталкиваются с проблемами, связанными с отсутствием продовольственной безопасности и неполноценного питания в той или иной форме, будь то отсутствие или недостаток доступа к питательным и разнообразным пищевым продуктам, анемия у женщин детородного возраста или избыточная масса тела и ожирение у детей, подростков и взрослых; и в настоящем докладе будет продолжено их обсуждение. В разных регионах, однако, особое значение приобретают разные аспекты этой проблемы, частично в силу различий уровня доходов на душу населения, а частично в силу других социально-экономических причин.

В целом по региону недоедание или голод не являются проблемой; исключения составляют пять или шесть стран, где эти показатели все еще превышают 5%. Но вызывает беспокойство тот факт, что в последние годы темпы уменьшения этого показателя замедлились, а в некоторых странах и субрегионах даже отмечается его небольшой рост. Это ставит под угрозу перспективы достижения «нулевого голода» к 2030 году. Другой показатель отсутствия продовольственной безопасности (который используется для отслеживания хода работы по выполнению задач Цели 2 в области устойчивого развития и формируется на основе прямых опросов населения) показывает, что хотя масштабы острого отсутствия продовольственной безопасности в регионе очень невелики, масштабы умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности имеют значимую величину, что свидетельствует о недостатке или отсутствии круглогодичного доступа к питательным и разнообразным пищевым продуктам. Кроме того, в регионе имеется много крупных очагов неполноценного питания детей в возрасте до пяти лет и отмечаются довольно высокие и неуклонно растущие показатели ожирения у взрослых и анемии у женщин детородного возраста.

В части I настоящего доклада (как это обычно делается в этом докладе для оценки хода работы по достижению Цели 2 в области устойчивого развития «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства») на основе обновленных оценок рассматривается ход работы по достижению этих показателей.

Факторы, объясняющие замедление или прекращение продвижения к достижению продовольственной безопасности, и вызовы в связи с различными формами неполноценного питания рассматриваются в тематических исследованиях в рамках последнего регионального обзора, а также в глобальных докладах ФАО и других партнеров по ООН, включая доклад «Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире». В издании этого глобального доклада 2017 года давалась оценка роли конфликтов, 2018 года – климатических потрясений, а в 2019 году представлены выводы относительно третьего фактора отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания – замедления и неустойчивости экономического развития.

В региональном докладе по Европе и Центральной Азии рассматриваются ключевые вопросы, касающиеся этого региона. В издании 2018 года проведена подробная оценка вопросов трудовой миграции, денежных переводов и отсутствия продовольственной безопасности, а также бедственного положения в сельских районах, а в более ранних изданиях оценивалась уязвимость региона в плане ухудшения состояния окружающей среды и изменения климата, а также тенденции и особенности, отмеченные в связи с тройным бременем неполноценного питания. В настоящем региональном докладе 2019 года рассматриваются вопросы структурных преобразований сельскохозяйственных и продовольственных систем, и варианты мер политики, направленных на решение вопросов продовольственной безопасности и питания в Европе и Центральной Азии.

В научной литературе всесторонне подтвержден факт того, что неимущие слои населения в мире в основном сосредоточены в сельских районах и их положение во многом зависит от состояния сельского хозяйства; показатели нищеты среди населения сельских районов, как правило, гораздо выше, чем в городах. Поэтому степень развития сельско-

го хозяйства и сельских районов существенным образом определяет характер проблем в области продовольственной безопасности и питания, рассматриваемых в этих докладах о состоянии продовольственной безопасности и питания. Выводы этого доклада затем дополнительно группируются по признакам пола и возраста для лучшего понимания аспектов неравенства и специфики уязвимости тех или иных групп населения, чтобы эту информацию можно было использовать для выработки адресных мер вмешательства.

В части II настоящего доклада рассматриваются два избранных политических фактора и процесса в регионе. В первом аналитическом обзоре рассматриваются результаты расширения масштабов государственной поддержки сельского хозяйства в регионе; для этого используется показатель мониторинга осуществления инвестиций в сельское хозяйство Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года – индекс ориентированности на сельское хозяйство. Данные указывают на недостаточный уровень инвестиций в столь важный для экономики сектор, как сельское хозяйство, почти во всех странах. Столь же важна и эффективность освоения средств. Вопросы качества и установления приоритетов рассматриваются в части III доклада в контексте изменения направленности сельскохозяйственной политики и инвестиций на цели обеспечения продовольственной безопасности, питания и решения экологических задач в соответствии с Повесткой дня на период до 2030 года.

В рамках второго аналитического обзора в части II рассматривается застарелая проблема сохраняющегося неравенства между подгруппами населения в плане ключевых показателей продовольственной безопасности и питания, а также факторы их определяющие. В нем представлены статистические данные о влиянии проявлений неравенства на состояние неполноценного питания, а также о том, как рост доходов наименее обеспеченных 40% населения соотносится с общими показателями роста доходов – т.е., в какой степени группы с более низким уровнем доходов участвуют в «общем процветании». В обзоре отмечается, что для ускорения продвижения к выполнению задач Повестки дня на период до 2030 года необходимо конкретно решить целый ряд задач неравенства.

То, насколько быстро страны смогут сократить масштабы нищеты, отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания, зависит от того, насколько успешным будет процесс структурных преобразований экономики. Там, где эти преобразования будут успешными, доля занятых в сельском хозяйстве не будет значительно отличаться от доли этого сектора в общем объеме экономики, что будет способствовать более быстрому сокращению масштабов нищеты в сельских районах, отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания. В данном регионе в нескольких странах доля занятых в сельском хозяйстве все еще значительно выше доли этого сектора в доходах, что создает дисбаланс социально-экономического равенства, который необходимо устранять, уделяя больше внимания сельскому хозяйству и развитию сельских районов.

В качестве специальной для настоящего доклада темы, которая представлена в части III, выбрана тема структурных преобразований. Она охватывает вопросы преобразований экономики в целом, сельскохозяйственного производства, потребления продовольствия и рационов питания, а также изменения политики. Главный вопрос можно сформулировать следующим образом: «Что требуется для преобразования сельскохозяйственных и продовольственных систем в интересах достижения целей и задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года?»

Таким образом, настоящий доклад состоит из трех следующих частей:

Часть I, в которой дается общий обзор состояния продовольственной безопасности и питания и анализируется девять показателей продовольственной безопасности и питания: два, касающихся продовольственной безопасности (масштабы распространения недоедания и непосредственно воспринимаемое отсутствие продовольственной безопасности), и семь, касающихся питания (задержка роста, истощение и избыточная масса тела у детей в возрасте до пяти лет, ожирение у взрослых, анемия у женщин детородного возраста, исключительно грудное вскармливание в первые шесть месяцев жизни и низкий вес при рождении).

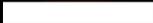
Часть II, в которой рассматриваются фундаментальные факторы наблюдаемых тенденций и представлен анализ двух избранных тем, каждая из которых охватывает вопросы, тенденции и перспективы: i) сохраняющегося неравенства между подгруппами населения в плане ключевых показателей продовольственной безопасности и питания, а также факторы их определяющие; и ii) государственные инвестиции в сельское хозяйство.

Часть III, в которой дается анализ вопросов структурных преобразований сельского хозяйства, продовольственных систем и продовольственной политики и рассматриваются изменения общей структуры экономики, структуры сельскохозяйственного производства и потребления пищевых продуктов, а также проблемы в связи с изменением направленности сельского хозяйства, рационов питания и мер политики на более устойчивые агропродовольственные системы и выполнением задач, поставленных в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

**РЕГИОН АРАРАТ,
АРМЕНИЯ**

Ученики первого
класса обедают в
столовой школы,
являющейся
бенефициаром
проекта ФАО по
обеспечению
продовольственной
безопасности и
улучшению питания.
© ФАО/Karen Minasyan

ЧАСТЬ 1
ОБЗОР
СОСТОЯНИЯ
ПРОДОВОЛЬ-
СТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
И ПИТАНИЯ
В ЕВРОПЕ И
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ

ОБЗОР СОСТОЯНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПИТАНИЯ В ЕВРОПЕ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Цель 2 в области устойчивого развития (ЦУР 2) Повестки дня на период до 2030 года предполагает ликвидацию голода, достижение продовольственной безопасности, улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства. Это комплексная задача, охватывающая все четыре измерения продовольственной безопасности (наличие, доступность, использование и стабильность) и вопросы питания, и для регулярного предоставления государствам-членам, региональным органам и международным организациям полезных фактических данных необходимо наладить систему мониторинга хода работы под достижение показателей ЦУР 2. ФАО взяла на себя обязательство отслеживать тенденции в сфере продовольственной безопасности и питания на глобальном, региональном и национальном уровнях, действуя совместно со своими партнерами в рамках Повестки дня на период до 2030 года.

Регион Европы и Центральной Азии¹ является неоднородным в плане структуры экономики, климатических условий, темпов экономического роста и перехода к рыночной экономике, а также других социально-демографических особенностей входящих в него стран. В его состав входят страны Западной Европы², страны Центральной и Восточной Европы с переходной экономикой, страны Кавказа и Центральной Азии. Более половины стран этого региона являются членами или кандидатами в члены Европейского союза. Растет и роль Евразийского экономического союза в регионе.

Задача 2.2 ЦУР 2 также предполагает «покончить со всеми формами недоедания» к 2030 году. В контексте этой задачи неполноценное питание охватывает широкий спектр вопросов с использованием нескольких показателей. Эти задачи в области питания и здоровья

выработаны на основе задач, поставленных Всемирной ассамблеей здравоохранения (ВАЗ) 2012 года, которая утвердила шесть глобальных задач, предполагающих к 2025 году улучшить питание матерей, а также детей грудного и раннего возраста. Для согласования этой работы со сроками реализации Повестки дня на период до 2030 года, решение задач к 2025 году впоследствии было перенесено на 2030 год (таблица 1). Три из шести задач – в области задержки роста, истощения и избыточной массы тела у детей в возрасте до пяти лет – также включены в механизм мониторинга достижения ЦУР. Кроме того, Планом действий ВОЗ по профилактике неинфекционных заболеваний (НИЗ) и борьбе с ними также предусматривается прекращение расширения масштабов ожирения в мире к 2025 году. Таким образом, в настоящем докладе отслеживается и оценивается семь задач.

В данной части доклада представлено текущее состояние продовольственной безопасности и питания, а также составленная на основе последних оценок обновленная информация о ходе работы вплоть до 2018 года по странам региона Европы и Центральной Азии (ЕЦА). В области продовольственной безопасности реализация Повестки дня на период до 2030 года отслеживается с помощью двух индикаторов: масштабов распространения недоедания (МРН) и шкалы восприятия отсутствия продовольственной безопасности (ШВОПБ). Показатели различных форм неполноценного питания детей в возрасте до пяти лет отслеживаются с помощью трех ключевых индикаторов: задержки роста (индикатор 2.2.1 ЦУР), истощения (индикатор 2.2.2 ЦУР) и избыточной массы тела (индикатор 2.2.2 ЦУР). Также рассмотрены индикаторы низкого веса при рождении, анемии среди женщин детородного возраста, исключительно грудного вскармливания в первые шесть месяцев жизни

ТАБЛИЦА 1
ГЛОБАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ В ОБЛАСТИ ПИТАНИЯ НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА, СФОРМУЛИРОВАННЫЕ НА ОСНОВЕ ПЕРЕСМОТРА ЗАДАЧ ДО 2025 ГОДА

	Задача на 2025 год	Задача на 2030 год
Задержка роста	Сокращение на 40% количества детей в возрасте до пяти лет, у которых отмечается задержка роста	Сокращение на 50% количества детей в возрасте до пяти лет, у которых отмечается задержка роста
Анемия	Сокращение на 50% количества женщин детородного возраста, страдающих от анемии	Сокращение на 50% количества женщин детородного возраста, страдающих от анемии
Низкий вес при рождении	Сокращение на 30% количества родившихся с низким весом	Сокращение на 30% количества родившихся с низким весом
Избыточная масса тела у детей	Стабилизации количества детей с избыточной массой тела	Сокращение и стабилизация количества детей, страдающих от истощения, на уровне ниже трех процентов
Грудное вскармливание	Увеличение показателя исключительно грудного вскармливания в первые шесть месяцев жизни ребенка до не менее 50%	Увеличение показателя исключительно грудного вскармливания в первые шесть месяцев жизни ребенка до не менее 70%
Истощение	Сокращение и стабилизация количества детей, страдающих от истощения, на уровне ниже пяти процентов	Сокращение и стабилизация количества детей, страдающих от истощения, на уровне ниже трех процентов

ИСТОЧНИК: *The extension of the 2025 Maternal, Infant and Young Child nutrition targets to 2030*. WHO and UNICEF (2018).

и ожирения у взрослых. Рассмотрение этих индикаторов в совокупности дает возможность выделить компоненты многопланового бремени неполноценного питания, когда одновременно проявляется несколько его форм. ■

■ МАСШТАБЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕДОЕДАНИЯ И МАСШТАБЫ ОТСУТСТВИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, РАССЧИТАННЫЕ НА ОСНОВЕ ШВОПБ

Масштабы распространения недоедания (МРН) и шкала восприятия отсутствия продовольственной безопасности (ШВОПБ) – это два показателя, с помощью которых отслеживается ход работы по сокращению масштабов нищеты и обеспечению доступа к продовольствию в рамках реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. МРН также являлся главным пока-

зателем, использовавшимся для отслеживания работы по достижению цели, поставленной Всемирным продовольственным саммитом, и Цели 1С в области развития «Искоренение крайней нищеты и голода», сформулированной в Декларации тысячелетия (ЦРДТ). Оценочные показатели МРН получают на основе данных национальных продовольственных балансов и рассчитывают на основе трех параметров: среднего национального показателя энергетической ценности рациона питания; минимально необходимой энергетической ценности рациона питания в среднем на одного человека; и показателя распределения продовольствия в стране. ШВОПБ дает картину степени отсутствия продовольственной безопасности отдельных лиц и домохозяйств, которая формируется на основе прямых ответов людей на вопросы, касающиеся их доступа к достаточному по объему и качеству продовольствию. Таким образом, она представляет собой эмпирический показатель, отражающий аспект продовольственной безопасности, связанный с доступом.

Масштабы распространения недоедания

ФАО не считает оценки МРН национального уровня ниже 2,5% достаточно надежными для целей отчетности в силу статистических

ТАБЛИЦА 2
**МАСШТАБЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕДОЕДАНИЯ И ЧИСЛЕННОСТЬ СТРАДАЮЩИХ ОТ НЕДОЕДАНИЯ
 В РЕГИОНЕ ЕЦА В 2004–2018 ГОДАХ**

	Масштабы недоедания (%)					Численность недоедающих (млн)				
	2004–2006	2010–2012	2014–2016	2015–2017	2016–2018	2004–2006	2010–2012	2014–2016	2015–2017	2016–2018
КАВКАЗ	6,4	4,3	3,2	3,3	3,3	1,0	0,7	0,5	0,5	0,5
Армения	7,8	5,6	3,8	4,0	4,3	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1
Азербайджан	5,5	<2,5	<2,5	<2,5	<2,5	0,5	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.
Грузия	7,2	8,1	7,6	7,8	7,9	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ	11,0	6,7	5,5	5,6	5,6	6,5	4,3	3,8	3,9	4,0
Казахстан	5,9	2,7	<2,5	<2,5	<2,5	0,9	0,5	н.з.	н.з.	н.з.
Кыргызстан	9,7	7,8	6,6	6,8	7,1	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4
Таджикистан	н.п.	н.п.	н.п.	н.п.	н.п.	н.п.	н.п.	н.п.	н.п.	н.п.
Туркменистан	4,8	4,9	4,9	5,1	5,4	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3
Узбекистан	14,5	8,1	6,4	6,3	6,3	3,9	2,4	2,0	2,0	2,0
ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ СНГ	<2,5	<2,5	<2,5	<2,5	<2,5	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.
Беларусь	3,0	<2,5	<2,5	<2,5	<2,5	0,3	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.
Республика Молдова	н.п.	н.п.	н.п.	н.п.	н.п.	н.п.	н.п.	н.п.	н.п.	н.п.
Российская Федерация	<2,5	<2,5	<2,5	<2,5	<2,5	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.
Украина	<2,5	<2,5	3,0	3,3	3,5	н.з.	н.з.	1,3	1,5	1,5
ЗАПАДНЫЕ БАЛКАНЫ И ТУРЦИЯ	<2,5	<2,5	<2,5	<2,5	<2,5	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.
Албания	10,9	6,6	6,0	6,1	6,2	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2
Босния и Герцеговина	3,2	<2,5	<2,5	<2,5	<2,5	0,1	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.
Черногория	–	<2,5	<2,5	<2,5	<2,5	–	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.
Северная Македония	6,1	4,6	3,8	3,5	3,2	0,1	<0,1	<0,1	<0,1	<0,1
Сербия	–	6,0	5,9	5,7	5,7	–	0,5	0,5	0,5	0,5
Турция	<2,5	<2,5	<2,5	<2,5	<2,5	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.
ЕС-28	<2,5	<2,5	<2,5	<2,5	<2,5	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.
Страны ЕАСТ	<2,5	<2,5	<2,5	<2,5	<2,5	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.
ЕВРОПА И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ	<2,5	<2,5	<2,5	<2,5	<2,5	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.

ПРИМЕЧАНИЯ: обозначение «н.з.» означает, что данные не представлены, поскольку оценка МРН ниже 2,5%. Обозначение «н.п.» означает, что оценки не проводились.
 ИСТОЧНИК: ФАО (2019).

погрешностей параметров, используемых для его подсчета. Это замечание относится к 39 из 50 стран региона Европы и Центральной Азии (ЕЦА) в связи с подсчетами за 2016–2018 годы (и в целом за ряд предшествующих периодов). В число этих 39 стран вошли 28 государств-членов Европейского союза, четыре – Европейской ассоциации свободной торговли и семь – из четырех других субрегионов.

В **таблице 2** представлены оценки по 18 странам четырех субрегионов, которые считаются наиболее проблемными в регионе ЕЦА в плане продовольственной безопасности и питания (а также средние показатели по 28 членам ЕС и членам ЕАСТ). По семи странам из 18 значения МРН были оценены ниже 2,5%, а по девяти – выше этой величины (на момент подготовки доклада обновленных оценок не было по Республике Молдове и Таджикистану).

Значения МРН превысили 5% по шести из девяти стран: трем в Центральной Азии, двум – на Балканском полуострове и одной – на Кавказе, причем в эту группу не вошла ни одна европейская страна СНГ.

Данные МРН за пять периодов между 2004 и 2018 годами в **таблице 2** помогают оценить два аспекта этих тенденций: первый – прогресс, достигнутый с 2004–2006 годов; и второй – стабильность показателей МРН в последние годы. По первому аспекту данные показывают, что в нескольких странах МРН заметно снизились за короткий период после 2004–2006 годов. Например, в Казахстане этот показатель сократился с 5,9% в 2004–2006 годах до 2,7% через шесть лет, а в последующие четыре года был ниже 2,5%. В Узбекистане всего за десять лет (с 2004–2006 по 2014–2016 годы) МРН снизился вдвое. Заметное снижение этого показателя также было достигнуто в Албании и Армении.

Второй аспект – стабильность показателей МРН в последние годы – является предметом озабоченности как в мире, так и во всех его регионах. Согласно последним оценкам, за последние два–три года все чаще отмечается замедление темпов сокращения МРН или даже рост этого показателя, что ставит под угрозу перспективы решения к 2030 году задачи полного искоренения крайнего голода. В случае региона ЕЦА, данные **таблицы 2** за периоды 2014–2016 и 2016–2018 годов показывают неизменность показателей МРН по восьми из девяти стран, по которым имеются данные, и единственным исключением из этой тенденции является Северная Македония. Что еще хуже – в четырех странах: Армении, Кыргызстане, Туркменистане и Украине, МРН несколько вырос.

Если говорить о численности страдающих от недоедания людей, то общие показатели по субрегионам за последние три периода свидетельствуют о том, что на Кавказе эта цифра застыла на уровне полумиллиона человек, а в Центральной Азии численность такого населения даже немного выросла. По другим субрегионам численность недоедающих не оценивается, поскольку МРН в них ниже порогового показателя в 2,5%.

Каковы могли бы быть глубинные непосредственные причины этой стабильности или даже роста МРН, а также численности недоедающих?

Выявлению таких факторов и анализу их взаимосвязи посвящены тематические исследования в рамках подготовки «Регионального обзора состояния продовольственной безопасности и питания в Европе и Центральной Азии», а также опубликованные ФАО глобальные доклады «Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире». В глобальном докладе 2017 года давалась оценка роли конфликтов, 2018 года – климатических потрясений, а в 2019 году представлены выводы относительно третьего основного фактора отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания – замедления и неустойчивости экономического развития. В докладе 2019 года констатируется, что в большинстве стран (84%), где произошел рост масштабов недоедания в период 2011–2017 годов, в тот же период отмечалось замедление или снижение темпов развития экономики. Большинство из них относится к группе стран со средним уровнем доходов. В регионе Европы и Центральной Азии большинство стран, не входящих в Европейский союз или ЕАСТ, также относится к группе стран со средним уровнем доходов. В докладе отмечаются современные тенденции, свидетельствующие о неоптимистичных перспективах мировой экономики в предстоящие годы в связи с ростом напряженности в торговых отношениях и увеличением кредитных ставок в мире (ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ, 2019). В региональном докладе по Европе и Центральной Азии рассматриваются ключевые вопросы, касающиеся этого региона. В издании 2018 года проведена подробная оценка вопросов трудовой миграции, денежных переводов, отсутствия продовольственной безопасности и бедственного положения в сельских районах. В докладах предыдущих годов оценивалась подверженность региона факторам ухудшения состояния окружающей среды и изменения климата, а также наблюдаемые тенденции и особенности, связанные с тройным бременем неполноценного питания.

Эмпирические данные о масштабах отсутствия продовольственной безопасности

Вторым показателем, используемым для мониторинга работы в рамках осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года по тематике отсутствия продоволь-

ственной безопасности, является показатель масштабов умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности населения (индикатор ЦУР 2.1.2), рассчитываемый на основе шкалы восприятия отсутствия продовольственной безопасности (ШВОПБ). Он дает картину положения в области отсутствия продовольственной безопасности на основе прямых ответов людей на вопросы, касающиеся их доступа к достаточному по объему и качеству продовольствию.

Опросный лист ШВОПБ включает восемь вопросов, предусматривающих два простых ответа – «да» или «нет». Респондентам задаются, например, следующие вопросы: испытывали ли они в тот или иной обозначенный период беспокойство относительно своей способности получить достаточно

продовольствия; бывали ли случаи, когда в домохозяйстве кончалось продовольствие; или бывали ли случаи, когда они были вынуждены жертвовать качеством или количеством продовольствия, которое они потребляют, в связи с недостатком денежных средств или других ресурсов (врезка 1). На основе ответов на эти вопросы составляются два индикатора масштабов с использованием двух соответствующих образом установленных пороговых значений: масштабы умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности ($FI_{mod+sev}$) и масштабы острого отсутствия продовольственной безопасности (FI_{sev}). Индикатор $FI_{mod+sev}$ представляет собой сочетание оценок процентной доли населения, испытывающего как умеренную, так и острую степень отсутствия продовольственной безопасности.

ВРЕЗКА 1

СТЕПЕНЬ ОТСУТСТВИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПО ШВОПБ – ВОСЕМЬ ВОПРОСОВ В РАМКАХ ОПРОСА ШВОПБ

Полученные на основе эмпирических данных шкалы измерения продовольственной безопасности используются много лет в целом ряде стран. В 2012 году ФАО начала реализацию проекта «Голоса голодающих» с целью формирования действительно сопоставимых классификаций для составления глобальной справочной шкалы для определения показателя острого или умеренного отсутствия продовольственной безопасности. Восемь позиций (вопросов), составляющих опросный лист ШВОПБ, подобраны таким образом, чтобы отразить разные жизненные ситуации, свойственные многим культурным укладам, для измерения уровня отсутствия продовольственной безопасности – от умеренного до острого. Общая часть вопроса сформулирована следующим образом:

Были ли за последние 12 месяцев случаи, когда из-за отсутствия денег или других средств:

1. Вы беспокоились, что Вам может не хватать продуктов питания?
2. Вы не имели возможности употреблять здоровые и питательные пищевые продукты?
3. Вам приходилось ограничиваться небольшим набором продуктов?
4. Вы были вынуждены пропускать прием пищи?
5. Вы ели меньше, чем Вам следовало бы?
6. У Вас в домохозяйстве закончились пищевые продукты?
7. Вы были голодны, но не ели?
8. Вы не ели целый день?

Ответы на эти вопросы разбиваются на следующие категории: обеспокоенность, здоровье, мало пищи, нерегулярное питание, сокращение потребления пищи, отсутствие пищи и голодание в течение всего дня. Этот комплекс из восьми вопросов и составляет шкалу, по которой определяется степень отсутствия продовольственной безопасности:

Легкое отсутствие продовольственной безопасности

Умеренное отсутствие продовольственной безопасности

Острое отсутствие продовольственной безопасности

Беспокойство, что может не хватить продовольствия

Жертвовать качеством и разнообразием продовольствия

Необходимость пропускать прием пищи

Чувство голода

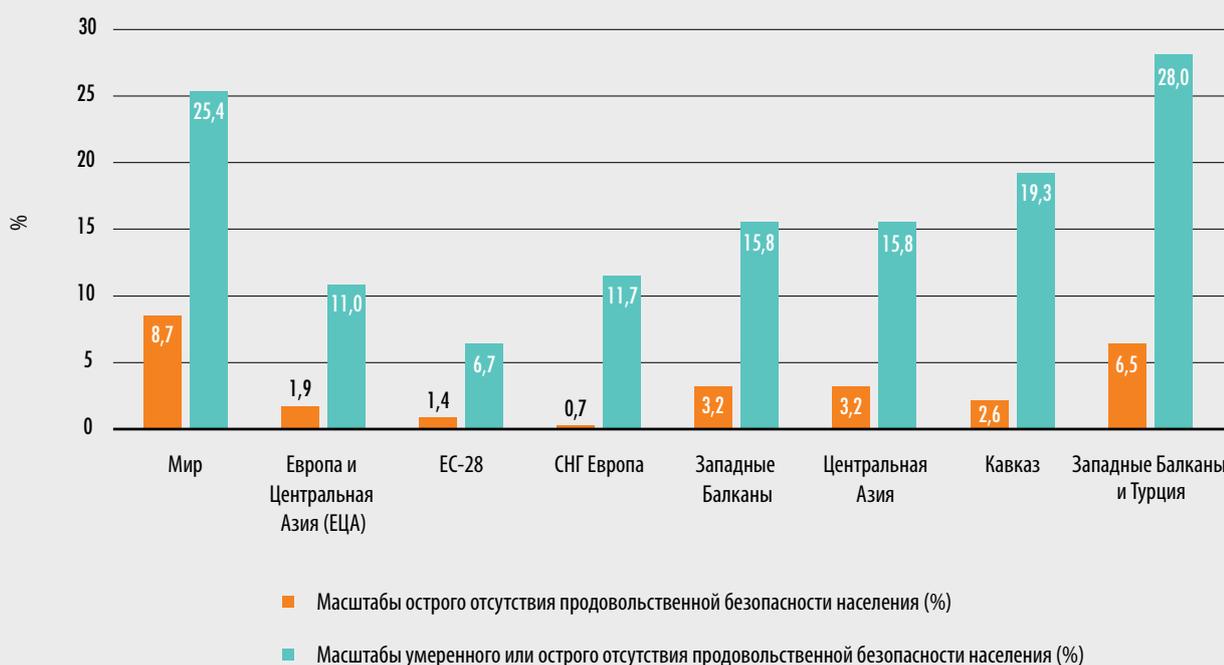
ИСТОЧНИК: ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ (2019).

Хотя показатели, полученные на основе ШВОПБ и МРН, подсчитываются на основе разных данных и подходов, значения и тенденции FI_{sev} должны в целом быть сходными со значениями и тенденциями МРН. Это не вызывает удивления, поскольку острая степень отсутствия продовольственной безопасности и сокращение в связи с этим количества потребляемого продовольствия может вызвать неспособность удовлетворять свои энергетические потребности за счет рациона питания (иными словами – возникает состояние «недоедания», определяемое в методологии МРН). В рамках глобальной выборки стран эти два индикатора показали по большинству стран сопоставимую картину, хотя некоторые страны не вписывались в эту общую картину. В тех случаях, когда различия были большими, это могло быть результатом ряда причин, например, устаревшими данными по продовольственному балансу и показателям степени неравенства, используемыми при подсчете МРН, или ошибками при проведении обследования ШВОПБ.

Более высокие показатели масштабов, полученные на основе ШВОПБ, представленные в виде МРН, также могут свидетельствовать о наличии краткосрочной нестабильности экономических и социальных условий в странах, которые сказываются на экономической доступности, но еще не нашли отражения в данных по продовольственному балансу. ФАО рассматривает такие случаи для того, чтобы выявить причину таких расхождений.

Новые оценки за 2016–2018 годы показывают, что 1,9% всего населения региона ЕЦА сталкивается с острым отсутствием продовольственной безопасности (FI_{sev}). Это значительно ниже среднего по миру показателя 8,7% и ниже показателей по регионам Азии, Латинской Америки и Ближнего Востока, где он составляет порядка 5–10% (а в Африке – около 25%). Как показано на рис. 1, по субрегионам ЕЦА показатели находятся в пределах от 0,7% для европейских стран СНГ до 6,5% для западной части Балканского полуострова и Турции

РИСУНОК 1
МАСШТАБЫ УМЕРЕННОГО ИЛИ ОСТРОГО ОТСУТСТВИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ (%) ПО СУБРЕГИОНАМ ЕВРОПЫ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (В СРЕДНЕМ ЗА 2016–2018 ГОДЫ)

ИСТОЧНИК: ФАО (2019).

в западной части Балканского полуострова). Также на рис. 1 показано значение $FI_{mod+sev}$ более подробный анализ которого приводится ниже.

Показатель 1,9% для региона ЕЦА означает, что в условиях острого отсутствия продовольственной безопасности (FI_{sev}) живут 17,7 млн человек – 6,4 млн в западной части Балканского полуострова и в Турции, 6,9 млн в 28 странах ЕС, 2,3 млн человек в Центральной Азии и меньшее количество в странах Кавказа и европейских странах СНГ.

Показатели FI_{sev} странового уровня публикуются в формате средних величин за три года для уменьшения вероятностных ошибок, и имеются оценки по 26 из 28 стран ЕС и странам ЕАСТ, а также по 10 из 18 стран других четырех субрегионов ЕЦА. Данные за 2016–2018 годы по этой последней группе стран свидетельствуют об относительно больших масштабах распространения (четыре и более процентов) в пяти странах: 11,1% в Албании; 9,6% в Таджикистане; 7,6% в Грузии; 5,1% в Кыргызстане и 4% в Армении. По 28 странам ЕС и странам ЕАСТ – в 26 странах, по которым имеются оценки, FI_{sev} ниже 2% в 20 странах, 2–4% еще в шести странах (Румыния – 4%, Бельгия – 3,6%, Португалия – 3,2%, Греция и Ирландия – по 2,8% и Финляндия – 2%). Эти оценки показывают, что острое отсутствие продовольственной безопасности не является серьезной проблемой в субрегионах ЕС–28 и ЕАСТ, однако по-прежнему является предметом озабоченности для шести–семи стран остальных четырех субрегионов. Трудно точно определить, какие факторы объясняют относительно высокие показатели в некоторых странах, поэтому придется подождать результатов анализа данных на основе множественной регрессии и других методик. Однако ясно, что от 5 до 7% населения действительно испытывают хроническое отсутствие продовольственной безопасности; все это происходит в условиях лишений, нищеты, социально-экономического неравенства, а также периодически происходящих потрясений, связанных как с погодными явлениями и конфликтами, так и с колебаниями уровня доходов от денежных переводов и экономическими кризисами.

Как отмечалось выше, как FI_{sev} так и МРН предназначены для измерения крайне острого отсутствия продовольственной безопасности или голода, поэтому параметры оценок этих

двух показателей должны быть сходными. Так было в отношении глобальной выборки стран, и такая же картина формируется в отношении большей части региона ЕЦА. В 14 странах, по которым имеются данные (помимо субрегионов ЕС–28 и ЕАСТ), среднеарифметическое значение FI_{sev} по семи странам, где МРН превышает 2,5%, составляет 4,7%, а среднеарифметическое значение МРН по этим же странам составляет 5,9%. Среднеарифметическое значение FI_{sev} по другим семи странам – по которым МРН ниже 2,5% – составляет 2%, что примерно соответствует масштабу когорты, которую характеризует МРН менее 2,5%. В странах субрегионов ЕС–28 и ЕАСТ, по которым имеются оценочные данные, средневзвешенный показатель FI_{sev} составляет 1,4%, что соответствует значению МРН менее 2,5% по большинству стран.

Исходя из характера озабоченностей в связи с отсутствием продовольственной безопасности в регионе ЕЦА, в частности, опыта или страха вынужденного ухудшения качества или разнообразия пищевых продуктов, показатель $FI_{mod+sev}$ ³ представляет собой гораздо более пригодный чем FI_{sev} показатель для оценки масштабов существующих проблем отсутствия продовольственной безопасности. В отличие от очень низких уровней FI_{sev} в регионе, показатель $FI_{mod+sev}$ по региону ЕЦА довольно высок (в среднем 11%) (рис. 2). Он показывает, что в 2016–2018 годах масштабы распространения составляли от 6,7% в ЕС–28 до 28% в субрегионе западной части Балканского полуострова и Турции (в Западных Балканах примерно 15,8%), а в остальных трех регионах за тот же трехгодичный период они составляли 11–19,3%.

На уровне стран, средний показатель $FI_{mod+sev}$ за 2016–2018 годы превышал 10% в большинстве из 14 стран четырех субрегионов ЕЦА за пределами ЕС–28 и ЕАСТ. В четырех из девяти стран первой группы показатели масштабов превышали 30%: Албания – 38,6%; Армения – 34,5%; Грузия – 34,3%; и Таджикистан – 30%.

Сочетание умеренного и острого отсутствия продовольственной безопасности дает оценочный показатель $FI_{mod+sev}$ (индикатор ЦУР 2.1.2) на уровне 11% населения региона, что для региона ЕЦА составляет более 100 млн человек.

Этот показатель гораздо ниже среднемирового (25,4%), но все же не соответствует принципам Повестки дня на период до 2030 года.

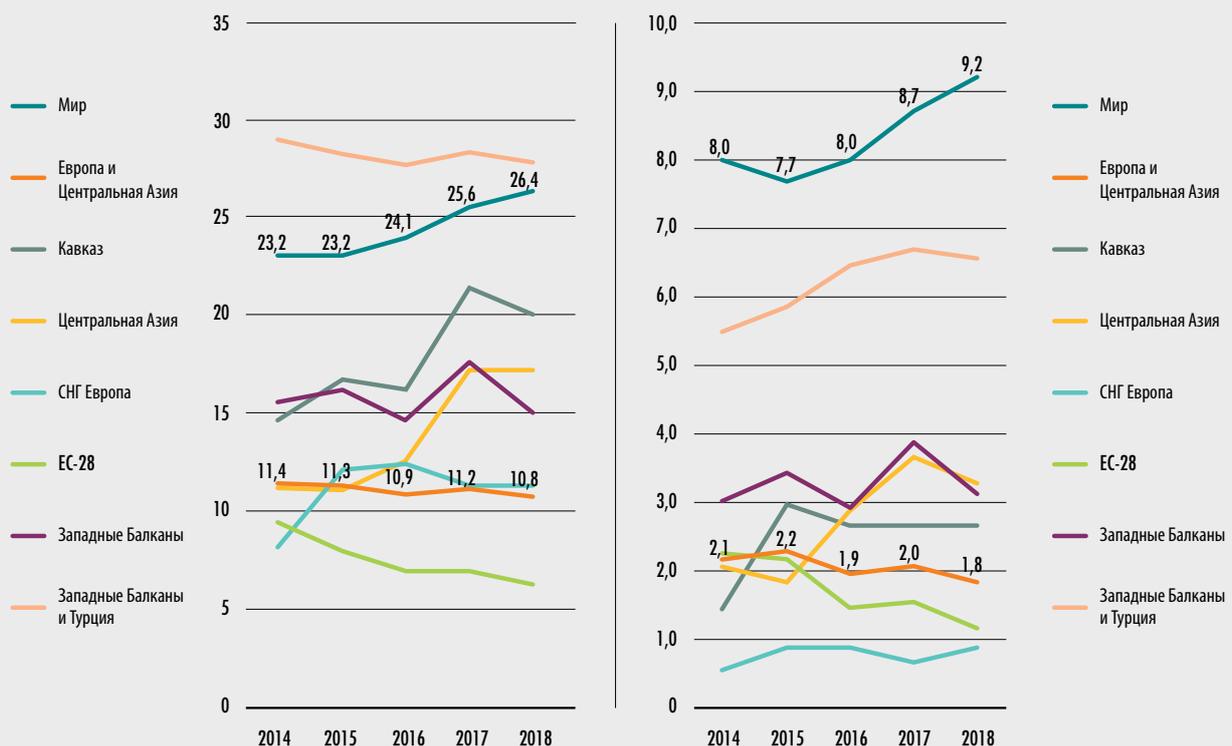
Показатель $FI_{mod+sev}$ в 2016–2018 годах подтверждает, что даже в государствах-членах Европейского союза с высоким уровнем доходов значительная часть населения сталкивается с трудностями в плане регулярного доступа к питательному продовольствию в достаточном объеме.

На рис. 2 показана динамика масштабов острого отсутствия продовольственной безопасности и показателя умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности в 2014–2018 годах по субрегионам Европы и Центральной

Азии. Следует также отметить, что с 2014 года показатель $FI_{mod+sev}$ по региону ЕЦА в целом составлял порядка 11%. По ЕС–28 отмечается тенденция к снижению $FI_{mod+sev}$ а по субрегиону европейских стран СНГ – небольшая понижательная тенденция, однако в странах Кавказа и Центральной Азии этот показатель быстро растет, а в странах западной части Балканского полуострова и Турции сохраняется очень высокий уровень этого показателя.

Тенденции динамики только FI_{sev} показывают снижение этого показателя в среднем по региону ЕЦА, главным образом как результат его снижения в ЕС–28. В субрегионе Центральной Азии в последние несколько лет наблюдается повышательная тенденция.

РИСУНОК 2
ПОКАЗАТЕЛИ МАСШТАБОВ УМЕРЕННОГО (СПРАВА) И УМЕРЕННОГО ИЛИ ОСТРОГО (СЛЕВА) ОТСУТСТВИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ПОЛУЧЕННЫЕ НА ОСНОВЕ ШКАЛЫ ВОСПРИЯТИЯ ОТСУТСТВИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (%) В СУБРЕГИОНАХ ЕЦА ЗА 2014–2018 ГОДЫ

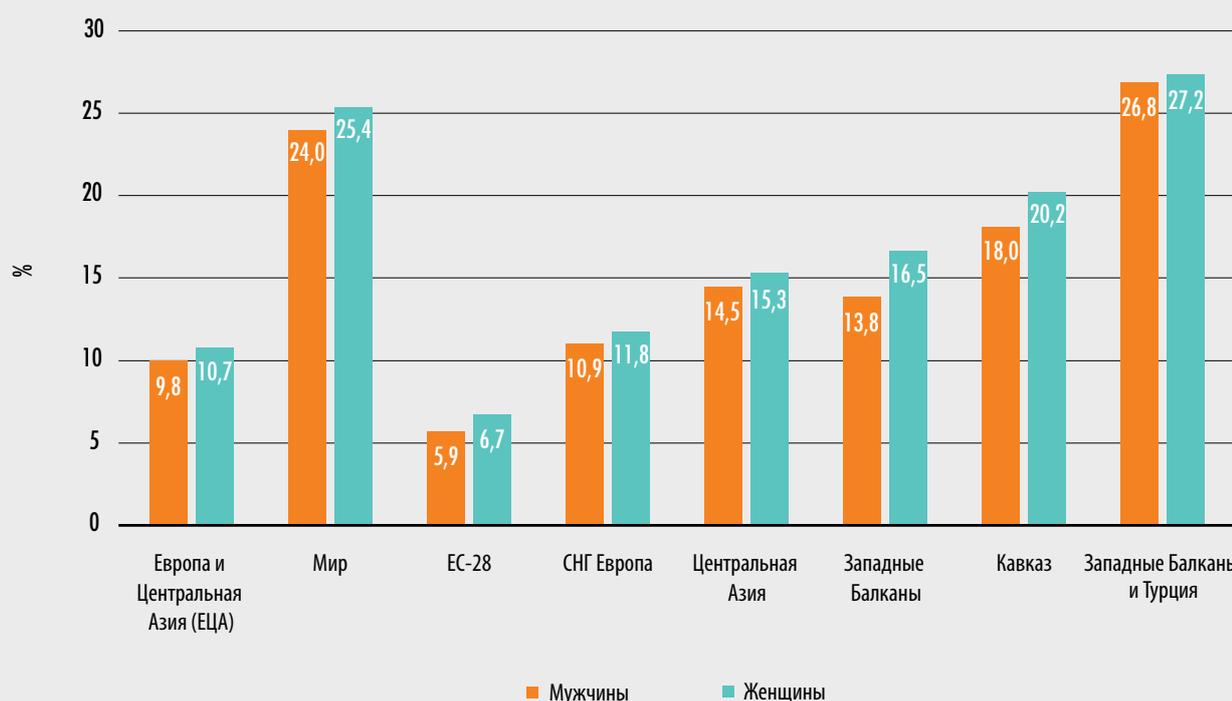
ИСТОЧНИК: ФАО (2019).

Гендерные аспекты отсутствия продовольственной безопасности

Данные ШВОПБ, собираемые ФАО в рамках Всемирного опроса Института Гэллага, являются данными индивидуального уровня (хотя некоторые оценки на основе национальных обследований могут быть на уровне домохозяйств), поэтому на их основе можно вычленить данные о масштабах отсутствия продовольственной безопасности по гендерному признаку. Следует отметить, что оценки отсутствия продовольственной безопасности с разбивкой по гендерному признаку имеются только в отношении взрослого населения (старше 15 лет). В глобальном масштабе показатель масштабов отсутствия продовольственной безопасности для женщин немного выше, чем для мужчин, но эта разница относительно невелика. На **рис. 3** пред-

ставлены масштабы умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности по основным субрегионам ЕЦА за период 2016–2018 годов. Данные показывают, что во всех субрегионах ЕЦА показатель острого или умеренного отсутствия продовольственной безопасности для женщин выше, чем для мужчин. В целом, оценки с разбивкой по гендерному признаку по разным странам региона показывают, что женщины испытывают умеренное и острое отсутствие продовольственной безопасности в несколько больших масштабах, нежели мужчины (10,7% женщин, но 9,8% мужчин). В частности, этот разрыв составляет 2 процентных пункта по Кавказу и западной части Балканского полуострова. Эта разница может свидетельствовать о гендерном неравенстве в обществе, которое выражается в форме доступа к продовольствию⁴. В глобальном масштабе эта разница выше только в Латинской Америке и на Ближнем Востоке.

РИСУНОК 3
ПОКАЗАТЕЛИ МАСШТАБОВ УМЕРЕННОГО ИЛИ ОСТРОГО ОТСУТСТВИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СРЕДИ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА ЕЦА С РАЗБИВКОЙ ПО ГЕНДЕРНОМУ ПРИЗНАКУ (%) В СРЕДНЕМ ЗА 2016–2018 ГОДЫ

ИСТОЧНИК: ФАО (2019).

Данные странового уровня имеются по 23 странам субрегионов ЕС–28 и ЕАСТ и по десяти странам остальных четырех субрегионов⁵. В первой группе стран в 2016–2018 годах показатель $FI_{mod+sev}$ для женщин был выше, чем для мужчин в 16 странах, а в десяти странах – на три и более процентных пункта. Во второй группе субрегионов, в восьми странах из десяти показатель для женщин был выше, а в двух странах (Сербии и Черногории) – три и более процентных пункта. Данные по смешанной выборке 33 стран не показывают какой бы то ни было зависимости разницы этих показателей от уровня ВВП на душу населения стран.

Анализ на основе данных сводной глобальной выборки стран за несколько лет показывает, что существенными определяющими факторами различия уровней отсутствия продовольственной безопасности между мужчинами и женщинами являются район проживания, положение относительно черты бедности и уровень образования (ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ, 2019). Более того, в глобальном масштабе, гендерный разрыв в отношении отсутствия продовольственной безопасности представляется более значительным для групп населения с более низким уровнем образования, принадлежащим к более бедным слоям населения и проживающим в городских условиях (крупных городах или пригородах). На глобальном уровне показатель масштабов отсутствия продовольственной безопасности для женщин несколько выше (25,4%), чем для мужчин (24,0%), вероятность отсутствия продовольственной безопасности у женщин примерно на 10% выше, чем у мужчин, с учетом поправок на район проживания (сельский район или малый город – крупный город или его пригород), положения по отношению к черте бедности и уровня образования респондентов. Это означает, что затрудняют доступ женщин к продовольствию – даже при одинаковом с мужчинами уровне доходов и образования, и проживании в сходных районах – другие, возможно более скрытые, формы дискриминации.

Исследования ФАО (ФАО, 2019с) показывают, что женщины сельских районов в непропорциональной мере страдают от нищеты и социальной изоляции и сталкиваются с множественными формами дискриминации

(CEDAW, 2016, стр. 3). Несмотря на то, что практически все государства взяли на себя международно-правовые обязательства ликвидировать дискриминацию в отношении женщин, права и потребности женщин сельских районов «обеспечиваются в недостаточной степени или игнорируются в законах, национальных и местных мерах политики, бюджетах и стратегиях инвестиций на всех уровнях» (CEDAW, 2016, стр. 3). ■

1.2 ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ НЕПОЛНОЦЕННОГО ПИТАНИЯ

Задача 2.2 Цели 2 в области устойчивого развития состоит в том, чтобы к 2030 году «покончить со всеми формами неполноценного питания, в том числе достичь к 2025 году согласованных на международном уровне целевых показателей, касающихся борьбы с задержкой роста и истощением у детей в возрасте до пяти лет, и удовлетворять потребности в питании девочек подросткового возраста, беременных и кормящих женщин и пожилых людей». Состояние неполноценного питания у детей в возрасте до пяти лет оценивается на основе трех ключевых индикаторов: задержки роста (индикатор 2.2.1), истощения и избыточной массы тела (индикатор 2.2.2). В настоящем подразделе рассматриваются эти три индикатора, а также еще три, указанные в [таблице 1](#) и входящие в число глобальных задач в области питания, поставленных Всемирной ассамблеей здравоохранения 2012 года: анемия среди женщин детородного возраста, низкий вес при рождении, исключительно грудное вскармливание в первые шесть месяцев жизни и ожирение у взрослых. Совокупность этих индикаторов отражает многоплановое бремя неполноценного питания в регионе.

Задержка роста у детей в возрасте до пяти лет

В целом по миру масштабы распространения задержки роста в 2018 году оценивались на уровне 21,9%, что ниже показателя 2000 года (32,5%), а количество детей с задержкой роста сократилось

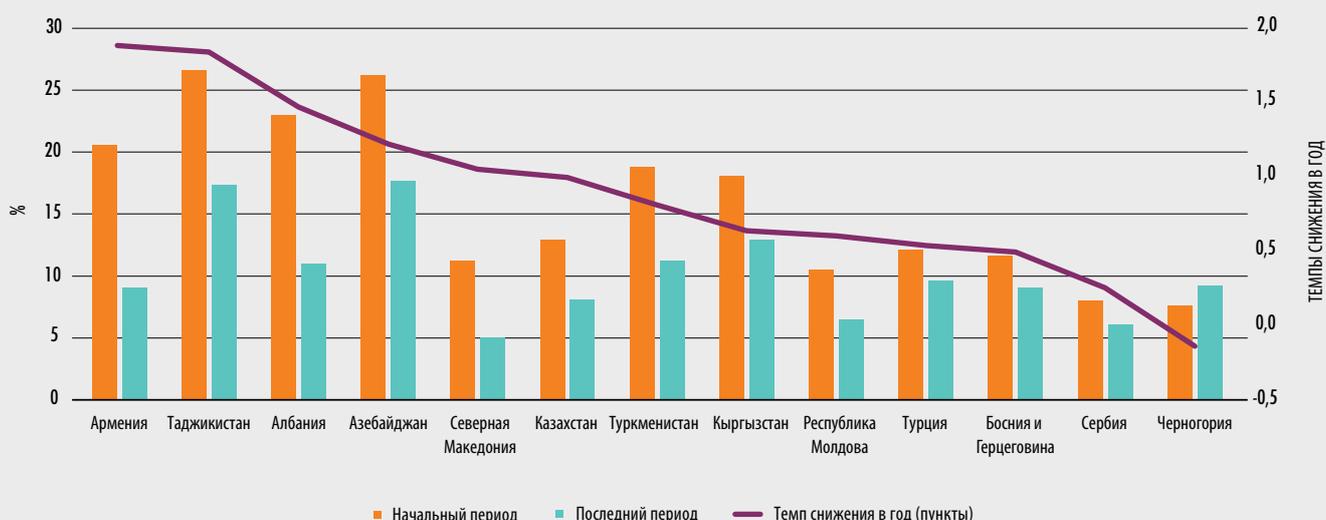
со 198 миллионов в 2000 году до 149 миллионов в 2018 году (UNICEF, WHO & WB, 2019). По субрегионам Европы оценок не проводилось, однако оценочные показатели по Центральной Азии составили 28% в 2000 году и 10,9% в 2018 году.

На рис. 4 показаны масштабы распространения задержки роста в отдельных странах ЕЦА за два периода – за последний год, по которому имеются данные (за 2011 и 2017 годы) и за более ранний период (за пять–девять лет до этого), а также темпы их снижения по годам. Данные за последний период показывают, что масштабы распространения были незначительными⁶ (2,5–10%) в восьми странах (Армения, Босния и Герцеговина, Казахстан, Северная Македония, Республика Молдова, Сербия, Турция и Черногория) и средними (10–20%) в остальных пяти странах (Азербайджан, Албания, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан). Ни одна стра-

на не была отнесена к категории с высоким (20–30%) или очень высоким ($\geq 30\%$) значением показателя. Таким образом, в большинстве стран региона западной части Балканского полуострова и Турции этот показатель был низким, а в большинстве стран субрегиона Центральной Азии – относительно высоким.

За отраженный в таблице период показатель масштабов распространения задержки роста снизился почти во всех 13 странах, по которым имеются данные, за исключением Черногории. Однако темпы этого снижения различны. Быстрее всего (около 1,9 пунктов в год) этот показатель снижался в Армении и Таджикистане, затем следуют Азербайджан, Албания, Северная Македония и Казахстан (1 – 1,5 пункта в год). В результате этого, всего за шесть лет пороговое значение для Армении изменилось с высокого до низкого. Данные по 13 странам показывают наличие обратной

РИСУНОК 4
ДИНАМИКА МАСШТАБОВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗАДЕРЖКИ РОСТА У ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО ПЯТИ ЛЕТ В БОЛЕЕ РАННИЙ ПЕРИОД (2005–2012) И В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ (2013–2018) В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ

ПРИМЕЧАНИЯ: для более раннего периода использованы имеющиеся данные за 2005–2012 годы, для периода последних лет использованы данные за 2013–2018 годы. Темпы изменения вычислены как разница показателей масштабов распространения двух лет, поделенная на количество лет периода. Например, по Таджикистану этот показатель составил 1,9 пункта в год (26,8% минус 17,5%, поделенные на пять лет). Показатель масштабов распространения задержки роста дан в процентах, а темпы изменения показаны в процентных пунктах.

ИСТОЧНИК: данные о масштабах распространения взяты из UNICEF/WHO/World Bank Joint Child Malnutrition Estimates, последнее обновление в мае 2019 года.

зависимости между ростом дохода на душу населения и сокращением масштабов распространения, хотя эта взаимосвязь проявляется слабо. Это указывает на то, что важную роль в сокращении масштабов распространения за эти два периода играют и другие опосредованные глубинные и фундаментальные факторы. Например, в шести странах отмечены более высокие темпы сокращения масштабов распространения задержки роста.

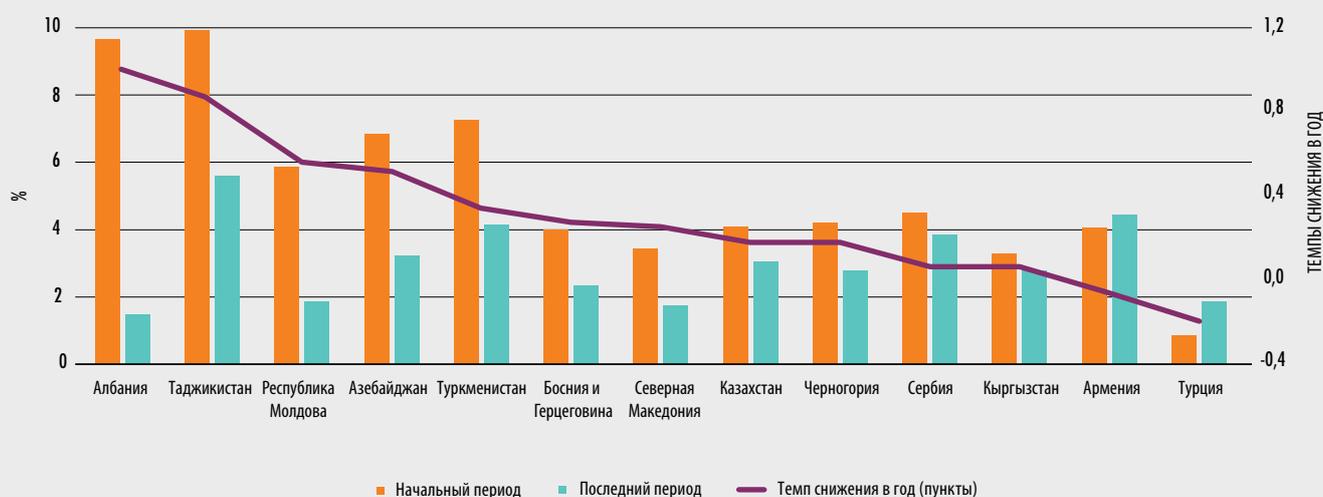
Истощение у детей в возрасте до пяти лет

За 2018 год показатель истощения на глобальном уровне оценивается на уровне 7,3%. В регионе Европы и Центральной Азии этот показатель в целом низок в сравнении с показателями многих других регионов мира. На рис. 5 показано, что из 13 стран, по которым имеются данные, лишь в одной стране за последние годы этот показатель превысил 5%. Исходя из пороговых значений масштабов распространения, обо-

значенных вышеб, этот показатель считается очень низким в пяти странах и низким в семи странах; только Таджикистан попадает в среднюю категорию этого показателя (5,6%, что чуть выше порогового значения в 5%).

За годы между этими двумя периодами (от пяти до девяти лет) этот показатель снизился в 11 из 13 стран, причем значительное его снижение произошло в Албании, Таджикистане, Республике Молдове и Азербайджане, а в Турции и Армении он несколько увеличился. Снижению показателей истощения способствовали и другие важные факторы. В глобальном докладе ФАО «Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире» 2018 года более глубоко рассмотрены проблемы истощения, проанализированы тенденции и обсуждены глубинные причины и меры профилактики (ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ, 2018). Исходя из имеющихся данных по 13 странам региона ЕЦА, не отмечено какой бы то ни было связи между ростом

РИСУНОК 5
МАСШТАБЫ ИСТОЩЕНИЯ У ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО ПЯТИ ЛЕТ В БОЛЕЕ РАННИЙ ПЕРИОД (2005–2012)
И В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ (2013–2018) В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ РЕГИОНА ЕЦА

ПРИМЕЧАНИЯ: для более раннего периода использованы имеющиеся данные за 2005–2012 годы, для периода последних лет использованы данные за 2013–2018 годы. Темпы изменения вычислены как разница показателей масштабов распространения двух лет, поделенная на количество лет периода. Например, по Азербайджану этот показатель составил 0,53 пункта в год (6,8% минус 3,1%, поделенные на семь лет). Показатель масштабов истощения дан в процентах, а темпы изменения показаны в процентных пунктах.

ИСТОЧНИК: данные о масштабах распространения взяты из UNICEF/WHO/World Bank Joint Child Malnutrition Estimates, последнее обновление в мае 2019 года.

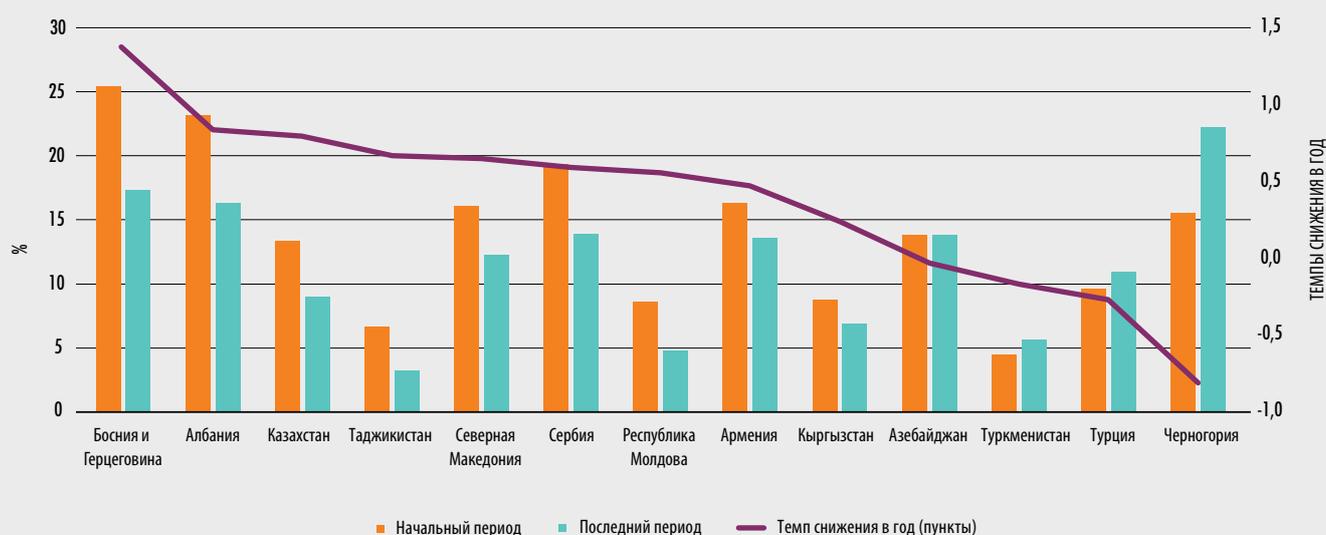
дохода на душу населения и снижением этого показателя за время между этими двумя периодами. За небольшим исключением, это могло бы объясняться незначительным изменением показателей по большинству стран, поскольку они уже были низкими в начальный период. Это может быть обусловлено тем, что при таких довольно низких показателях дальнейшее их снижение может быть обеспечено за счет других важных факторов.

Избыточная масса тела у детей в возрасте до пяти лет

Согласно глобальным оценкам 2019 года, среднемировые показатели масштабов распространения избыточной массы тела у детей увеличились почти во всех регионах мира с 4,9% в

2000 году до 5,9% (40 млн детей) в 2018 году. В регионе ЕЦА данные по этому показателю имеются по 13 странам (рис. 6). Эти данные свидетельствуют о том, что, в целом, показатель масштабов несколько выше среднего показателя по миру. В плане категорий масштабов распространения, в последние годы в категорию очень высоких показателей ($\geq 15\%$) попали три страны (Албания, Босния и Герцеговина и Черногория), а еще пять (Азербайджан, Армения, Северная Македония, Сербия и Турция) – в категорию высоких показателей ($10 < 15\%$). Таким образом, показатель масштабов распространения в целом выше в субрегионе западной части Балканского полуострова и Турции. Из числа остальных стран три страны Центральной Азии попали в категорию средних показателей ($5 < 10\%$), а Республика Молдова и Таджикистан – в категорию низких показателей ($2,5 < 5\%$).

РИСУНОК 6
МАСШТАБЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИЗБЫТОЧНОЙ МАССЫ ТЕЛА У ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО ПЯТИ ЛЕТ В БОЛЕЕ РАННИЙ ПЕРИОД (2005–2012) И В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ (2013–2018) В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ РЕГИОНА ЕЦА

ПРИМЕЧАНИЯ: для более раннего периода использованы имеющиеся данные за 2005–2012 годы, для периода последних лет использованы данные аз 2013–2018 годы. Темпы изменения вычислены как разница показателей масштабов распространения двух лет, поделенная на количество лет периода. Например, по Сербии этот показатель составил 0,60 пункта в год (19% минус 14%, поделенные на девять лет). Показатель масштабов избыточной массы тела дан в процентах, а темпы изменения показаны в процентных пунктах.

ИСТОЧНИК: данные о масштабах распространения взяты по UNICEF/WHO/World Bank Joint Child Malnutrition Estimates, последнее обновление в мае 2019 года.

Диаграмма рассеяния показателей и доходов на душу населения по 26 опорным точкам, охватывающим оба периода, показывает интересную взаимосвязь: этот показатель быстро растет с ростом подушевого дохода примерно до 12 000 долл. США (коэффициент корреляции 0,70), но имеет тенденцию к снижению при дальнейшем росте дохода. Среднеарифметическое значение масштабов распространения составило 7% для доходов до 5000 долл. США, 17% для доходов от 5000 до 10 000 долл. США, 15% для доходов от 10 000 до 15 000 долл. США и 12% для доходов выше 15 000 долл. США. Такая зависимость позволяет предположить, что при росте дохода выше определенного порогового значения существенное значение начинают играть другие факторы, например, образование, осведомленность, условия жизни и разнообразие рационов питания.

Показатель масштабов снизился в девяти из 13 стран, причем в восьми странах его снижение составило более 0,5% в год. Особенно высоки темпы его снижения были в Боснии и Герцеговине (1,4% в год), Албании (0,9%), Казахстане (0,8% в год) и Таджикистане (0,7% в год). Однако этот показатель вырос в четырех странах, но только в одной стране – Черногории – существенно (0,8% в год). В некоторых странах, где заметно изменились показатели масштабов распространения, необходимо провести тематические исследования для определения основных факторов этих изменений.

Эти данные также показывают наличие незначительной корреляции с уровнем подушевого дохода, темпы снижения между рассматриваемыми периодами свидетельствуют об обратной зависимости от темпов изменения уровня доходов (коэффициент корреляции -0,45), т.е., чем больше меняется уровень доходов, тем медленнее снижается этот показатель. Это свидетельствует о действии других факторов изменения, например, разнообразия и качества рационов питания, набора пищевых продуктов, потребительского выбора и предпочтений, малоподвижного образа жизни и т.д.⁷, анализ которых проведен в выпущенных ранее глобальных и региональных докладах по вопросам продовольственной безопасности и питания.

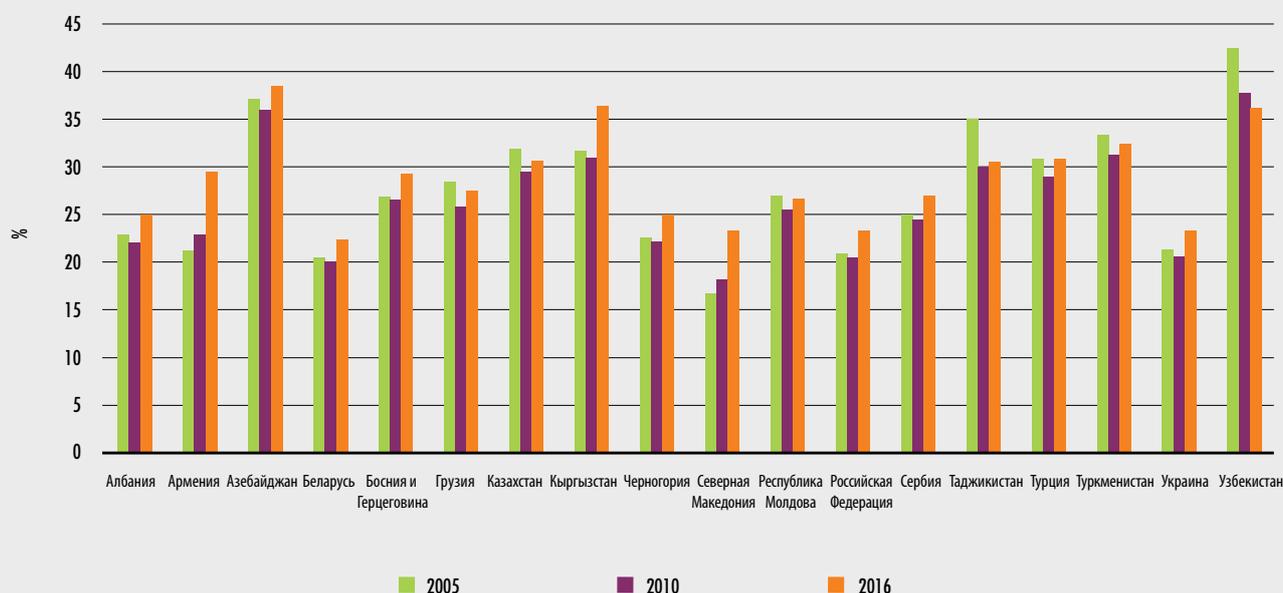
Анемия у женщин детородного возраста

Самой распространенной причиной анемии в мире является дефицит железа, который приводит к формированию хронического отрицательного баланса железа в организме. По оценкам, 50% случаев анемии у женщин в мире возникает из-за дефицита железа. В целом по миру, масштабы распространения анемии у женщин детородного возраста неуклонно нарастают – с 30,3% в 2012 году до 32,8% в 2016 году – и, в отличие от других задач в области питания, ни одна страна в настоящее время не готова выполнить поставленную Всемирной ассамблеей здравоохранения задачу сократить к 2030 году масштабы анемии на 50% (ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ, 2018).

По субрегионам ЕЦА показатели масштабов распространения анемии в 2016 году значительно отличались: 34,4% на Кавказе; 33,8% в Центральной Азии; 30,2% в субрегионе западной части Балканского полуострова и Турции; 23,4% в европейских странах СНГ; 18,7% в 28 странах ЕС; и 17,2% в странах ЕАСТ (ФАО, 2018а). Более того, данные за 2000–2016 годы свидетельствуют о тенденции к росту этого показателя во всех шести субрегионах, особенно после 2011 года. До формирования этой повысительной тенденции в 2000–2010 годах в некоторых субрегионах этот показатель постепенно снижался, а в других тенденции оставались неизменными. Это означает, что ни один субрегион (или страна, о чем говорится ниже) не готов выполнить задачу сокращения за 2015–2030 годы масштабов анемии на 50%.

На **рис. 7** показаны масштабы распространения анемии в нескольких странах в 2000, 2005 и 2016 годах. В 2016 году ни в одной стране этот показатель не превышал 40%, который Всемирная организация здравоохранения считает пороговым значением, обозначающим существование серьезной проблемы в области здравоохранения. Вплотную приблизились к этому две страны – Азербайджан (38,5%) и Узбекистан (36,2%). В 11 из 18 стран показатель масштабов распространения составлял 20–30%, а в семи – 30–40%. Как уже отмечалось, этот показатель был стабильным или снижался примерно до 2010 года, затем начался его рост. В период 2005–2010 годов

РИСУНОК 7
 МАСШТАБЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ АНЕМИИ У ЖЕНЩИН ДЕТОРОДНОГО ВОЗРАСТА
 В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ РЕГИОНА ЕЦА

ИСТОЧНИК: WHO/NCD-RisC и Хранилище данных Глобальной обсерватории здравоохранения ВОЗ [по состоянию на март 2019 года].

он снижался в 16 из 18 стран (за исключением Армении и Северной Македонии), однако масштабы анемии в 2016 году были больше, чем в 2010 году в 17 странах (за исключением Узбекистана). В некоторых странах данный показатель за этот короткий период заметно вырос: на 6,2 процентных пункта в Армении; на 5,2 процентных пункта в Кыргызстане; на 4,9 процентных пункта в Северной Македонии; и на 3,1 процентных пункта в Албании. Главной причиной дефицита питательных микроэлементов для всех возрастных групп в регионе ЕЦА является недостаточное поступление в организм витамина А, железа, витамина D, фолиевой кислоты, йода и кальция (ФАО, 2018k). Зачастую дефицит микроэлементов в большей степени распространен в странах с недостаточным разнообразием рационов питания. Это может быть одной из причин того, почему этот показатель выше в странах с более низким уровнем доходов, где основными источниками удовлетворения пищевых энергетических потребностей являются зерновые, корнеплоды и клубнеплоды. В некоторых случаях дефицит микроэлементов также связан с плохими санитарно-гигиеническими условиями.

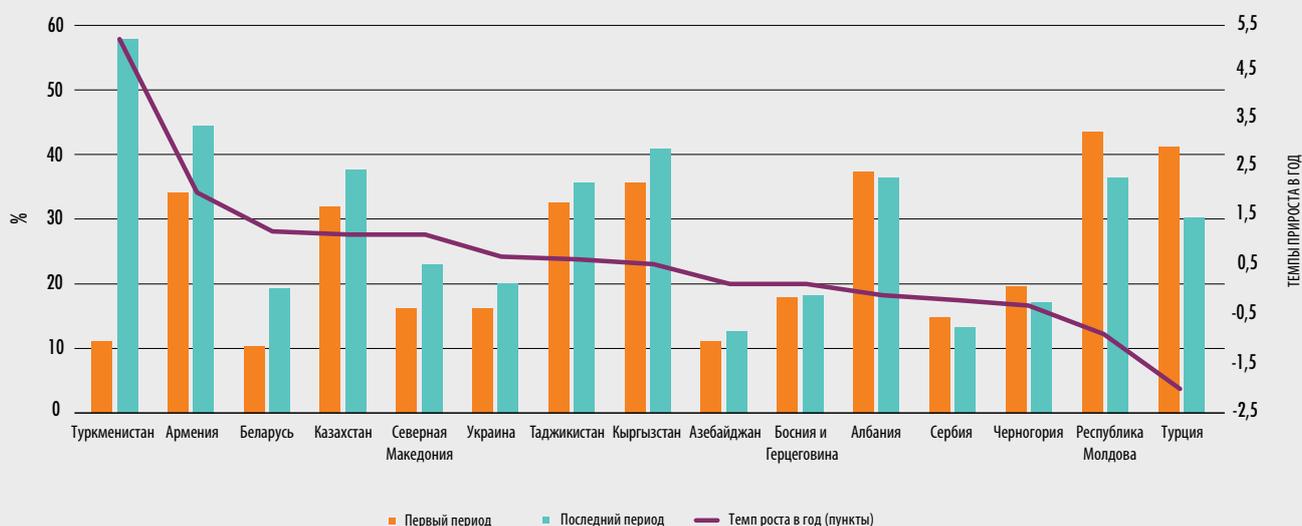
Исключительно грудное вскармливание в первые шесть месяцев жизни

Исключительно грудное вскармливание в первые шесть месяцев жизни, при котором младенцы получают исключительно грудное молоко, – один из элементов оптимальной практики грудного вскармливания. Показатель масштабов исключительно грудного вскармливания в Европе и Центральной Азии оценивается на уровне порядка 30%, что значительно ниже среднемирового показателя в 42%. Поставлена глобальная задача к 2030 году довести этот показатель не менее, чем до 70%. За последние годы имеются данные по 15 странам четырех субрегионов, помимо ЕС–28 и ЕАСТ. Из этих 15 стран показатель превышает 40% в трех странах: Туркменистане (58%); Армении (44%) и Кыргызстане (41%). В еще четырех странах этот показатель составляет 30–40% и в одной – 20–30%, в шести странах он ниже 20% (рис. 8).

Из 15 стран, по которым имеются более свежие данные (2011–2017 годы) и за предшествующие пять-девять лет, этот показатель заметно вырос в пяти странах: в Туркменистане – на 47 про-

РИСУНОК 8

ДОЛЯ МЛАДЕНЦЕВ ДО ШЕСТИМЕСЯЧНОГО ВОЗРАСТА, ПОЛУЧАВШИХ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ГРУДНОЕ КОРМЛЕНИЕ, В БОЛЕЕ РАННИЙ ПЕРИОД (2005–2012) И В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ (2013–2018) В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ РЕГИОНА ЕЦА

ПРИМЕЧАНИЕ: для более раннего периода использованы имеющиеся данные за 2005–2012 годы, для периода последних лет использованы данные за 2013–2018 годы. Темпы изменения вычислены как разница показателей масштабов распространения двух лет, поделенная на количество лет периода. Например, по Армении этот показатель составил 2,1 пункта в год (44% минус 34%, поделенные на пять лет). По Грузии и Узбекистану свежие данные по этому показателю отсутствуют. Показатель масштабов исключительно грудного вскармливания дан в процентах, а темпы изменения показаны в процентных пунктах.

ИСТОЧНИК: Глобальная база данных ЮНИСЕФ по кормлению детей грудного и раннего возраста, обновленная в марте 2019 года.

центных пунктов за девять лет (с 11 до 58%); в Армении – на 10 процентных пунктов за пять лет; в Беларуси – на 9 процентных пунктов; в Северной Македонии – на 7 процентных пунктов; и в Казахстане – на 6 процентных пунктов (с 32 до 38%). Этот показатель ухудшился в четырех странах, но особенно значительно в Турции и Республике Молдове. В остальных странах изменения были незначительными.

Сравнение показателей масштабов распространения за более ранний период и за последние годы, а также годовые темпы изменения представлены на рис. 8.

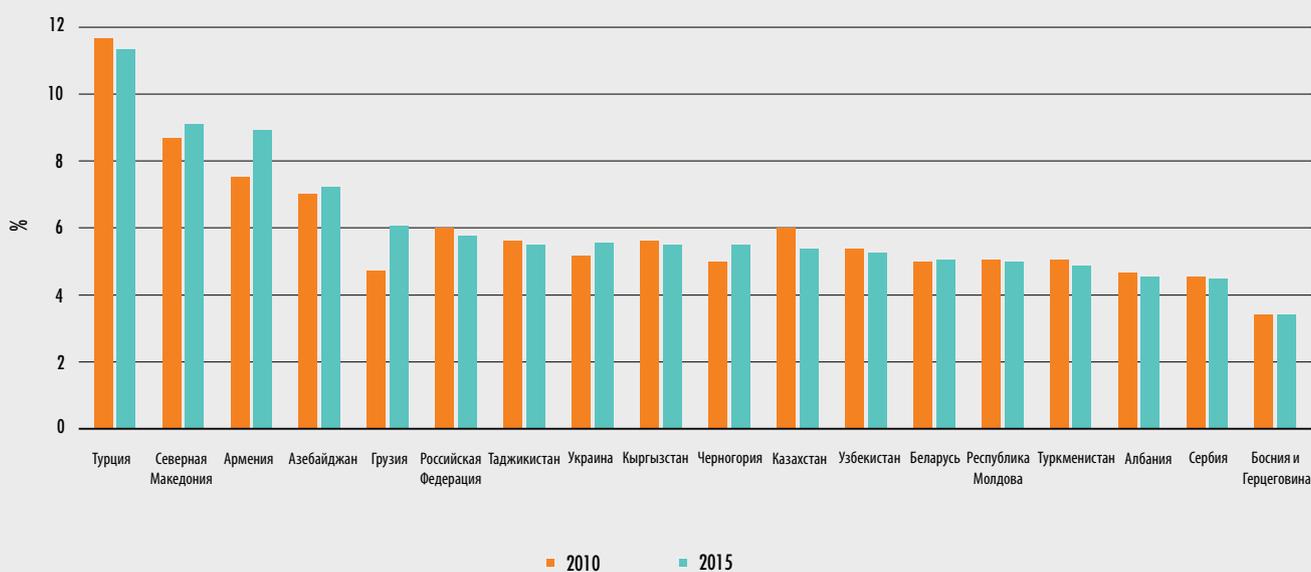
Представляется, что из 15 стран, по которым имеются данные, только три страны – Армения, Северная Македония и Туркменистан – выполняют поставленную задачу к 2030 году, если существующие темпы сохранятся. У еще двух стран – Казахстана и Кыргызстана – темпы прироста чуть выше, и они вполне могут вплотную приблизиться к ее выполнению. Таким образом, представляется, что поставленная Всемирной ассамблеей здравоохранения задача обеспечить к 2030 году показатель исключительно грудного

вскармливания не менее 70% по-прежнему является труднодостижимой для всех других стран, обозначенных на рис. 8.

Масштабы распространения низкого веса при рождении

Вес новорожденного является одним из важнейших показателей здоровья матери и плода, а также качества их питания. Новорожденные с низким весом подвержены большему риску смерти в первые 28 дней жизни (Christian *et al.*, 2013). Те же, кто выживает, с большей вероятностью будут отставать в росте и иметь худшие когнитивные способности (Gu *et al.*, 2017). Последствия низкого веса при рождении могут проявляться даже в зрелом возрасте, повышая риск таких характерных для зрелого возраста хронических заболеваний, как ожирение и диабет (Jornayvaz *et al.*, 2016). Эмпирические данные по нескольким странам со средним и высоким уровнем доходов показывают, что матери, принадлежащие к социально незащищенным группам, подвержены большему риску рождения детей с низким весом и анемии (Gray *et al.*, 2014; Brotanek *et al.*, 2007).

РИСУНОК 9
 МАСШТАБЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ НИЗКОГО ВЕСА ПРИ РОЖДЕНИИ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ РЕГИОНА ЕЦА
 В 2010 И 2015 ГОДАХ

ИСТОЧНИК: UNICEF AND WHO (2019). *UNICEF-WHO Low birthweight estimates: Levels and trends 2000–2015*. Geneva, WHO. <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/324783/WHO-NMH-NHD-19.21-eng.pdf?ua=1>

Оценки показателей низкого веса при рождении, опубликованные впервые в докладе «Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире» 2019 года, показывают, что каждый седьмой живорожденный (примерно 14,6%) в мире имеет низкий вес при рождении.

В регионе Европы и Центральной Азии (ЕЦА) показатели масштабов распространения низкого веса при рождении в целом ниже среднемировых. Данные по 18 странам ЕЦА (помимо субрегионов ЕС–28 и ЕАСТ) показывают, что в 2015 году показатель масштабов распространения низкого веса при рождении превышал 6% в пяти из этих 18 стран: в Турции, Северной Македонии, Армении, Азербайджане и Грузии (рис. 9), причем в Турции он был наивысшим (11,4%). Эти данные также показывают, что за период 2010–2015 годов эти показатели выросли

в семи странах, хотя в большинстве стран незначительно (за исключением Грузии и Армении, где они заметно увеличились). В случае сохранения этих тенденций, поставленная Всемирной ассамблеей здравоохранения задача к 2030 году снизить показатель низкого веса при рождении на 30% не будет решена.

Стоит отметить, что в некоторых странах субрегиона ЕС–28 относительно высоки также показатели масштабов низкого веса при рождении: в Греции – 8,7%; в Италии – 7,0%; в Испании – 8,3% и в Венгрии – 8,8%.

Ожирение у взрослых

Масштабы ожирения среди взрослых в целом по Европе, исходя из определения Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), оцени-

вались на 2016 год на уровне 23,3% (примерно 200 миллионов страдающих от ожирения). Этот показатель вырос с 17,2% в 2000 году до 20,8% в 2010 году. За период 2000–2010 годов предполагаемый прирост составил 0,36 процентных пункта, а за 2010–2016 годы – 0,42 процентных пункта, что указывает на ускорение его прироста в последние годы. Сводные данные ВОЗ по Европе также свидетельствуют о том, что ожирение более характерно для женщин, нежели для мужчин, однако этот разрыв сокращается – с 5 пунктов в 2010 году до 3,6 пункта в 2010 году и 2,6 пункта в 2016 году, когда считалось имеющими ожирение 24,5% женщин и 21,9% мужчин. В 2010–2016 годах темпы прироста масштабов ожирения были гораздо выше у мужчин (0,50 процентных пункта в год), чем у женщин (0,33 процентных пункта в год).

Исходя из данных по ожирению у взрослых прослеживаются три основных тенденции:

1) по сравнению с 2010 годом масштабы ожире-

ния в 2016 году увеличились во всех 50 странах региона Европы и Центральной Азии, по которым имеются данные;

2) в 49 из 50 стран средний показатель в 2016 году превышал среднемировой (13,2%) за исключением Таджикистана, где он составил 12,6%;

3) показатель масштабов ожирения был особенно высок – более чем в два раза выше среднемировых показателей – в 14 странах: Андорре, Беларуси, Болгарии, Греции, Венгрии, Израиле, Ирландии, Литве, Мальте, Испании, Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, Турции, Хорватии и Чехии.

В **таблице 3** представлены показатели и темпы прироста по отдельным странам региона Европы и Центральной Азии. В 2016 году из 18 стран, не входящих в ЕС-28 и ЕАСТ, в шести странах показатель ожирения был ниже 20%, в 12 странах – выше 20%, а в Турции даже превышал 30%. Во всех 18 странах за оба рас-

ТАБЛИЦА 3
МАСШТАБЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОЖИРЕНИЯ У ВЗРОСЛЫХ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ РЕГИОНА ЕЦА

		Масштабы ожирения (%)			Средние темпы прироста (% в год)	
		2000	2010	2016	2000–2010	2010–2016
1	Албания	12,8	18,7	22,3	3,8	2,9
2	Армения	14,4	17,5	20,9	1,9	3,1
3	Азербайджан	11,8	15,9	19,9	2,9	3,8
4	Беларусь	19,9	23,7	26,6	1,7	2,0
5	Босния и Герцеговина	13,5	17,0	19,4	2,3	2,3
6	Грузия	14,4	19,0	23,3	2,8	3,4
7	Казахстан	13,6	17,6	21,3	2,5	3,2
8	Кыргызстан	8,6	11,9	15,4	3,2	4,3
9	Черногория	16,9	22,1	24,9	2,7	1,9
10	Северная Македония	17,7	21,1	23,9	1,7	2,1
11	Республика Молдова	14,8	17,5	20,1	1,7	2,3
12	Российская Федерация	20,5	23,2	25,7	1,2	1,8
13	Сербия	16,5	20,6	23,5	2,3	2,1
14	Таджикистан	6,6	9,5	12,6	3,7	4,7
15	Турция	20,5	27,4	32,2	2,9	2,7
16	Туркменистан	9,6	13,8	17,5	3,6	4,0
17	Украина	20,4	23,3	26,1	1,3	1,9
18	Узбекистан	8,4	11,9	15,3	3,6	4,2

ТАБЛИЦА 3
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

		Масштабы ожирения (%)			Средние темпы прироста (% в год)	
		2000	2010	2016	2000–2010	2010–2016
1	Болгария	20,0	24,3	27,4	2,0	2,0
2	Хорватия	19,2	23,8	27,1	2,2	2,1
3	Чехия	22,1	25,8	28,5	1,5	1,7
4	Эстония	19,1	21,6	23,8	1,2	1,6
5	Венгрия	20,8	25,3	28,6	2,0	2,1
6	Латвия	20,8	23,5	25,7	1,2	1,5
7	Литва	23,0	25,9	28,4	1,2	1,5
8	Польша	18,6	22,5	25,6	1,9	2,2
9	Румыния	17,0	21,0	24,5	2,1	2,6
10	Словакия	15,9	19,5	22,4	2,0	2,3
11	Словения	16,1	19,8	22,5	2,1	2,2

ПРИМЕЧАНИЕ: первые 18 стран – это страны Европы и Центральной Азии, не входящие в ЕС–28 и ЕАСТ. Следующие 11 стран – страны, вступившие в Европейский союз в 2004 году или позже. Темпы роста – кривая (x100) натурального логарифма регрессии масштабов ожирения (или $b \cdot 100$ в $\ln Y = a + b \cdot t$).

ИСТОЧНИК: данные по масштабам ожирения – Хранилище данных Глобальной обсерватории здравоохранения ВОЗ [по состоянию на март 2019 года].

сма­три­вае­мых пе­ри­о­да (2000–2010 и 2010–2016 го­ды) э­тот по­ка­за­тель уве­личил­ся на 1–5 про­цент­ных пун­кта. В 13 из 18 стран скор­рек­ти­ро­ван­ные тем­пы при­ро­ста во вто­рой рас­сма­три­вае­мый пе­ри­од бы­ли вы­ше, чем в пер­вый рас­сма­три­вае­мый пе­ри­од, од­на­ко в боль­шин­стве слу­чаев раз­ни­ца бы­ла не­зна­чи­тель­ной. В це­лом от­ме­ча­ет­ся рост мас­шта­бов ожи­ре­ния, и тем­пы э­того роста не­мно­го уве­личива­ют­ся. В та­бли­це 3 так­же пред­став­ле­ны дан­ные по 11 странам, всту­пив­шим в Евро­пей­ский союз в 2004 го­ду или по­зже. Об­щая ди­на­ми­ка по­ка­за­те­лей в э­тих странах пред­став­ля­ет­ся сход­ной с их ди­на­ми­кой в 18 упо­мя­ну­тых вы­ше странах; за оба рас­сма­три­вае­мых пе­ри­о­да мас­шта­бы ожи­ре­ния в э­тих 11 странах уве­личил­ся на 1–3 про­цент­ных пун­кта, при­чем тем­пы при­ро­ста не­сколь­ко уве­личива­ют­ся.

Бы­ли так­же рас­смот­ре­ны дан­ные о мас­шта­бах ожи­ре­ния по дру­гим 21 странам ЕС–28 и ЕАСТ, ко­то­рые, од­на­ко, в та­бли­це 3 не пред­став­ле­ны. Э­ти дан­ные так­же по­ка­зы­ва­ют, что мас­шта­бы ожи­ре­ния со­став­ля­ли во всех странах 20–30%. И, как и в упо­мя­ну­той вы­ше груп­пе, э­тот по­ка­за­тель во всех 21 стране уве­личива­лся в оба рас­сма­три­вае­мых пе­ри­о­да. Од­на­ко, в от­ли­чие от упо­мя­ну­той вы­ше груп­пы, скор­рек­ти­ро­ван­ные тем­пы при­ро­ста в 2010–2016 го­дах бы­ли ни­же, чем в 2000–2010 го­дах в 19 из 21 страны, хо­тя раз­ни­ца в тем­пах бы­ла не­зна­чи­тель­ной. Ин­те­рес­но от­метить, что э­ти за­ме­ча­ния спра­вед­ли­вы и в от­но­ше­нии стран с вы­со­ким уров­нем до­хо­дов дру­гих ре­ги­о­нов: Ав­стра­лии, Ка­на­ды, Новой Зе­лан­дии и Со­еди­нен­ных Штатов Аме­ри­ки. Воз­мож­но ли, что от­ме­чае­мый в на­сто­ящее вре­мя рост по­ка­за­те­лей ожи­

ре­ния на­чи­нает за­ме­д­лять­ся при дос­ти­же­нии оп­ре­де­лен­но­го вы­со­ко­го по­ро­го­во­го зна­че­ния до­хо­дов на ду­шу на­се­ле­ния?

Э­ти взаи­мо­свя­зи ме­жду ни­щето­й, избы­точ­ной мас­сой те­ла и ожи­ре­нием не­до­статоч­но ясны и из­ме­ня­ют­ся в за­ви­си­мо­сти от об­ще­го уров­ня до­хо­дов в той или иной стране (ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ, 2019). В од­ном из ис­сле­до­ва­ний Egger *et al.* (2012) рас­сма­три­ва­ли взаи­мо­свя­зь ме­жду ва­ло­вым внут­рен­ним про­дук­том (ВВП) на ду­шу на­се­ле­ния и ожи­ре­нием, ис­поль­зуя для ана­ли­за боль­шую вы­бор­ку дан­ных по не­сколь­ким ко­гор­там 175 стран. Они вы­я­ви­ли до­воль­но стро­гую пря­мую за­ви­си­мость ме­жду по­ка­за­те­лями до­хо­дов и ожи­ре­ния при от­но­си­тель­но низ­ком уров­не до­хо­дов, ко­то­рая, од­на­ко ста­но­ви­лась не столь вы­ра­жен­ной при даль­ней­шем его росте. Бо­лее то­го, в рам­ках под­вы­бор­ки бо­га­тых стран (с по­ду­ше­вым ВВП вы­ше 30 000 долл. США) в странах с мень­шей не­рав­но­мер­но­стью рас­пре­де­ле­ния до­хо­дов мас­шта­бы ожи­ре­ния бы­ли мень­ше, а э­то оз­на­ча­ет, что по­ро­го­вый уров­ень до­хо­да за­ви­сит от ха­рак­те­ра его рас­пре­де­ле­ния в стране. Систем­ный обзор по­ка­за­те­лей ожи­ре­ния по­ка­зы­ва­ет на­ли­чие пря­мой за­ви­си­мо­сти ме­жду со­ци­аль­но-эко­но­ми­че­ским по­ло­же­нием и ожи­ре­нием как сре­ди муж­чин, так и сре­ди жен­щин в странах с низ­ким уров­нем до­хо­дов, и что, как пра­ви­ло, ожи­ре­ние ча­ще встре­ча­ет­ся у бо­лее за­жи­точ­ных или име­ю­щих бо­лее вы­со­кий уров­ень обра­зо­ва­ния лю­дей (Dinsa *et al.*, 2012). Эм­пи­ри­че­ские дан­ные по­ка­зы­ва­ют, что в странах со сред­ним или вы­со­ким уров­нем до­хо­дов, избы­точ­ная мас­са те­ла и ожи­ре­ние свя­заны с бо­лее низ­ким

социально-экономическим статусом женщин, однако такой зависимости не прослеживается в отношении мужчин (Newton, Braithwaite and Akinuemi, 2017). Необходимо будет провести дополнительное исследование для изучения факторов, определяющих увеличение масштабов ожирения в этих двух группах стран. Кроме того, для выявления передового опыта уменьшения масштабов ожирения у взрослых представляется уместным провести более подробный анализ по тем странам, где темпы прироста за рассматриваемый период снижались более существенно. ■

1.3 МНОГОПЛАНОВОЕ БРЕМЯ ОТСУТСТВИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И НЕПОЛНОЦЕННОГО ПИТАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕШЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ЗАДАЧ В ЭТОЙ ОБЛАСТИ К 2030 ГОДУ

В таблице 4 представлены в обобщенном виде оценки показателей десяти проанализированных выше индикаторов по 18 странам

четырёх субрегионов Европы и Центральной Азии, не являющимся государствами-членами Европейского союза (ЕС-28) и Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ). Ее цель – особо выделить аспекты многопланового бремени голода и неполноценного питания.

Показатели масштабов задержки роста и избыточной массы тела детей в возрасте до пяти лет относительно высоки примерно в половине рассмотренных стран (Азербайджан, Албания, Армения, Босния и Герцеговина, Турция и Черногория). Это указывает на существование двойного бремени неполноценного питания. В некоторых из этих стран (в частности, Албании, Кыргызстане и Таджикистане) также высоки показатели трех индикаторов отсутствия продовольственной безопасности. Эти многоплановые проблемы становятся очевидными, если их рассматривать в совокупности с показателями масштабов анемии, ожирения у взрослых и исключительно грудного вскармливания. В отличие от показателей отсутствия продовольственной безопасности и истощения, в большинстве стран, включенных в таблицу 4, относительно высоки уровни ожирения у взрослых и анемии и низки показатели исключительно грудного вскармливания. Например, только в трех странах из 14, по которым имеются данные по масштабам исключительно грудного вскармливания, этот показатель превышает среднемировой в 42%, а в отношении анемии – по всем 18 странам этот показатель выше среднего по Европейскому союзу, который составляет 19%.

ТАБЛИЦА 4
ПОКАЗАТЕЛИ ОСНОВНЫХ ИНДИКАТОРОВ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПИТАНИЯ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ РЕГИОНА ЕЦА

	ШВОПБ					Избыточная масса тела у детей	Низкий вес при рождении	Анемия	Ожирение взрослых	Исключительно грудное вскармливание
	МРН	Острая	Умеренная + острая	Отставание в росте	Истощение					
Албания	6,2	11,1	38,6	11,3	1,6	16,4	4,6	25,3	22,3	36,5
Армения	4,3	4,0	34,3	9,4	4,5	13,7	9,0	29,4	20,9	44,5
Азербайджан	<2,5	-	-	17,8	3,2	14,1	7,3	38,5	19,9	12,1
Беларусь	<2,5	-	-	-	-	-	5,1	22,6	26,6	19,0
Босния и Герцеговина	<2,5	1,1	9,2	8,9	2,3	17,4	3,4	29,4	19,4	18,2
Грузия	7,9	7,6	34,5	-	-	-	6,1	27,5	23,3	-
Казахстан	<2,5	1,9	9,3	8,0	3,1	9,3	5,4	30,7	21,3	37,8
Кыргызстан	7,1	5,1	23,9	12,9	2,8	7,0	5,5	36,2	15,4	40,9
Черногория	<2,5	2,1	12,0	9,4	2,8	22,3	5,5	25,2	24,9	16,8
Северная Македония	3,2	3,2	13,2	4,9	1,8	12,4	9,1	23,3	23,9	23,0
Республика Молдова	-	2,8	25,4	6,4	1,9	4,9	5,0	26,8	20,1	36,4

ТАБЛИЦА 4
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

	ШВОПБ				Истощение	Избыточная масса тела у детей	Низкий вес при рождении	Анемия	Ожирение взрослых	Исключительно грудное вскармливание
	МРН	Острая	Умеренная + острая	Отставание в росте						
Сербия	5,7	1,6	11,7	6,0	3,9	13,9	4,5	27,2	23,5	12,8
Таджикистан	-	9,6	29,6	17,5	5,6	3,3	5,6	30,5	12,6	35,8
Турция	<2,5	-	-	9,9	1,9	11,1	11,7	30,9	32,2	30,1
Туркменистан	5,4	-	-	11,5	4,2	5,9	4,9	32,6	17,5	58,3
Украина	3,5	-	-	-	-	-	5,6	23,5	26,1	19,7
Узбекистан	6,3	-	-	-	-	-	5,3	36,2	15,3	-

ПРИМЕЧАНИЯ: все представленные здесь данные уже рассматривались ранее в документе. Дефис («-») означает, что данные отсутствуют.

ИСТОЧНИК: ФАО, ЮНИСЕФ и ВОЗ.

Исходя из текущего состояния и тенденций последнего времени в области различных форм неполноценного питания, каковы перспективы выполнения задач, поставленных в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года? В докладах по вопросам питания в мире отслеживаются перспективы достижения отдельными странами целого ряда показателей в области питания и здоровья. В таблице 5 обобщаются эти оценки по 18 странам четырех субрегионов, не входящим в ЕС-28 и ЕАСТ на основе «Доклада о положении дел с питанием в мире» (Development Initiatives, 2018). К сожалению, в отношении трех показателей неполноценного питания детей оценки были ограничены шестью–восемью странами из 18, поскольку было недостаточно данных для вычисления современных тенденций. Результаты этих оценок показывают, что по показателям задержки роста четыре из шести стран, по которым проводились оценки (Армения, Казахстан, Кыргызстан и Турция), работают темпами, обеспечивающими своевременное решение стоящих задач, однако в последние годы не проводилось оценочных мероприятий по некоторым странам с относительно высокими показателями масштабов (Албании, Таджикистану, Туркменистану и Грузии). По показателям истощения все восемь стран, по которым проводились оценки, работают темпами, обеспечивающими своевременное решение стоящих задач на период до 2030 года. В отношении избыточной массы тела только три из пяти стран, по которым проводились оценки (Армения, Казахстан и Сербия), ведут работу надлежащими темпами, а в двух других странах (Азербайджане и Кыргызстане) продвижения вперед не отмечено или положение ухудшилось.

В том, что касается анемии и ожирения у взрослых, то оценки проводились по всем 18 странам, и за исключением двух стран (в отношении анемии) – Таджикистана и Узбекистана – где темпы работы были недостаточными, но определенная

работа все же велась, было установлено, что продвижения вперед нет или положение ухудшилось. По показателям исключительно грудного вскармливания оценки проводились по пяти странам, из числа которых только Армения вела работу в этой области достаточными темпами.

Таким образом, в целом большинство стран работают темпами, обеспечивающими своевременное решение стоящих задач на период до 2030 года, лишь по тематике истощения. По странам ЕС и ЕАСТ не проводилось оценок работы по достижению показателей для детей в возрасте до пяти лет и исключительно грудного вскармливания, поскольку было недостаточно данных (или, возможно, поскольку первые три показателя были очень низкими). В отношении анемии и ожирения у взрослых, по результатам оценки всех 30 стран был сделан вывод, что «продвижения вперед не отмечено или положение ухудшилось». Эти довольно разочаровывающие результаты по данному региону также соответствуют заключениям по другим регионам, сформулированным в докладе «Положение дел с питанием в мире» 2018 года. В целом по миру было установлено, что из 194 стран, по которым проведены оценки, темпы работы по показателям задержки роста были адекватными в 24 странах; по тематике истощения – в 37 странах; по вопросам избыточной массы тела у детей – в 38 странах; по исключительно грудному вскармливанию – в 31 стране, но ни одна страна не вела работу по решению задач в области ожирения у взрослых и анемии достаточными темпами.

Заключительные замечания

Основные тезисы настоящей части доклада можно резюмировать следующим образом:

1) Было установлено, что показатели масштабов распространения недоедания (МРН) или хронического голода в большинстве стран этого региона относительно низки и только в семи странах пре-

ТАБЛИЦА 5

ХОД РАБОТЫ ПО РЕШЕНИЮ РАЗЛИЧНЫХ ЗАДАЧ В ОБЛАСТИ НЕПОЛНОЦЕННОГО ПИТАНИЯ К 2030 ГОДУ

Индикаторы	Статус по результатам оценки			
	Темпы работы адекватны	Темпы работы не достаточны, но продвижение есть	Продвижения нет или положение ухудшилось	Данные отсутствуют / не оценивалось
Задержка роста у детей до пяти лет	Армения, Казахстан, Кыргызстан, Турция	Сербия	Азербайджан	Данных по другим странам нет
Истощение у детей до пяти лет	Азербайджан, Армения, Казахстан, Черногория, Кыргызстан, Туркменистан, Сербия, Турция			Данных по другим странам нет
Избыточная масса тела у детей до пяти лет	Армения, Казахстан, Сербия		Азербайджан, Кыргызстан	Данных по другим странам нет
Анемия		Таджикистан, Узбекистан	Остальные 16 стран	
Исключительно грудное вскармливание	Армения	Казахстан, Таджикистан	Кыргызстан, Сербия	Данных по другим странам нет
Ожирение у взрослых			Все 18 стран	

ПРИМЕЧАНИЕ: оценка проводилась только по 18 странам Европы и Центральной Азии, не входящим в ЕС–28 и ЕАСТ.

ИСТОЧНИК: на основе «подборки данных странового, регионального и мирового уровня по вопросам питания» из доклада «Положение дел с питанием в мире» 2018 года, размещенных на веб-сайте этого доклада: <https://globalnutritionreport.org/nutrition-profiles/>

вышают 5%. Хотя показатели МРН низки, темпы их снижения в последние годы практически равны нулю, а в некоторых странах эти показатели даже растут, что ставит под угрозу перспективы достижения «нулевого голода» к 2030 году. На Кавказе и в Центральной Азии, где больше стран, в которых масштабы недоедания шире, последние пять лет показатели не меняются (примерно 3,3% на Кавказе и 5,6% в Центральной Азии).

2) В отношении практических мер в области отсутствия продовольственной безопасности новые данные показывают, что в 2018 году показатель масштабов острого отсутствия продовольственной безопасности в регионе Европы и Центральной Азии (ЕЦА) в целом составил 1,9%, причем после 2014 года отмечаются заметно более высокие показатели в западной части Балканского полуострова и Турции. В противоположность этому, масштабы распространения умеренной или острой формы отсутствия продовольственной безопасности могут быть довольно значительными – 11% в целом по региону, 6,3% в странах ЕС–28 и 3,5–27,9% в других субрегионах. С 2014 года в целом оставались без изменений как показатели масштабов, так и количества людей, живущих в условиях отсутствия продовольственной безопасности, причем тенденция к их улучшению не прослеживается. Таким образом, значительная часть населения региона ЕЦА по-прежнему живет в условиях недостаточного доступа к безопасным и разнообразным пищевым продуктам в необходимом объеме, что и отражает показатель умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности. Этот новый показатель умеренной степени отсутствия продовольственной безопасности демон-

стрирует, что даже в странах с высоким уровнем доходов значительная часть населения испытывает трудности с обеспечением регулярного доступа к питательному продовольствию в достаточном объеме. Согласно этим данным, в субрегионе ЕС–28 более 6% населения страдают от отсутствия продовольственной безопасности в умеренной или острой форме.

3) Во многих странах региона сохраняются относительно большие масштабы различных форм неполноценного питания; при этом в большинстве стран это проявляется в множественных формах. При сохранении нынешних темпов работы многие страны рискуют не выполнить задачи на период до 2030 года.

4) В ряду различных форм неполноценного питания в регионе ЕЦА серьезные проблемы в плане здравоохранения представляют собой избыточный вес и ожирение. Масштабы ожирения среди взрослых не только относительно высоки – 20–30% в 2016 году, но и продолжают расти. Вызывает озабоченность и то, что темпы роста этого показателя в последние годы (2010–2016) выше, чем в предыдущем десятилетии (2000–2010), за исключением 17 стран – главным образом западноевропейских государств-членов Европейского союза и ЕАСТ – где в последние годы рост этого показателя несколько замедлился. Это может указывать на то, что темпы роста показателя ожирения имеют тенденцию к стабилизации и замедлению при достижении определенного высокого порогового значения доходов на душу населения, поскольку рост доходов связан с более высоким уровнем образования, осведомленности, лучшими условиями жизни, большей физической активностью и более здоровым питанием. ■

**ВОРОНЕЖ,
РОССИЙСКАЯ
ФЕДЕРАЦИЯ**

Центральный рынок
предлагает покупателям
широкий ассортимент
фруктов и овощей.
© FAO/Maksim Zmeyev

ЧАСТЬ 2
ПРОДОВОЛЬ-
СТВЕННАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ И
ПИТАНИЕ:
ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ
ФАКТОРЫ

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ПИТАНИЕ: ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФАКТОРЫ

В этой части доклада представлен анализ двух избранных тем, тесно связанных с вопросами продовольственной безопасности и питания: i) сохраняющегося неравенства между подгруппами населения в плане ключевых показателей продовольственной безопасности и питания, а также факторов его определяющих; и ii) государственных инвестиций в сельское хозяйство. Последняя тема тесно связана с задачей ликвидации голода и всех форм голода и неполноценного питания, поставленной в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, исходя из тезиса «никто не должен быть забыт». Эта последняя установка связана с одной конкретной задачей Повестки дня на период до 2030 года – задачей 2.а, касающейся увеличения государственных инвестиций в сельское хозяйство для повышения продуктивности. Это лишь часть непосредственных, глубинных и структурных определяющих факторов продовольственной безопасности и питания. ■

2.1 СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО В КОНТЕКСТЕ РЕЗУЛЬТАТОВ В ОБЛАСТИ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПИТАНИЯ

В последнее время в мире резко повысился интерес к проблематике неравенства, как в плане его результатов, таких как нищета, отсутствие продовольственной безопасности

и неполноценное питание, так и факторов, его определяющих. Эти результаты описаны в ряде недавних исследований, которые проводились для того, чтобы понять, почему неравенство между социально-экономическими группами со временем не меняется. В качестве примеров таких исследований можно упомянуть: Ahrens *et al.* (2014) об избыточной массе тела и ожирении у детей европейских стран; Loring and Robertson (2014) о взаимосвязи неравенства и ожирения в Европе; Bredenkamp *et al.* (2014) о недоедании у детей, Falkingham *et al.* (2012) о неравенстве результатов в плане здоровья детей и матерей в Европе и субрегионе Содружества Независимых Государств; Perez-Escamilla *et al.* (2018) о неравенстве в плане качества питания; Van de Poel *et al.* (2008) о влиянии социально-экономического неравенства на показатели неполноценного питания в развивающихся странах; и Yang *et al.* (2018) о влиянии социально-экономического неравенства на показатели анемии. Одной из причин роста интереса к этим вопросам является провозглашенный в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года тезис «никто не должен быть забыт».

В научной литературе сформировался консенсус относительно того, что экономическое и социальное неравенство замедляет или затрудняет работу по сокращению масштабов нищеты, отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания. Как явствует из материалов исследований, работа идет быстрее в тех обществах, где больше равноправия (по материалам ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ, 2019).

Фактору положительных сдвигов в сокращении масштабов нищеты в результате высоких темпов экономического роста противодействует фактор обострения неравенства.

Это может быть причиной более быстрого сокращения масштабов отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания в прошлые десятилетия даже в странах с высоким уровнем неравенства. Но в условиях более медленного экономического роста, который наблюдался в последние годы и может сохраниться в ближайшие годы, неравенство может практически свести на нет влияние факторов экономического роста. Такова опасность игнорирования роли факторов неравенства. Понимание вопросов неравенства доходов для конкретных подгрупп населения в силу тех или иных выявленных социально-экономических факторов является, таким образом, неотъемлемым элементом выработки надлежащих мер политики и адресных мероприятий в интересах тех или иных целевых групп. Понимание этих вопросов также необходимо для результативной работы по другим Целям в области устойчивого развития, например, касающимся нищеты, общего процветания и здоровья.

В настоящем разделе на примере растущих озабоченностей в связи с ростом неравенства рассматриваются два массива данных, касающихся масштабов неравенства результатов в регионе Европы и Центральной Азии (ЕЦА). Один отражает результаты в контексте трех форм неполноценного питания у детей в возрасте до пяти лет (задержка роста, истощение и избыточная масса тела) и сформирован на основе статистических данных, полученных в ходе медико-демографических обследований. Второй массив данных иллюстрирует то, насколько равные результаты принес рост доходов в последние годы; он сформирован на основе опубликованных данных Всемирного банка о показателях «общего процветания», в которых сравнивается рост доходов или потребления наименее обеспеченных 40% населения

и показателя роста доходов всего населения⁸. В конце раздела дается резюме ряда проведенных в последнее время исследований по вопросам неравенства в регионе ЕЦА.

Неравенство показателей масштабов трех форм неполноценного питания детей в возрасте до пяти лет

Оценки масштабов неполноценного питания детей в возрасте до пяти лет по результатам большинства медико-демографических обследований представлены с разбивкой по нескольким социально-экономическим факторам: полу ребенка, месту проживания (сельский или городской район), благосостоянию, образованию матери, а также району страны, в котором проживает ребенок. Эти данные представлены в Совместных оценках в области питания (Joint Nutrition Estimates) ЮНИСЕФ, Всемирной организации здравоохранения и Всемирного банка (последнее обновление в мае 2019 года) по 12–15 из 18 стран четырех субрегионов ЕЦА, помимо ЕС–28 и ЕАСТ.

В мировом масштабе разница показателей масштабов задержки роста и истощения с разбивкой *по признаку пола*, как правило, незначительна, однако эти показатели все же несколько выше для детей мужского пола (ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ, 2018). Это также справедливо и в отношении четырех субрегионов ЕЦА, помимо ЕС–28 и ЕАСТ, по которым проводится анализ. Масштабы задержки роста выше у детей мужского пола в 11 из 13 стран, однако разница невелика и лишь в двух случаях превышает два процентных пункта; а по показателям истощения разница меньше одного процентного пункта в обе стороны отмечена в 10 из 13 стран. Масштабы ожирения взрослых у женщин больше, чем у мужчин (совокупные

данные ВОЗ по Европе, приведенные в части I доклада), однако масштабы излишней массы тела у детей в возрасте до пяти лет выше у детей мужского пола в 11 из 13 стран, причем в пяти случаях разрыв составлял не менее двух процентных пунктов. Если сравнивать с показателями пяти–восемилетней давности, то разрыв в большинстве случаев сокращается, в том числе, и по показателям избыточной массы тела.

По признаку *места проживания* масштабы задержки роста и истощения в большинстве случаев больше среди детей сельских районов, чем среди детей городских районов, что согласуется с тем фактом, что случаи крайне низкого уровня доходов и отсутствия продовольственной безопасности, как правило, встречаются чаще в сельских районах (Black *et al.*, 2013; Fox and Heaton, 2012). Однако в регионе ЕЦА чаще всего эта разница незначительна, особенно в отношении истощения. Разрыв более пяти процентных пунктов в показателях задержки роста отмечен только в трех странах (Азербайджане, Армении и Турции). Подобным же образом, этот разрыв показателей истощения превысил два процентных пункта только в Армении, где он составил 2,6 пункта. Масштабы избыточной массы тела, напротив, были больше среди детей городских районов в 11 из 13 стран, причем большой разрыв (не менее пяти пунктов) отмечался в трех странах: Боснии и Герцеговине, Северной Македонии и Черногории. Эти данные показывают, что разрыв показателей масштабов трех форм неполноценного питания в последние годы по большей части сокращается; особенно обнадеживает тот факт, что это происходит быстрее в когорте детей сельских районов, в том числе в плане показателей избыточной массы тела.

Уровень образования матери является одним из важных глубинных факторов неполноценного питания детей по целому ряду причин. Женщины с более высоким уровнем образования, как правило, имеют ряд преимуществ в плане питания детей и их роста, например, больше знают о здоровье детей и их потребностях в питании, имеют более высокие доходы, играют более заметную роль в определении расходов домохозяйства, имеют лучшие санитарно-гигиенические условия жизни и т.д. (Ruiz *et al.*, 2016; Paciorek *et al.*, 2013).

Здесь используются две категории образования: «без образования или с начальным образованием» и «со средним образованием и выше». Как и ожидалось, показатели масштабов выше для подгруппы с более низким уровнем образования в девяти из десяти стран, по которым имеются данные по задержке роста и в восьми странах – в отношении истощения (таблица 6). Разница показателей задержки роста высока в трех странах (более 10 пунктов в Кыргызстане и Сербии, и 8,4 пункта в Армении), а показателей истощения – в двух (Казахстане и Таджикистане). По избыточной массе тела, напротив, показатели масштабов выше в семьях с более высоким уровнем образования в семи из десяти стран, причем разница в пять пунктов и более отмечается в Казахстане и Северной Македонии, а в Армении этот показатель гораздо выше в подгруппе с более низким уровнем образования. Причины того, что показатели избыточной массы тела выше в семьях, где матери имеют более высокий уровень образования, заслуживают отдельного анализа по конкретным странам и общинам, поскольку и условия, и роль различных усугубляющих факторов могут существенно различаться.

В отношении ожирения среди взрослых, в целом ряде исследований отмечается, что в странах с высоким уровнем доходов этот показатель зачастую выше для семей с низким уровнем доходов, поскольку они склонны употреблять более дешевые высококалорийные пищевые продукты с высоким содержанием жиров и/или сахара. В развивающихся странах показатели избыточной массы тела, как правило, выше для семей с более высоким уровнем доходов, поскольку они употребляют больше высококалорийных пищевых продуктов с высоким содержанием жиров и/или сахара (см. Loring and Robertson, 2014, а также анализ ниже).

На основе столь малого количества элементов данных за оба периода (только пять–шесть стран) невозможно сделать однозначных выводов. При такой небольшой выборке итоговые показатели по всем трем формам неполноценного питания неоднозначны. По показателям истощения разрыв сократился в трех странах (Армении, Северной Македонии и Черногории), но увеличился в остальных двух странах. В отношении задержки роста разрыв сократился в трех странах (Боснии

ТАБЛИЦА 6
МАСШТАБЫ ТРЕХ ФОРМ НЕПОЛНОЦЕННОГО ПИТАНИЯ У ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО ПЯТИ ЛЕТ
В ЗАВИСИМОСТИ ОТ УРОВНЯ ОБРАЗОВАНИЯ МАТЕРЕЙ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ РЕГИОНА ЕЦА

	Год обследования	Отставание в росте			Истощение			Избыточный вес		
		Отсутствует и начальное	Среднее и высшее	Разница	Отсутствует и начальное	Среднее и высшее	Разница	Отсутствует и начальное	Среднее и высшее	Разница
Албания	2017	13,1	9,6	3,5	1,9	1,3	0,5	15,8	17,3	-1,5
Армения	2016	17,3	8,9	8,4	5,7	4,4	1,3	24,4	13,0	11,4
Босния и Герцеговина	2012	9,3	8,8	0,5	2,7	2,2	0,5	15,3	18,0	-2,8
Казахстан	2010	12,9	13,1	-0,2	7,2	4,0	3,2	6,3	13,5	-7,1
Кыргызстан	2014	26,5	12,9	13,6	1,3	3,0	-1,7	8,3	6,9	1,4
Черногория	2013	13,1	8,7	4,4	4,1	2,5	1,6	22,8	22,2	0,5
Северная Македония	2011	6,2	4,1	2,0	2,8	1,2	1,6	8,5	15,0	-6,5
Сербия	2014	15,0	4,5	10,4	3,9	3,9	0,0	12,1	14,2	-2,1
Таджикистан	2012	27,8	26,6	1,2	12,8	9,6	3,2	4,7	6,9	-2,3
Турция	2013	12,3	7,3	4,9	2,0	1,6	0,4	9,1	13,4	-4,3

ПРИМЕЧАНИЕ: при проведении обследований уровень образования матерей учитывается по четырем категориям (без образования, начальное, среднее и высшее), а также по двум комбинированным категориям, которые отражены в таблице.

ИСТОЧНИК: UNICEF-WHO-World Bank's Joint Nutrition Estimates database, обновление за май 2019 года.

и Герцеговине, Турции и Черногории) и увеличился в Армении и Сербии. По избыточной массе тела разрыв уменьшился в Сербии и Турции, но увеличился в Армении, Боснии и Герцеговине и Черногории. Отрадно то, что помимо этих изменений в величине разрывов показателей, масштабы как задержки роста, так и истощения уменьшились почти во всех странах по обеим категориям образования. Однако по показателям избыточной массы тела результаты не оправдали ожиданий – показатели масштабов заметно увеличились по группам с более низким уровнем образования в Армении и Черногории и по группам с более высоким уровнем образования в Турции и Черногории.

Из [таблицы 7](#) следует, что оценки показателей масштабов для детей снижаются в отношении семей, относящихся к нижним и верхним *квинтилям уровня богатства* (по признаку владения разнообразным домашним имуществом). Как и ожидалось, показатель выше для Q1 (нижнего квинтиля), чем для Q5 (верхнего квинтиля) в 11 из 13 стран по задержке роста и в восьми из 13 стран по истощению. По задержке роста абсолютная разница между Q1 и Q5 была относительно велика – около восьми

процентных пунктов или больше в пяти странах. В отношении истощения разница показателей была сравнительно велика в нескольких странах (например, более трех пунктов в трех странах: Азербайджане, Армении и Северной Македонии), но в двух странах – Сербии и Таджикистане – этот показатель был заметно выше в Q5, чем в Q1. В отличие от оценок показателей масштабов задержки роста и истощения, масштабы избыточной массы тела в Q5 были больше, чем в Q1 в десяти из 13 стран, и на пять пунктов и больше – в четырех странах (Боснии и Герцеговине, Северной Македонии, Турции и Черногории).

Данные по показателям масштабов за эти два периода имеются по 13 странам. В [таблице 7](#) по каждой стране показаны последние доступные данные, а данные за более ранний период приведены по состоянию на пять–восемь лет ранее. Из этих 13 стран показатель задержки роста снизился в 12 странах по Q1 и в десяти – по Q5, причем разрыв между ними сократился в десяти странах, а на пять пунктов и больше – в пяти странах (Албании, Боснии и Герцеговине, Таджикистане, Турции и Черногории). По истощению также почти во всех странах показатели снизились по обоим

ТАБЛИЦА 7
ПОКАЗАТЕЛИ МАСШТАБОВ ТРЕХ ФОРМ НЕПОЛНОЦЕННОГО ПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В ВОЗРАСТЕ ДО ПЯТИ ЛЕТ
ПО КВИНТИЛЯМ УРОВНЯ БОГАТСТВА В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ РЕГИОНА ЕЦА

	Год обследования	Отставание в росте (%)		Разрыв	Истощение (%)		Разрыв	Избыточный вес (%)		Разрыв
		Q1	Q5	% пункты	Q1	Q5	% пункты	Q1	Q5	% пункты
Албания	2017	17,1	9,2	7,9	2,6	0,2	2,4	14,7	17,4	-2,7
Армения	2016	12,0	5,9	6,1	6,1	3,0	3,1	16,8	8,5	8,3
Азербайджан	2013	27,9	15,8	12,1	3,9	0,9	3,1	17,3	14,4	2,9
Босния и Герцеговина	2012	10,1	10,3	-0,3	1,9	2,7	-0,8	13,6	20,7	-7,0
Казахстан	2015	10,3	6,2	4,1	3,0	2,9	0,0	7,7	12,5	-4,8
Кыргызстан	2014	17,7	10,7	7,0	3,1	3,3	-0,2	6,2	9,2	-3,0
Черногория	2013	4,7	8,6	-4,0	3,5	2,2	1,2	15,8	25,5	-9,6
Северная Македония	2011	7,2	2,0	5,2	3,5	0,6	3,0	4,3	14,2	-9,9
Республика Молдова	2012	11,4	2,7	8,7	1,7	1,8	0,0	2,9	6,6	-3,7
Сербия	2014	13,6	4,1	9,5	1,3	5,2	-3,9	16,4	12,8	3,6
Таджикистан	2017	21,5	17,2	4,3	4,9	8,4	-3,4	1,6	5,7	-4,1
Турция	2013	18,7	4,7	14,0	1,6	0,2	1,4	7,6	14,8	-7,2
Туркменистан	2015	15,5	11,4	4,1	5,2	3,8	1,4	4,8	5,4	-0,7

ПРИМЕЧАНИЕ: Q1 означает первый, или нижний, квинтиль уровня богатства, а Q5 – пятый, или верхний, квинтиль, разница показана как Q1 минус Q5. Показатель масштабов указан в процентах, а разница между Q1 и Q5 – в процентных пунктах.

ИСТОЧНИК: UNICEF-WHO-World Bank's Joint Nutrition Estimates database, обновление за март 2019 года.

квинтилям, а разрыв сократился в восьми странах. Показатели масштабов избыточной массы тела по сравнению с первым годом снизились по Q1 в десяти странах и не менее, чем на пять пунктов – в пяти странах (Албании, Боснии и Герцеговине, Казахстане, Кыргызстане и Северной Македонии). Показатели масштабов избыточной массы тела по Q5 снизились только в одной стране – Албании. В результате, во многих странах разница показателей Q1 и Q5 заметно сократилась. Это явление – снижение показателей по Q1 с одновременным сокращением разницы между квинтилями – следует рассматривать как безусловно положительное для общего процесса улучшения положения в этой области.

Данные по масштабам также компилируются по географическим регионам той или иной страны – в некоторых странах по трем–четырем регионам, в других – по большему числу регионов. Для целей настоящего анализа по рассматриваемым регионам были определе-

ны оценочные минимальные и максимальные показатели масштабов. Минимальные показатели в основном собраны на основе показателей в столицах или прибрежных районах стран, а средние показатели максимумов рассчитывались на основе данных по трем регионам с наивысшими показателями. Эти данные показывают, что разница между регионами иногда бывает гораздо больше, чем разница, полученная на основе других социально-экономических факторов. Разница показателей задержки роста между регионами превысила пять процентных пунктов в десяти из 13 стран, а в двух странах (Армении и Таджикистане) – более десяти процентных пунктов. Разница показателей истощения превышала три пункта в восьми странах, а в четырех странах она превышала пять пунктов. Разница показателей между регионами была более значительной в отношении избыточной массы тела, превышая пять пунктов в девяти из 13 стран, и была больше десяти пунктов в шести странах. Следует отметить, что разни-

ца показателей по регионам могла бы быть более значительной, чем между сельскими и городскими местами проживания, поскольку в отношении последних усреднялись показатели нескольких регионов.

Неравенство показателей масштабов ожирения у взрослых и других форм неполноценного питания

Помимо изучения этих трех форм неполноценного питания у детей в возрасте до пяти лет, опубликовано несколько исследований по вопросам неравенства применительно к другим формам неполноценного питания, например, ожирения у взрослых, анемии у женщин детородного возраста и пониженной массы тела у детей.

Например, в исследовании (Loring and Robertson (2014) по заказу Регионального отделения ВОЗ для Европы сделан вывод о том, что масштабы ожирения у взрослых в Европе растут больше всего в низших социально-экономических когортах, причем в качестве самых значительных факторов этого названы уровень образования, а также условия жизни и труда. Взрослые низших социально-экономических групп имеют вдвое большие шансы на ожирение, чем представители других групп. Подобным же образом в исследовании (Ahrens *et al.* (2014), подготовленном на основе обследований «Выявление и профилактика последствий для здоровья, определяемых рационами питания и образом жизни» (Identification and prevention of dietary- and lifestyle-induced health effects) (IDEFICS) в Европе у детей в возрасте двух-десяти лет выявлена обратная зависимость от социального положения – наиболее высокие показатели ожирения отмечались у групп населения с низким уровнем доходов и/или с более низким уровнем образования. Представляется, что одной из общих тенденций в странах с высоким уровнем доходов является более высокое значение показателя ожирения для групп населения с низким и средним уровнем доходов, а в странах с низким уровнем доходов – картина противоположная (Mazzocchi *et al.*, 2014). В то же время, на основе самых последних данных напрашивается вывод о быстром росте и без того высоких показателей

масштабов ожирения в сельских – в отличие от городских – районах всех стран с высоким уровнем доходов; темпы изменения этих показателей во многих странах с низким и средним уровнем доходов таковы, что масштабы избыточной массы тела и ожирения в сельских районах скоро сравняются с масштабами этих явлений в городских районах или даже превьсят их (Popkin, 2019).

В «Региональном обзоре состояния продовольственной безопасности и питания в Европе и Центральной Азии» 2018 года (ФАО, 2018а) приводится ряд статистических данных, свидетельствующих о большом разбросе показателей анемии у женщин. Например, по данным обследований ЮНИСЕФ в Таджикистане этот показатель в некоторых регионах страны составлял 20–30%. В исследовании (Perez-Escamilla *et al.* (2018), проведенном с использованием данных по разным регионам стран, сделан вывод о том, что во всех категориях доходов, включая страны с уровнем доходов выше среднего, наивысшие показатели масштабов анемии у детей были в домохозяйствах, относящихся к низшему квинтилю богатства. Таким образом, в целом социально-экономическое неравенство представляется широко распространенным, являясь, в то же время, одним из важнейших факторов, определяющих большинство форм неполноценного питания в странах как с низким, так и с высоким уровнем доходов.

Общее процветание – насколько экономический рост в последние годы отвечал интересам бедных слоев населения региона?

Всемирный банк недавно начал отслеживать ход работы по достижению «общего процветания» на основе показателей роста доходов или потребительских расходов (иными словами – роста доходов) наименее обеспеченных 40% населения (В40) в качестве дополнительного показателя ликвидации крайней нищеты к 2030 году (World Bank, 2018а). Данные для доклада Всемирного банка «Нищета и общее процветание – 2018: понимание сложной мозаики нищеты» получены на основе периодических обследований национальных стандартов уровня жизни. Концепция общего процветания считается

действующей, когда показатели роста доходов когорты В40 имеют положительную динамику. Также дается определение «экономической выгоды общего процветания» (ЭВОП), определяемой как разница показателя роста доходов когорты В40 и показателя роста доходов всего населения; таким образом, ЭВОП имеет положительное значение, когда рост доходов когорты В40 превышает рост доходов всего населения. В докладе 2018 года эти оценки обновлены по 91 стране и разрозненные данные обобщены, что дает в целом умеренно позитивную картину положения когорты В40. В рамках глобальной выборки доходы когорты В40 увеличились в 70 из 91 страны, а более чем в половине из этих 91 страны показатель ЭВОП был положительным.

В используемой Всемирным банком системе отнесения стран к тем или иным группам, 17 западноевропейских государств-членов Европейского союза и три государства

Европейской ассоциации свободной торговли включены в группу «остальных стран мира», а 11 государств-членов ЕС Центральной и Восточной Европы и 15 государств-членов из других субрегионов региона ЕЦА отнесены к региону Европы и Центральной Азии. По этому последнему региону темпы роста реальных доходов когорты В40 в 2012–2017 годах составили 2,22% в год, что превышало темпы роста реальных доходов всего населения (2,07%), что дает показатель ЭВОП в 0,15 процентных пунктов. В первом упомянутом выше регионе показатели роста доходов когорты В40 и ЭВОП имели отрицательное значение. Таким образом, положительные результаты отмечены только в странах региона ЕЦА с относительно более низким уровнем доходов.

В **таблице 8** показаны эти данные по 15 странам четырех субрегионов ЕЦА помимо ЕС–28 и ЕАСТ. В десяти из 15 стран отмечен положительный рост как для когорты В40, так и для

ТАБЛИЦА 8
ОБЩЕЕ ПРОЦВЕТАНИЕ: РОСТ РАСХОДОВ ИЛИ ПОТРЕБЛЕНИЯ 40% НАИМЕНЕЕ ОБЕСПЕЧЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ В СРАВНЕНИИ С ДОХОДАМИ ВСЕГО НАСЕЛЕНИЯ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ РЕГИОНА ЕЦА

	Период	Рост доходов или расходов (% в год) по		ЭВОП (% пункты)
		нижним 40 %	всему населению	
Армения	2012–2017	1,76	3,22	-1,46
Беларусь	2012–2017	1,09	0,52	0,58
Босния и Герцеговина	2011–2015	-0,45	-0,79	0,34
Грузия	2012–2017	4,48	3,76	0,72
Казахстан	2012–2017	-0,02	-0,56	0,55
Косово	2012–2017	2,36	1,89	0,47
Кыргызстан	2012–2017	0,86	0,79	0,06
Черногория	2009–2014	-2,73	-2,27	-0,46
Северная Македония	2010–2015	6,07	2,55	3,52
Республика Молдова	2012–2017	2,61	0,97	1,64
Российская Федерация	2010–2015	1,62	0,48	1,15
Сербия	2012–2015	-1,70	-0,88	-0,83
Таджикистан	2009–2015	2,30	3,58	-1,28
Турция	2011–2016	2,53	3,47	-0,94
Украина	2011–2016	-0,83	-0,67	-0,16

ПРИМЕЧАНИЕ: экономическая выгода общего процветания определяется как разница показателя роста доходов 40% наименее обеспеченного населения (когорты В40) и показателя роста доходов всего населения. Упоминания Косово следует рассматривать в контексте резолюции Совета Безопасности 1244 (1999).

ИСТОЧНИК: таблица 2.1 доклада «Poverty and Shared Prosperity 2018: Piecing Together the Poverty Puzzle» <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30418/9781464813306.pdf>

всего населения. В некоторых странах показатель роста доходов когорты В40 был довольно высоким. Собственно, показатель ЭВОП имел положительное значение в девяти странах, а в шести – отрицательное, причем более высокие показатели отмечены в Северной Македонии, Республике Молдова и Российской Федерации. С другой стороны, ЭВОП имел самое большое отрицательное значение в Армении (почти -1,5 процентных пункта), затем следуют Таджикистан и Турция. В этих странах показатель ЭВОП был отрицательным несмотря на положительные темпы роста для когорты В40, поскольку они были ниже темпов роста доходов остального населения этих стран. В Боснии и Герцеговине и Казахстане темпы роста для когорты В40 были отрицательными, однако они были меньше отрицательных темпов роста доходов всего населения, поэтому показатель ЭВОП в этих странах был положительным.

В **таблице 8** не приводятся положительные показатели роста для когорты В40 в девяти из 11 государств-членов Европейского союза и Центральной и Восточной Европы, причем очень высокие показатели имеют Болгария (7,5%), Чешская Республика (6,7%) и Эстония (6,2%). Однако показатель ЭВОП был положительным только в четырех из этих 11 стран. В целом положение когорты В40 заметно улучшилось в последние годы, однако показатели ЭВОП относительно невелики. По 17 странам ЕС-28 и трем странам ЕАСТ, данные по которым приведены в таблице, общая картина свидетельствует о низких темпах роста доходов когорты В40 и невысоких значениях ЭВОП⁹. Из этих 20 стран доходы когорты В40 выросли в 11 странах, но только в четырех из них темпы роста были не меньше 1%. В отличие от приведенных в **таблице 8** показателей по 15 странам четырех субрегионов ЕЦА, показатели ЭВОП ни в одной из 17 стран ЕС-28 и трех стран ЕАСТ не превышали одного процентного пункта. В докладе Всемирного банка отмечается, что в этих богатых странах с весьма низкими показателями масштабов крайней нищеты доходы когорты В40 увеличиваются медленно, не растут или даже снижаются и в среднем за период 2010–2015 годов доходы этой когорты снижались на 0,3% в год.

Показатели роста доходов для когорты В40 и всех групп населения имеют большую степень корреляции (+0,86), а это указывает на то, что для того, чтобы результаты для этой когорты

были положительными, необходимо обеспечить также значительный рост общих доходов. Действительно, во многих странах темпы роста для когорты В40 были относительно низкими, поскольку общие темпы роста были незначительными. В исследовании Всемирного банка также подчеркивается, что непропорционально большая часть когорты В40 проживает в сельских районах, что подчеркивает неизменную важность обеспечения роста сельского хозяйства и экономики сельских районов – даже в регионе ЕЦА, где доходы относительно выше, чем в большинстве стран других регионов мира. Важно также отметить, что в ходе этого исследования было установлено, что во всех странах ЭВОП незначительно снизился по сравнению с показателями 2008–2013 годов. Это вызывает беспокойство, особенно в условиях замедления в последнее время темпов работы по улучшению продовольственной безопасности и питания почти по всем показателям. В докладе «Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире» 2019 года показано, что даже страны со средним уровнем доходов – а это основная часть стран региона ЕЦА – могут столкнуться с ростом масштабов недоедания в условиях замедления или снижения экономической активности. Глобальные прогнозы указывают на вероятность сохранения этих тенденций, что ставит под угрозу достижение показателей ЦУР 2, в соответствии с которой предусматривается к 2030 году покончить со всеми формами неполноценного питания. (ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ, 2019).

Важность учета в мерах политики и адресных мероприятиях в области борьбы с нищетой, отсутствием продовольственной безопасности и неполноценным питанием вопросов неравенства

Приведенные выше обзоры статистических данных по неравенству в области доходов со всей убедительностью показывают важность учета этих факторов при разработке мер политики и адресных мероприятий. Некоторые формы неравенства относительно наглядны, однако другие, например, связанные с социальным отчуждением и этническими аспектами, может быть трудно выявить.

Некоторые исследования последнего времени способствуют лучшему пониманию характера факторов неравенства в Европе. В рамках

одного из исследований Всемирного банка (Bussolo *et al.*, 2019) рассматривался вопрос о том, почему опросы общественного мнения, особенно результаты исследования «Жизнь в условиях переходного периода (LiTS) в Европе» (Life in Transition Survey (LiTS) in Europe) 2016 года показали, что по мнению респондентов, несмотря на то, что для региона характерны относительно низкие показатели неравенства доходов (вертикальное неравенство), у них формируется ощущение большого, неуклонно растущего неравенства; примерно в половине стран, где проводились эти обследования, коэффициент Джини (распределение доходов) в 2008–2013 годах несколько снизился. В качестве объяснения этого факта в исследовании Всемирного банка утверждается, что ситуация не воспринимается в розовом свете, когда речь заходит о горизонтальном неравенстве между группами в силу таких факторов, как когорта рождения, профессия, место проживания, район в регионе, возраст, пол, этническая принадлежность и т.д. Кроме того, в последнее время во многих странах растет концентрация доходов и богатства, при этом доля трудового дохода в валовом внутреннем продукте заметно падает. Эти факторы могут служить объяснением представлений респондентов, которые не нашли отражения в данных о вертикальном неравенстве. Таким образом, констатируется в исследовании, меры политики и программные мероприятия необходимо нацеливать на решение проблем не только связанных с неравенством доходов разных людей, но и излишней напряженности между группами.

В плане неполноценного питания детей в возрасте до пяти лет результаты работы по сокращению разрыва между социально-экономическими группами неоднозначны, особенно заметны сохраняющиеся различия в плане географических регионов, уровней богатства и образования матерей. Показатель масштабов ожирения взрослых растет быстрее в более низких когортах социально-экономических групп, в частности, в силу их условий жизни и работы, а также уровня образования. Состояние общего процветания (рост доходов наименее обеспеченных 40% населения) также неодинаково – оно, в среднем, лучше в тех странах субрегионов ЕЦА, где масштабы

нищеты, отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания выше, чем в более богатых субрегионах, где оценочные данные по масштабам ниже. Однако показатель общего процветания хуже, чем в некоторых регионах мира.

Резюмируя основные моменты, изложенные в настоящем разделе, можно отметить следующее:

- в научной литературе признается, что социально-экономическое неравенство замедляет или затрудняет работу по сокращению масштабов нищеты, отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания, ставя под угрозу достижение главной цели Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года «никто не должен быть забыт». В большинстве обществ, даже в странах с высоким уровнем доходов, сохраняется значительное социально-экономическое неравенство.
- По этой причине все большее число исследований по всему миру констатирует неравенство результатов. Рассмотренные данные показывают, что неравенство по гендерному признаку и по признаку проживания в сельских или городских районах в плане показателей масштабов задержки роста, истощения и избыточной массы тела довольно низко, однако это неравенство относительно велико при рассмотрении по признаку образования матери, богатства и географического региона. Однако представляется также, что самые последние данные по всему миру указывают на быстрый рост масштабов избыточной массы тела в сельских районах (Porkin, 2019). Отрадно, что в большинстве случаев разрыв сокращается – показатели среди подгрупп, находящихся в неблагоприятных условиях, снижаются сходными темпами с показателями подгрупп, находящихся в более благоприятных условиях. С другой стороны, показатель масштабов ожирения взрослых растет быстрее в более низких когортах социально-экономических групп, в частности, в силу их условий жизни и работы, а также уровня образования.
- В последние годы показатель общего процветания, определяемый на основе роста доходов наименее обеспеченных 40% населения, имел отрицательное значение в странах

Западной Европы и Европейской ассоциации свободной торговли, но был в среднем положительным (позитивный итог) в остальных субрегионах ЕЦА, в которых показатели масштабов нищеты, отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания были выше.

- В последних исследованиях по этому региону указывается на существование горизонтального неравенства между группами в силу таких факторов, как когорта рождения, профессия, место проживания, район в регионе, возраст, пол, этническая принадлежность и т.д. Эти факторы могут служить объяснением представлений респондентов, которые не нашли отражения в данных о вертикальном неравенстве. В одном из этих исследований (Bussolo *et al.*, 2019) констатируется, что меры политики и программные мероприятия необходимо нацеливать на решение проблем, не только связанных с неравенством доходов разных людей, но и излишней напряженностью между группами.

В целом, директивным органам и специалистам-практикам по вопросам развития, работающим по направлениям продовольствия и сельского хозяйства, питания, здравоохранения и окружающей среды необходимо признать, что неравенство оказывает негативное влияние на результаты их работы. Вопросы неравенства всегда следует принимать во внимание при выработке мер политики, программ и адресных мероприятий. Выявление источников неравенства также диктует необходимость вложения средств в сбор данных и проведение анализа; рассмотренные выше данные и исследования лишь подтверждают это. ■

2.2 ГОСУДАРСТВЕННЫЕ РАСХОДЫ НА СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО¹⁰

Важнейшим условием достижения ряда целей Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года – в частности, ликвидации всех проявлений голода, содействия

устойчивому сельскому хозяйству, удвоения продуктивности сельского хозяйства и доходов мелких фермерских хозяйств – является достаточный объем государственных инвестиций в сельское хозяйство. Для достижения Цели 2 в области устойчивого развития, предусматривающей ликвидацию всех проявлений голода, содействие устойчивому сельскому хозяйству, была сформулирована задача 2.а. Она сформулирована следующим образом: «Увеличить инвестирование, в том числе посредством активизации международного сотрудничества, в сельскую инфраструктуру, сельскохозяйственные исследования и агропропаганду, развитие технологий и создание генетических банков растений и животных в целях укрепления потенциала развивающихся стран, особенно наименее развитых стран, в области сельскохозяйственного производства».

В настоящем разделе на основе статистических данных ФАО проводится оценка государственных расходов на сельское хозяйство в регионе Европы и Центральной Азии. С 2012 года с помощью вопросника, рассылаемого правительствам большинства стран, ФАО собирает данные по государственным расходам на сельское хозяйство. Этот вопросник был разработан совместно с Международным валютным фондом на основе классификации функций органов управления (КФОУ). «Сельское хозяйство» относится к Группе 042 КФОУ, в которую входят сельское, лесное и рыбное хозяйство. На основе этих и других данных ФАО разработала индекс ориентированности на сельское хозяйство, определяемый по структуре расходов национальных правительств на сельское хозяйство в качестве индикатора для отслеживания решения Задачи 2.а.

Доля государственных расходов на сельское хозяйство в совокупных государственных расходах

Одним из наиболее широко используемых показателей для определения политической решимости поддерживать сельское хозяйство, является выделяемая правительством на нужды сельского хозяйства доля бюджета. Официально не согласована какая бы то ни была конкретная доля, однако аналитики

часто используют показатель в десять процентов. В Мапутской декларации 2003 года по сельскому хозяйству и продовольственной безопасности в Африке правительства стран этого континента поставили для себя задачу выделять на сельское хозяйство не менее десяти процентов бюджетов своих стран¹¹.

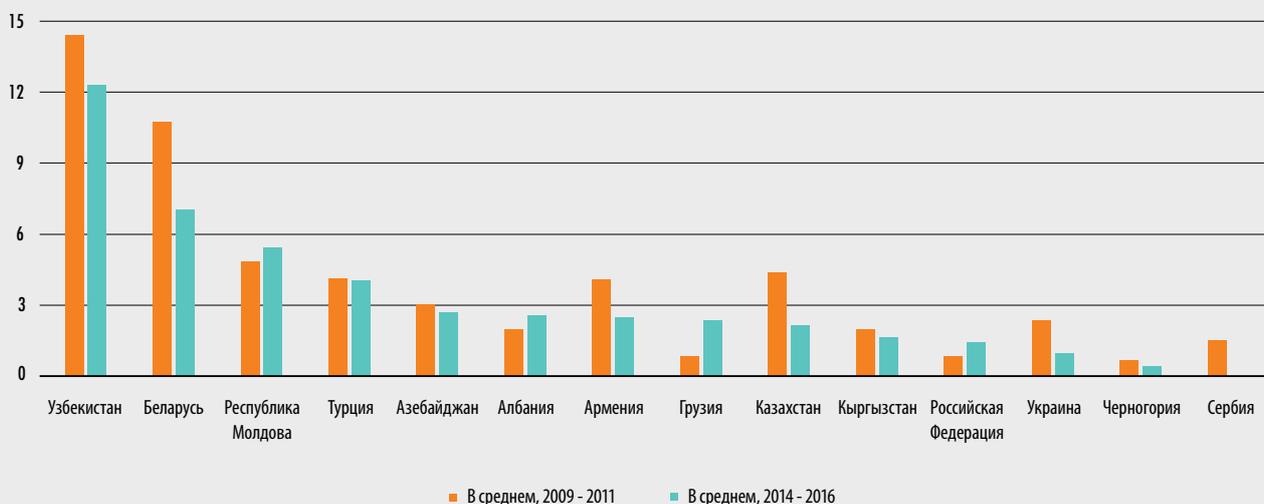
В целом по миру данные показывают, что доля сельского хозяйства в расходах национальных правительств (ФАО собирает данные только по расходам национальных правительств) в период 2001–2017 годов составляла порядка 1,6%. Среди регионов эта доля была самой высокой в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где в период 2001–2017 годов она составляла 3,03–3,85%. За ним следует Африка, где эта доля неуклонно снижалась с 3,66% в 2001 году до 2,30% в 2017 году – и все это несмотря на поставленную в Мапутской

декларации задачу выйти на десятипроцентный показатель. Развитые регионы, по которым ФАО составляет сводные данные, – к ним относятся страны Европы с высоким уровнем доходов – выделяют на эти цели наименьшую долю, которая составляет порядка одного процента. Интересно отметить, что после мирового продовольственного кризиса 2008 года доля этих расходов увеличилась во всех регионах, кроме Европы.

На рис. 10 показана средняя доля сельского хозяйства в 14 странах четырех субрегионов ЕЦА, помимо ЕС–28 и ЕАСТ, за периоды 2009–2011 и 2014–2016 годов. По большинству стран данные имеются только до 2016 года. В 2014–2016 годах эта доля превышала десять процентов только в Узбекистане. Еще в двух странах (Беларуси и Республике Молдова) она составляла пять–десять процентов и еще

РИСУНОК 10
ДОЛЯ РАСХОДОВ НА СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В БЮДЖЕТАХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ
В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ РЕГИОНА ЕЦА В 2009–2011 И 2014–2016 ГОДАХ

Доля сельского хозяйства в общем бюджете (%)

ПРИМЕЧАНИЕ: сельское хозяйство включает подотрасли лесного, рыбного и охотничьего хозяйства.

ИСТОЧНИК: ФАОСТАТ.

в пяти странах – от двух до пяти процентов. Среднеарифметический показатель по этим странам составил четыре процента в 2019–2011 годах и 3,5% в 2014–2016 годах. Кроме того, данные показывают, что между этими двумя периодами доля расходов снизилась в девяти из 13 стран, причем самое заметное снижение отмечено в Беларуси (3,6 процентных пункта), а также в Казахстане и Узбекистане (2,2 процентных пункта). С другой стороны, этот показатель вырос, в частности, в Грузии (на 1,6 пункта). В целом на сельское хозяйство приходится относительно малая доля общих ассигнований бюджета национальных правительств, а в последние годы наблюдается тенденция к снижению этой доли.

Подобные данные по 11 странам, вступившим в Европейский союз после 2004 года, свидетельствуют, в целом, о более низкой средней доле в бюджетах, чем в 13 странах, указанных в **рис.10**; среднеарифметическое значение в 2014–2016 годах составляло в первой группе 2,3%, а во второй – 3,5%. Следует отметить, что государства-члены ЕС помимо средств государственного бюджета на нужды сельского хозяйства также получают средства из бюджета ЕС в рамках единой сельскохозяйственной политики Евросоюза. Из 11 государств-членов ЕС наибольший показатель у Хорватии (3,9%), а наименьший – у Словакии (1,3%). В шести странах эта доля составляла два-четыре процента, а в остальных пяти – меньше двух процентов.

Что показывает сравнение региона Европы и Центральной Азии с другими регионами? В Африке последние данные по 44 странам, представленные в докладе «Состояние сельского хозяйства в Африке» 2018 года, показывают, что лишь в пяти странах эта доля превышала десять процентов, еще в восьми – составляла шесть-десять процентов, а в 20 странах была меньше четырех процентов. В Азиатско-Тихоокеанском регионе данные за 2010–2014 годы по 19 странам показывают, что эта доля была не меньше десяти процентов в трех странах, в трех странах – составляла пять-десять процентов, а еще в 12 странах была меньше пяти процентов. Следовательно, хотя этот показатель в регионе ЕЦА был низким, общая картина представляется не слишком отличающейся от других регионов.

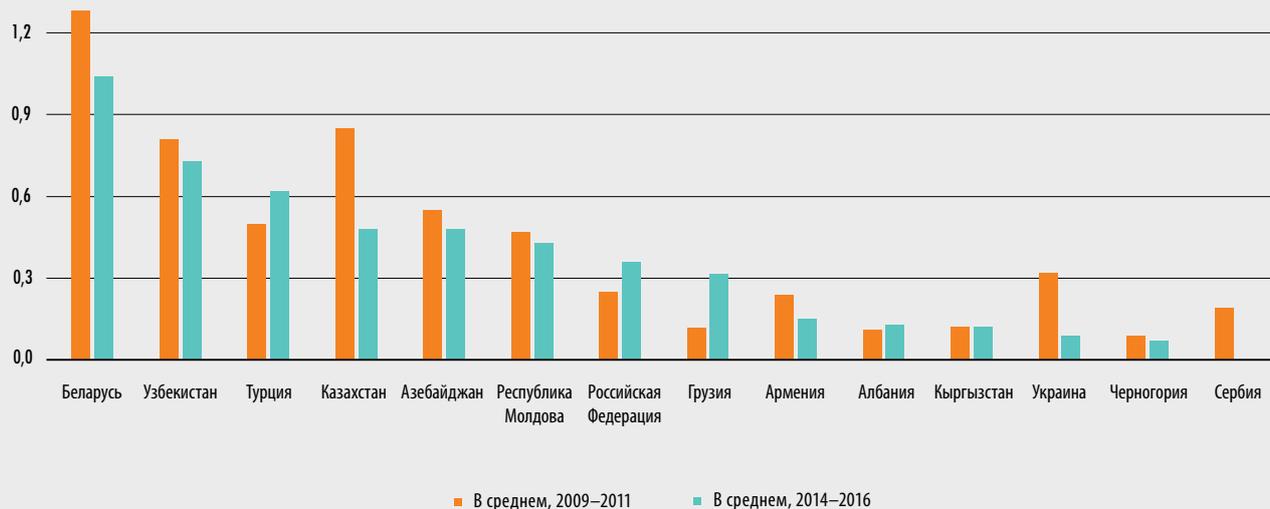
Сравнение государственных расходов на сельское хозяйство с масштабами сельскохозяйственного сектора

Упомянутая десятипроцентная доля (или иной подобный целевой показатель) не может не быть субъективной и нет какого бы то ни было признанного во всем мире такого показателя. Для целей Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года в качестве показателя избран индекс ориентированности на сельское хозяйство (ИОСХ) (индикатор 2.а.1 ЦУР), который представляет собой соотношение двух долей – процентной доли от общих расходов национального правительства на сельское хозяйство и доли сельского хозяйства в совокупном валовом внутреннем продукте. Таким образом, ИОСХ предназначен для измерения степени соразмерности расходов на сельское хозяйство доле этого сектора в экономике в целом. Показатель ИОСХ больше единицы свидетельствует о большей ориентированности на сельское хозяйство (или его большей приоритетности). Показатель ИОСХ меньше единицы свидетельствует о меньшей ориентированности. Данные ФАО показывают, что среднемировой показатель ИОСХ неуклонно снижается с 0,42 в 2001 году до 0,26 в 2017 году, причем по большинству регионов мира это значение было неизменно ниже 0,5.

На **рис. 11** представлены показатели ИОСХ по отдельным странам Европы и Центральной Азии, усредненные за периоды 2009–2011 и 2014–2016 годов. Эти данные показывают, что ИОСХ был меньше единицы – т.е., что государственные расходы на сельское хозяйство не соответствовали значению сектора – почти во всех странах. За 2014–2016 годы среднеарифметический показатель по 13 странам составлял порядка 0,40. Лишь в одной стране – Беларуси – ИОСХ был чуть больше единицы (1,05), еще в двух странах (Турции и Узбекистане) составлял 0,5 и единицу, в пяти странах – 0,3–0,5 и еще в пяти был ниже 0,3. Более того, во второй период ИОСХ снизился в восьми из 13 стран – особенно в трех странах (Беларуси, Казахстане и Украине), – а еще в трех странах (Грузии, Турции и Российской Федерации) заметно вырос.

Будучи соотношением двух долей, ИОСХ может изменяться с изменением как числителя, так и знаменателя. Например, доли в бюджетах

РИСУНОК 11
ИНДЕКС ОРИЕНТИРОВАННОСТИ НА СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ РЕГИОНА ЕЦА

ПРИМЕЧАНИЕ: сельское хозяйство включает подотрасли лесного, рыбного и охотничьего хозяйства.
ИСТОЧНИК: ФАОСТАТ.

заметно упали во всех трех странах, где снизился показатель ИОСХ, однако на Украине также выросла на три процентных пункта доля сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте, что обусловило дополнительное снижение ИОСХ. В Грузии и Российской Федерации, где ИОСХ заметно увеличился, главной причиной этого было значительное увеличение доли в бюджете при минимальном изменении сельскохозяйственного ВВП. В Турции одной из главных причин заметного увеличения ИОСХ стало резкое снижение доли сельского хозяйства в ВВП.

В отличие от этой подгруппы стран, индекс ориентированности на сельское хозяйство в подгруппе 11 стран, вступивших в ЕС после 2004 года, был выше. В десяти из 13 стран первой подгруппы показатель ИОСХ в 2014–2016 годах был меньше 0,5, однако такое же значение он имел лишь в двух из 11 государств-членов ЕС, среднее арифметическое значение ИОСХ составляло 0,75, что более, чем вдвое превышает средний показатель (0,36) в первых 13 стра-

нах. В 11 недавно вступивших в ЕС странах этот показатель заметно выше, но в 2014–2016 годах он был ниже, чем в 2009–2011 годах. Это снижение обусловлено снижением доли в бюджете и изменениями доли сельского хозяйства в ВВП, которая была схожей в ряде стран, но в пяти странах из 11 несколько увеличилась.

А что, если определять долю сельского хозяйства в бюджете исходя не из его доли в экономике, а на основе доли занятых в сельском хозяйстве?

В ИОСХ доля сельского хозяйства в бюджете связана с его долей в валовом внутреннем продукте; при этом подразумевается, что стране, более значительная часть ВВП которой приходится на сельское хозяйство, следует на него расходовать больше. В странах со средним и выше среднего уровнем доходов доля сельского хозяйства в ВВП, как правило, низка, но во многих из этих стран по-прежнему высока доля занятых в сельском хозяйстве (см. раздел, посвященный струк-

турным преобразованиям в части III доклада). Следствием такой расстыковки является снижение доходов фермерских хозяйств, рост масштабов нищеты в сельских районах и, соответственно, различие показателей продовольственной безопасности и питания в сельских и городских районах.

Поэтому можно утверждать, что любой стране, где показатели доли занятых в сельском хозяйстве значительно превышают показатели доли доходов от сельского хозяйства, следует уделять больше внимания сельскому хозяйству и сельским районам (в плане увеличения государственных расходов), нежели это вытекает из ИОСХ. Иными словами, при расчете ИОСХ в знаменателе была бы доля занятых в сельском хозяйстве, а не доля в доходах. Как и ожидалось, такой расчет доли расходов на сельское хозяйство в общем объеме государственных расходов, но с использованием в знаменателе доли занятых, дает более высокие уровни расходов в тех странах, где эти доли различаются в большей степени. Но это не повлияет на результат в тех странах, где эти две доли близки. В субрегионах ЕЦА такая ситуация наблюдается в пяти–семи странах.

Обобщая настоящий раздел, можно отметить, что, хотя основная часть инвестиций в сельское хозяйство будет осуществляться частным сектором, прежде всего фермерами, государственные инвестиции незаменимы для обеспечения общественных благ и услуг, которые не может предоставить частный сектор. С другой стороны, государственные инвестиции имеют важнейшее значение для стимулирования частных инвестиций, способствующих достижению ЦУР, например, в плане доступа к приемлемым по цене здоровым рационам питания, обеспечения занятости молодежи, экологической устойчивости и в других отношениях. Увеличение инвестиций в сельское хозяйство также входит в число задач в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, для отслеживания хода работ по которой используется ИОСХ. Повестка дня на период до 2030 года не предусматривает задач в отношении ИОСХ, однако содержит призыв к увеличению инвестиций. Анализ государственных инвестиций на основе ИОСХ показывает, что сельскому хозяйству уделяется «пониженное внимание» (ИОСХ меньше единицы) почти во всех стра-

нах региона ЕЦА, что свидетельствует о несоответствии объемов инвестиций значению этого сектора для экономики. Данные также свидетельствуют о том, что показатели ИОСХ не растут, как это требуется Повесткой дня на период до 2030 года, а падают. Кроме того, в среднем ИОСХ ниже в тех странах, где показатели масштабов голода и неполноценного питания выше. Исходя из этого краткого обзора можно сделать ясный вывод: необходимо повышать показатель ИОСХ, увеличивая расходы на сельское хозяйство для повышения действенности борьбы с нищетой, голодом и множественными формами неполноценного питания, для того чтобы помочь сделать сельское хозяйство более экологически совместимым и устойчивым к воздействию внешних факторов. Это особенно справедливо для тех стран, где доля занятых в сельском хозяйстве до сих пор заметно выше доли этого сектора в валовом внутреннем продукте.

Помимо обеспечения достаточных объемов инвестирования, столь же важно и обеспечить качество этих инвестиций. Специалисты по вопросам развития сходятся в мнении о том, что желательно увеличить расходы на общие услуги и развитие сельских районов, особенно на инфраструктуру, сельскохозяйственные исследования и распространение опыта, а также на разработку технологий. Эта тема затрагивается в целом ряде исследований последнего времени по этому региону, в которых проведен количественный анализ различных путей поддержки сельского хозяйства: косвенно – через меры продовольственной и торговой политики или непосредственно – через бюджеты¹². Соглашение по сельскому хозяйству в рамках Всемирной торговой организации также не ограничивает расходы на общие услуги и меры, направленные на развитие сельских районов, что на практике означает их поощрение. Действительно, в условиях существующих вызовов в области продовольственной безопасности, питания и экологии именно поддержке в этих областях уделяется повышенное внимание в продовольственных системах и агроэкологических механизмах. В части III настоящего доклада эти вопросы обсуждаются в контексте изменения направленности мер политики и поддержки на обеспечение решения задач, поставленных в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. ■

ЕРЕВАН, АРМЕНИЯ

Фермер работает в Зеленом учебном центре, где создан органический сад с антиградовой защитой для производства органической агропродовольственной продукции мелкими фермерами.

© FAO/Karen Minasyan

ЧАСТЬ 3
СТРУКТУРНЫЕ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА,
ПРОДОВОЛЬ-
СТВЕННЫХ СИСТЕМ
И ПРОДОВОЛЬ-
СТВЕННОЙ
ПОЛИТИКИ В
ЕВРОПЕ И
ЦЕНТРАЛЬНОЙ
АЗИИ

СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА, ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ЕВРОПЕ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

С начала 1990-х годов страны региона далеко продвинулись в деле структурных преобразований экономики, землепользования, сельскохозяйственного производства, потребления продовольствия, структуры потребления пищевых продуктов, торговли, а также политики в области продовольствия и сельского хозяйства. В то же время в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года поставлены амбициозные задачи в разных областях, в том числе, задачи ликвидации крайней нищеты, голода и всех форм неполноценного питания и обеспечения устойчивого использования природных ресурсов.

То, каким образом изменяется сельское хозяйство, имеет решающее значение для этой концепции развития, поскольку, особенно в странах с относительно высокими уровнями нищеты в сельских районах, именно этот сектор является источником средств к существованию для большинства групп населения, живущих в условиях нищеты, отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания (World Bank, 2016), и все, что в нем происходит, тесно связано с целями в области экологии, экосистем и изменения климата.

Сельское хозяйство также снабжает сырьем огромный агропромышленный сектор и обеспечивает его функционирование. Большинство стран мира участвует в реализации Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, в связи с этим есть общее понимание того, что необходимо делать. Задача заключается в том, чтобы изменить направленность текущих мер политики и практики для достижения Целей в области устойчивого развития.

Настоящий тематический раздел доклада «Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в Европе и Центральной Азии» 2019 года способствует более глубокому пониманию этих проблем и вызовов. Он разделен на две основных части. В первой части подводятся итоги структурных преобразований общеэкономического масштаба за последние три десятилетия и рассматриваются перемены в ходе эволюции продовольственного и сельскохозяйственного производства, структуры потребления продовольствия и рационов питания, а также торговых систем и мер политики. Отталкиваясь от этого, во второй части рассматривается вопрос о том, что требуется для преобразования сельскохозяйственных и продовольственных систем для достижения целей и задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

Общая цель заключается в том, чтобы сформировать устойчивые продовольственные системы и решить проблему нарастающей эпидемии избыточной массы тела и ожирения. Устойчивые продовольственные системы не только обеспечивают безопасное и питательное продовольствие, доступное для всех, но и ограничивают распространение дешевых пищевых продуктов, подвергшихся технологической обработке, с высоким содержанием сахара и насыщенных жиров. Ключевыми элементами устойчивых продовольственных систем являются системный подход и агроэкологические принципы. ■

3.1 ИЗМЕНЕНИЯ ОБЩЕЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ, СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОХО- ЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗ- ВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ

Структурные преобразования в экономике стран региона ЕЦА

Одним из итогов процесса экономического роста, который в обобщенном виде общепринято отмечать, является неизменная на протяжении многих лет тенденция к снижению доли сельского хозяйства в экономике (валовом внутреннем продукте) и доли занятых в нем. Разница между этими двумя долями является индикатором разрыва в доходах между городскими и сельскими районами и наглядно показывает степень успешности преобразований. Timmer and Akkus (2008) называют этот разрыв «секторальным коэффициентом Джини», который показывает неравенство доходов тех, кто занимается сельским хозяйством, и тех, кто работает в остальных секторах экономики. Разрыв в доходах между городскими и сельскими районами является одним из существенных элементов общей картины неравенства доходов в стране. В своем исследовании на основе данных по 86 странам авторы установили, что на этот разрыв приходится 20–30% вариативности общего коэффициента Джини для данной выборки стран.

Это исследование Тиммера и Аккуса (Timmer and Akkus) позволяет более глубоко понять некоторые элементы процесса структурных изменений. Один из таких элементов заключается в том, что разрыв в доходах – разница между производительностью труда в несельскохозяйственных секторах и в сельском хозяйстве – имеет тенденцию к увеличению на ранних этапах экономического роста, следствиями которой являются нищета, отсутствие продовольственной безопасности и другие явления. Второй такой элемент заключается в том, что было установлено, что с середины 1960-х годов та стратегическая точка, когда производительность труда в сельском хозяйстве начинает приближаться к производительности труда в несельскохозяйственных секторах или даже обгоняет ее, неуклонно сдвигается на более высокий уровень. Иными словами, в результате самого процесса роста перспективы интеграции малопродуктивного сельскохозяйственного труда в остальную экономику становятся все более нереальными. Относительный застой показателей нищеты в сельских районах за последние два десятилетия во многих странах частично объясняется нарастанием трудностей с интеграцией этих двух секторов (Ravallion *et al.*, 2007).

Различные меры политики, например поддержка цен и доходов производителей, реализуются в связи с увеличением этого межсекторального разрыва в доходах, когда директивные органы считают необходимым принимать ответные меры. Одной из обычных ответных мер было применение мер торговой политики – защиты импорта – для повышения внутренних цен на сельхозпродукцию. Именно поэтому сельскохозяйственный протекционизм называют результатом роста неравенства доходов между секто-

рами в ходе структурных преобразований (Anderson and Swinnen, 2008; Timmer and Akkus, 2008).

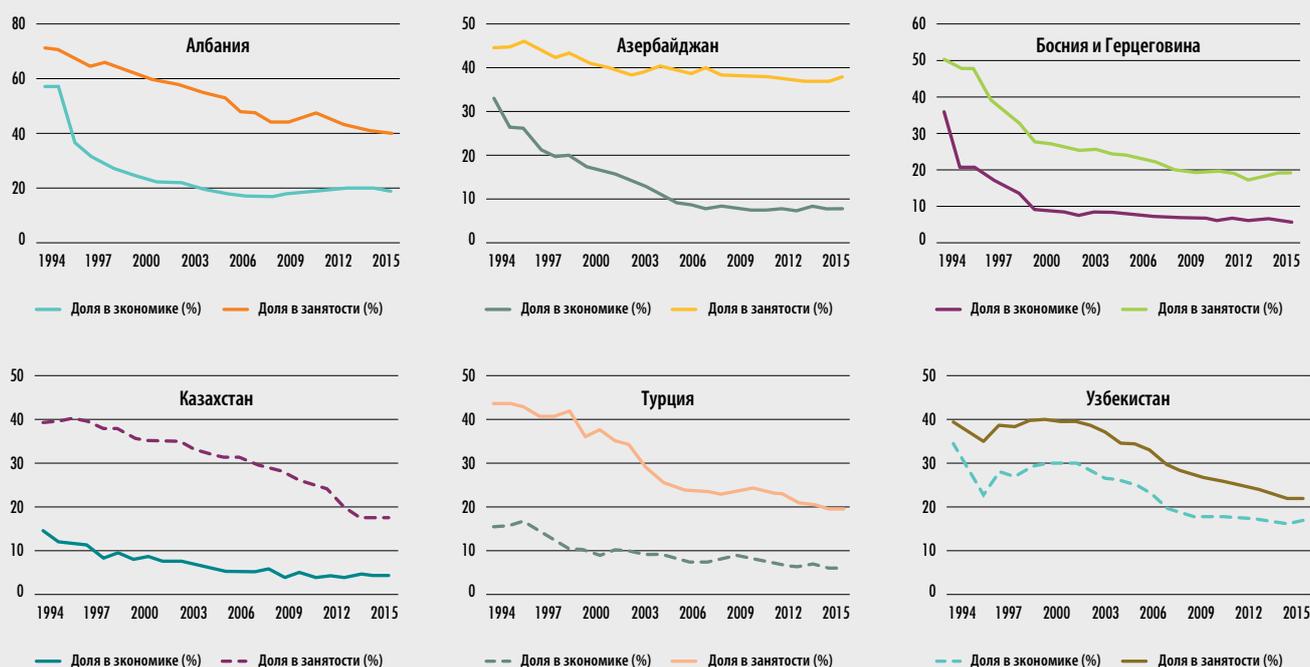
Структурные преобразования в регионе ЕЦА

На рис. 12 показаны тенденции динамики доли сельского хозяйства в ВВП и общей численности занятых по шести странам региона ЕЦА, а также несколько тенденций структурных преобразований в этом регионе в 1994–2017 годах. Они показывают, как разрыв между долей занятых в сельском хозяйстве и долей сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте (ВВП) может уменьшаться или увеличиваться в контексте сохраняющейся на протяжении многих лет тенденции к их снижению. Например, в Азербайджане эти два показателя постепенно и неуклонно расходятся с самого начала периода наблюдений. Согласно одному из исследований (Gharleghi and Popov, 2018), в

таких странах, как Азербайджан, нефтяной бум может спровоцировать резкое сокращение доли сельского хозяйства в ВВП, поскольку резко возрастают объемы несельскохозяйственного производства, однако этого не происходит с долей занятых в сельском хозяйстве, когда бум затрагивает сектора с небольшой численностью занятых. В результате этих процессов формируется значительный разрыв, который может сохраняться годами. По Турции график показывает, что доля занятых в сельском хозяйстве сокращается быстрее, чем доля сельского хозяйства в ВВП, и этот разрыв со временем сокращается. В Узбекистане также наблюдается интересная тенденция: в период 1997–2002 годов обе эти доли не снижались (что типично для них), а демонстрировали повышательную тенденцию.

В таблице 9 представлена сводная картина по 18 странам региона, не входящим в ЕС-28 или ЕАСТ, ключевых показателей структурных

РИСУНОК 12
ТЕНДЕНЦИИ ДИНАМИКИ ДОЛИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ЭКОНОМИКЕ И В ОБЩЕЙ ЧИСЛЕННОСТИ ЗАНЯТЫХ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ РЕГИОНА ЕЦА В 1994–2017 ГОДАХ (В %)

ИСТОЧНИК: на основе данных «Индикаторы мирового развития» Всемирного банка.

ТАБЛИЦА 9
 ИЗМЕНЕНИЕ ДОЛИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ЭКОНОМИКЕ И ЗАНЯТЫХ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ
 В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ РЕГИОНА ЕЦА

	Доля в добавленной стоимости (%)			Доля в занятости (%)			Разрыв: доля в занятости – доля в добавленной стоимости (% пункты)		
	1994–2000	2001–2010	2011–2017	1994–2000	2001–2010	2011–2017	1994–2000	2001–2010	2011–2017
Грузия	26	13	8	53	53	44	26	39	36
Азербайджан	22	9	5	44	39	37	22	30	32
Таджикистан	28	21	22	60	56	53	32	35	31
Албания	37	19	19	66	52	43	29	33	24
Армения	-	-	17	49	41	36	-	-	19
Республика Молдова	26	15	12	48	38	31	22	23	18
Казахстан	11	7	5	39	32	21	28	26	17
Кыргызстан	39	28	15	52	38	29	14	11	15
Турция	14	9	7	41	28	22	28	19	15
Сербия	19	11	7	30	24	20	11	13	13
Босния и Герцеговина	19	8	6	40	24	19	21	16	12
Северная Македония	11	10	9	22	20	18	11	10	8
Украина	13	9	10	21	19	17	8	10	7
Узбекистан	28	25	17	38	34	24	10	10	7
Российская Федерация	6	4	4	13	10	7	7	5	3
Беларусь	14	9	7	21	14	10	7	5	2
Туркменистан	22	17	9	23	18	10	1	2	1
Черногория	-	9	8	12	8	6	-	-0,4	-1

ПРИМЕЧАНИЯ: доля в добавленной стоимости означает долю добавленной стоимости сельского хозяйства в ВВП. Подобным же образом, доля занятых в сельском хозяйстве означает долю занятых в сельском хозяйстве в общей численности занятых. Разрыв определен как разница между этими двумя долями. Страны ранжированы по величине показателей разрыва в 2011–2017 годах. Доли указаны в процентах от общей величины. Дефис («-») означает отсутствие данных. В таблице перечислены 18 отдельных стран региона ЕЦА.

ИСТОЧНИК: на основе данных «Индикаторы мирового развития» Всемирного банка.

преобразований – средних значений двух долей и разрывов между ними за три периода. Таблица показывает, что даже в последние годы (2011–2017) разрыв во многих странах был значительным – более 30 процентных пунктов в Грузии, Азербайджане и Таджикистане и 15–30 пунктов еще в пяти странах.

Однако в семи странах разница этих показателей составила меньше 10 процентных пунктов. Как видно из графиков, форма кривых может быть самой разной. В Грузии и Азербайджане доля в добавленной стоимости быстро сокращалась, а доля в общей численности занятых оставалась на высоком уровне, в результате чего образовался значительный разрыв. В Таджикистане, напротив, разрыв был зна-

чительным в начале (в 1994–2000 годах) и оставался таким некоторое время, поскольку обе доли снижались. Согласно данным Гарлеги и Попова (Gharleghi and Popov), во многих странах медленные темпы снижения доли в общей численности занятых обусловлены коллапсом промышленного сектора после перехода к рыночной экономике в начале 1990-х годов, в то время как сектор услуг, который значительно вырос, не был достаточно трудоемким для того, чтобы поглотить излишки трудовых ресурсов, образовавшиеся в сельском хозяйстве.

В целом, разрывы между показателями долей оставались значительными несмотря на заметное снижение их доли в ВВП. В трех странах,

где разрыв был очень маленьким (Беларуси, Российской Федерации и Туркменистане), эти показатели и без того были ниже 10 процентных пунктов с самого начала, а затем между первым и третьим периодами доля занятых упала наполовину. Беларусь и Туркменистан являются наглядными примерами того, когда преобразования связаны со сходными показателями снижения обеих долей, что лет через 20 может привести к полному исчезновению такого разрыва.

Из 30 стран, входящих в ЕС-28 и ЕАСТ, по которым имеются данные, разрыв между показателями в 2015–2017 годах составлял не менее 5 процентных пунктов только в шести странах: Румынии (20 пунктов), Греции (8,9 пункта), Польше (8,4 пункта) и Хорватии, Литве и Португалии (5,1 пункта). В период между 1999–2001 и 2015–2017 годами разрывы между показателями значительно сократились в нескольких странах, главным образом в силу значительного падения доли в численности занятых, поскольку доли в ВВП и без того были низкими на протяжении многих лет. Например, в Латвии разрыв сократился с 11,6 до 4,2 пункта, в Хорватии – с 10,3 до 5,1 пункта и в Литве – с 13,3 до 5,1 пункта. В Румынии разрыв сократился с 32 до 20 пунктов, что все равно является довольно высоким показателем, поскольку доля занятых в 2015–2017 годах была довольно высокой (24%).

Исследование Тиммера и Аккуса (Timmer and Akkus) на основе данных по 86 странам показывает, что с учетом поправки на ВВП на душу населения в реальном выражении, более низкие показатели долей в численности занятых связаны с более высокими сравнительными ценами на сельскохозяйственную продукцию (измеряемыми как разница условий торговли для сельскохозяйственной и несельскохозяйственной продукции с использованием данных по дефляторам ВВП). Тиммер и Аккус считают, что во многих странах правительства намеренно сохраняют показатель условий торговли на высоком уровне, чтобы смягчить процесс корректировки рабочей силы в период преобразований. Эта практика применялась в нескольких странах Азии, а в других регионах используется редко. По результатам проведенного авторами регрессионного анализа, теоре-

тический коэффициент условий торговли в азиатской группе стран был в три раза выше, чем в неазиатской выборке стран.

Преобразование продовольственного и сельскохозяйственного производства

В этом разделе дается краткий обзор некоторых структурных изменений в сельскохозяйственном производстве. Во-первых, в нем отражены общие тенденции в сельском хозяйстве в субрегионах Европы и Центральной Азии в 1992–2016 годах. Во-вторых, проводится обзор изменений номенклатуры сельскохозяйственной продукции. В-третьих, на основе урожайности зерновых культур делается обзор эволюции продуктивности. И, в-четвертых, дан обобщенный анализ некоторых взглядов на важность поддержки мелких фермерских хозяйств в регионе. Понимание эволюции сельского хозяйства в этих областях необходимо для рассмотрения целей и задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, особенно тех, которые непосредственно связаны с механизмами продовольственных систем и агроэкологическими подходами к ведению сельского хозяйства (рассматривается ниже). Например, механизм устойчивых продовольственных систем предусматривает наличие диверсифицированного сельского хозяйства, обеспечивающего разнообразные и питательные пищевые продукты, составляющие здоровый рацион питания для всех. Повышенное внимание вопросам малых фермерских хозяйств и продуктивности связано с задачей в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года – удвоить продуктивность мелких фермерских хозяйств и задачи 2.4 Целей в области устойчивого развития (устойчивое сельское хозяйство).

Спад, восстановление, рост и замедление в переходный период

Общая картина эволюции роста сельского хозяйства в регионе (за исключением стран Западной Европы) представляет собой «спад переходного периода» в первые годы после 1990 года с последующим периодом восстановления и роста, после которого в послед-

ние годы наблюдается замедление роста в некоторых субрегионах и странах. На рис. 13 показано, что связанный с переходным периодом спад был наиболее заметным в европейских странах Содружества Независимых Государств (СНГ), а также в Центральной Азии. В 1992–1999 годах скорректированные показатели прироста были отрицательными в 11 из 16 стран, не входящих в ЕС–28. Графики свидетельствуют о довольно уверенном росте после примерно 1999 года. В 1998–2016 годах

скорректированные показатели прироста были наибольшими в Центральной Азии (3,8%), в странах Кавказа и Европейских странах СНГ они составляли 2,8%, а в странах западной части Балканского полуострова и Турции – 2%. Показатели производства в странах Европейского союза существенно отличаются – за весь рассматриваемый период они оставались примерно на одном уровне (скорректированные показатели прироста составили за 1992–2016 годы только 0,2% в год).

РИСУНОК 13

ДИНАМИКА ИНДЕКСОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В СУБРЕГИОНАХ ЕЦА

ПРИМЕЧАНИЕ: индексы рассчитаны на основе данных ФАО по стоимости сельскохозяйственной продукции в постоянных ценах 2004–2006 годов.

ИСТОЧНИК: ФАО.

Данные также свидетельствуют о замедлении темпов роста в нескольких странах в последние годы. Среднеарифметическое значение годовых процентных изменений индекса в 2014–2016 годах было ниже, чем в 2010–2013 годах во всех четырех субрегионах, особенно в странах Кавказа (4,1% в год в 2010–2013 годах против -0,9% в год в 2014–2016 годах) и в странах западной части Балканского полуострова и Турции (4,7% в 2010–2013 годах и 0,9% в 2014–2016 годах). Более того, замедление

в подотрасли животноводства было больше, чем в других подотраслях, особенно в странах СНГ Центральной Азии и Европы. В докладе «Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире» сделан вывод о том, что замедление экономики (подобно тому, которое происходило в некоторых странах региона ЕЦА), как правило, приводит к росту масштабов голода и различных форм неполноценного питания в странах со средним уровнем доходов и в странах с более высоким

уровнем неравенства доходов и богатства. Рост неравенства может быть связан, главным образом, с неполноценным питанием, в то время как более комплексные проявления неравенства могут быть причиной ожирения. Торговые конфликты и климатические потрясения в регионе ЕЦА также способны свести на нет усилия, направленные на обеспечение доступа к недорогим и здоровым пищевым продуктам для некоторых групп населения, еще более усугубляя состояние отсутствия продовольственной безопасности в регионе и во всем мире.

Индекс ФАО отражает изменения производства в стоимостном выражении исключительно на уровне фермерских хозяйств. Однако картина, в определенной степени схожая с представленной выше, прослеживается во многих странах, даже при использовании данных по сельскому хозяйству в целом, добавленной стоимости в сельском хозяйстве

и валовому внутреннему продукту сельского хозяйства (ВВПСХ). Рис. 14 иллюстрирует это на примере 16 стран региона, сравнивая скорректированные показатели прироста ВВПСХ за 2001–2011 и 2012–2017 годы. В последние годы темпы роста ВВПСХ были ниже на один и более процентных пункта в шести из 16 стран (Азербайджане, Албании, Беларуси, Северной Македонии, Таджикистане и Украине).

По субрегионам замедление было значительным в странах Кавказа (5,6% в 2001–2011 годах и 2,7% в 2012–2017 годах); исключение из этой тенденции составляли страны западной части Балканского полуострова и Турция; небольшой рост отмечен в странах Центральной Азии и значительный – в европейских странах СНГ. На Турцию и Российскую Федерацию приходится 73% совокупного ВВПСХ этих 16 стран. Заметно увеличились темпы прироста в Российской Федерации и еще несколько выше – в Турции. За исключением этих двух стран

РИСУНОК 14

СКОРРЕКТИРОВАННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПРИРОСТА ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ РЕГИОНА ЕЦА ЗА ПЕРИОДЫ 2001–2011 И 2012–2017 ГОДОВ

ПРИМЕЧАНИЯ: рассчитано на основе рядов динамики добавленной стоимости в сельском хозяйстве в миллионах долларов США в постоянных ценах 2010 года. Скорректированные показатели прироста указаны в процентах в год.

ИСТОЧНИК: рассчитано на основе данных «Индикаторы мирового развития» Всемирного банка.

темпы прироста ВВПСХ в остальных 14 странах за последние годы были на 1,4 процентных пункта ниже, чем в предыдущем десятилетии.

Возможное замедление роста сельского хозяйства вызывает серьезную озабоченность, поэтому необходимо провести дополнительный анализ для выявления возможных пострадавших подотраслей и видов продукции, факторов этого замедления и определения надлежащих мер по исправлению положения.

Помимо замедления, показанные на **рис. 13** тенденции динамики производства свидетельствуют также о росте нестабильности в последние годы, который особенно заметно проявляется в субрегионах Кавказа и европейских стран СНГ. По всему миру отмечается все больше свидетельств того, что климатические потрясения сейчас стали проявляться чаще, чем в прежние годы, что приводит к росту неустойчивости производства (ФАО, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ, 2018). Тому могут быть и другие причины, например, сбои в торговле.

Изменения в номенклатуре сельскохозяйственной продукции

Как изменяется номенклатура сельскохозяйственной продукции в регионе? Приведенная ниже информация на основе статистических данных ФАО наглядно показывает ключевые изменения производства в стоимостном выражении после 1992 года (в постоянных ценах 2004–2006 годов). В этом обзоре за основу взяты средние значения за три периода – 1992–1994, 1999–2001 и 2014–2016 годов – и темпы прироста за 1990-е годы (ниже именуемые «первый период») и за 2000-е годы (ниже именуемые «второй период»).

Зерновые: совокупный объем производства двух основных зерновых культур – пшеницы и кукурузы – в стоимостном выражении в постоянных ценах 2004–2006 годов в первый период (1990-е годы) заметно вырос после падения в его начале в связи с переходным периодом. В последние годы второго периода (2010–2016 годы) темпы роста производства были выше, чем в 2000–2009 годах в трех субрегионах: на Кавказе, ЕС–28 и (в наибольшей степени) в европейских странах СНГ, а в Центральной

Азии, западной части Балканского полуострова и Турции они оставались относительно стабильными в оба эти промежуточных периода. Несмотря на рост производства в стоимостном выражении, совокупная доля пшеницы и кукурузы в общем объеме производства сельскохозяйственной продукции в 2014–2016 годах была на 5 пунктов (13%) ниже, чем в 1999–2001 годах (18%) в Центральной Азии, на 3 пункта – на Кавказе и на 2 пункта – в западной части Балканского полуострова и Турции. В европейских странах СНГ эта доля увеличилась на 5 процентных пунктов – до 15%. В то же время, доля остальных зерновых несколько снизилась в европейских странах СНГ, но увеличилась в странах Кавказа и Центральной Азии. В целом, за исключением субрегиона европейских стран СНГ, наблюдалась тенденция к замедлению роста по двум основным видам зерновых при увеличении производства других зерновых культур, в результате чего общая доля зерновых в общем объеме производства сельскохозяйственной продукции несколько снизилась.

Плодоовощная продукция: за период с 1999–2001 по 2014–2016 годы отмечен небывалый рост производства плодовой продукции в двух субрегионах: на Кавказе он составил в годовом исчислении 4,1%, а в Центральной Азии – 8%. В остальных трех субрегионах темпы прироста также составляли 2–3%. В результате этого в обоих субрегионах (на Кавказе и в Центральной Азии) доля плодовой продукции в общем объеме сельскохозяйственной продукции выросла примерно на 5 процентных пунктов (с 22 до 27% в странах Кавказа и с 6 до 12% в странах Центральной Азии). Это явление – рост доли плодовой продукции – представляет собой положительную перемену, способствующую улучшению здоровья и качества питания населения, а также диверсификации сельского хозяйства в регионе. Данные по видимому потреблению фруктов и овощей (см. раздел «Изменение модели потребления пищевых продуктов и переход к здоровым рационам питания») свидетельствуют о заметном его росте в последние годы в большинстве стран этих субрегионов.

В странах Центральной Азии также отмечены самые высокие темпы прироста в годовом исчислении производства овощей (7,8%),

а объем производства вырос с 1,4 млрд долл. США в 1999–2001 годах до 4,4 млрд долл. США в 2014–2016 годах, в результате чего за этот период доля овощной продукции в общем объеме сельскохозяйственной продукции выросла с 8 до 14%. Производство овощей также значительно выросло и в европейских странах СНГ, на Кавказе, а также в странах западной части Балканского полуострова и в Турции. В целом, осуществляемые преобразования в производстве плодоовощной продукции направлены на формирование продовольственных систем и агроэкологических механизмов, которые рассматриваются в следующих разделах настоящего доклада.

Мясомолочная и другая продукция животноводства: в стоимостном выражении общий объем всей продукции животноводства в последние годы составлял порядка 162 млрд долл. США в Европейском союзе и 80 млрд долл. США в остальных странах региона ЕЦА (за исключением стран ЕАСТ), причем ее доля в общем объеме сельскохозяйственной продукции составляла, соответственно, 49 и 45%. За период между 1999–2001 и 2014–2016 годами стоимость продукции животноводства выросла больше всего в странах Центральной Азии – с 7 до 13 млрд долл. США (годовые темпы прироста 5,9%), темпы прироста были положительными и составили 2,1% в европейских странах СНГ, 4% в странах западной части Балканского полуострова и в Турции, и 2,8% в странах Кавказа. В странах ЕС–28 роста не отмечено. В европейских странах СНГ доля животноводства в общем объеме производства [сельскохозяйственной продукции] сократилась на 5 процентных пунктов, с 50 до 45%, а продукции других подотраслей, особенно зерновых, выросла.

В последние годы доля мяса в общем объеме продукции животноводства составляла от 40 до 60%, а молока – от 26 до 44%. В стоимостном выражении производство мясной продукции увеличилось между 1999–2001 и 2014–2016 годами во всех субрегионах, кроме ЕС–28. В странах западной части Балканского полуострова и в Турции оно увеличивалось на 4,2% в год, на 3,4% в год – в европейских странах СНГ, на 2,7% в год – в Центральной Азии и на Кавказе. В последние годы рост производства существенно замедлился по сравнению

с первым десятилетием 2000-х годов только в Центральной Азии. По молочной продукции темпы прироста между этими периодами были особенно высоки во всех субрегионах за исключением европейских стран СНГ. Как следствие этих тенденций, наиболее значимым изменением долей мясной и молочной продукции в общем объеме сельскохозяйственной продукции между этими периодами стало сокращение примерно на 10% доли молочной продукции и увеличение доли мясной продукции на сходную величину в европейских странах СНГ. В целом, доля мясной продукции увеличилась, а доля молочной продукции сократилась во всех других субрегионах за исключением Центральной Азии.

Хлопок: За последние 20 лет произошли значительные изменения посевных площадей под хлопок во всем регионе. Значительно уменьшились площади в Казахстане, Таджикистане, Турции и Узбекистане. Причем эта тенденция сохраняется. В период 2010–2017 годов скорректированные показатели прироста по хлопку были отрицательными во всех основных странах-производителях, причем относительно высокими они были в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане. Правительства некоторых стран региона также взяли курс на диверсификацию и отказ от хлопка. Представляется, что эта стратегия работает. Еще одной из причин этого сокращения может быть снижение прибыльности. Скорректированные показатели прироста урожайности в 2010–2017 годах были положительными во всех основных странах-производителях кроме Туркменистана, а в Кыргызстане произошло снижение темпов по сравнению с предыдущим десятилетием.

Производство зерновых в регионе в основном (и во все большей степени) определяется ростом урожайности, а не увеличением площадей

Определение тенденций продуктивности в отношении многих видов сельскохозяйственной деятельности, включая производство плодовой и животноводческой продукции, – задача нелегкая. По этой причине для оценки тенденций в плане продуктивности угодий часто используются показатели урожайности зерновых и других культур. В период спада 1990-х годов в связи переходом к рыночной

экономике урожайность зерновых снизилась по всему региону, главным образом, в силу повсеместного отсутствия важнейших производственных ресурсов. Понижительные тенденции отмечались в восьми из 16 стран в четырех субрегионах за исключением ЕС-28 и ЕАСТ, а в странах Европейского союза (в тот период ЕС-15) отмечался уверенный прирост производства зерновых (2,7% в год). В последующий период (2000–2010 годы), после спада в связи с переходом к рыночной экономике, урожайность стала расти по всему региону. В результате этого в целом по 16 странам в 2000–2010 годах урожайность увеличивалась примерно на 2,2% в год (таблица 10). За последние годы показатели стали еще лучше. В 2012 году отмечался определенный откат назад, когда почти в половине из этих 16 стран урожайность упала на 15–25%. Кроме того, за последние три года (2015–2017 годы) средняя урожайность была выше, чем в 2009–2011 годах в 15

из 18 стран, причем она значительно выросла в основных странах-производителях зерновых – Российской Федерации, Турции и Украине. Таким образом, регион показал хорошие результаты в деле увеличения производства за счет повышения урожайности.

Анализ факторов изменения объемов производства (площадей и урожайности) в период между 1999–2001 и 2015–2017 годами показывает, что основной прирост был обеспечен ростом урожайности. По 16 странам в целом 85% прироста обусловлено ростом урожайности. По ЕС-28 весь прирост производства обусловлен ростом урожайности, поскольку в этот период посевные площади сокращались. Ситуация была сходной в субрегионе западной части Балканского полуострова и Турции (главным образом в Турции), где посевные площади сократились, и прирост был полностью обеспечен ростом урожайности.

ТАБЛИЦА 10
СРЕДНЯЯ УРОЖАЙНОСТЬ И ТЕМПЫ ПРИРОСТА ПРОИЗВОДСТВА ЗЕРНОВЫХ В РЕГИОНЕ ЕЦА

		Средняя урожайность (мт/га)			Средние темпы прироста (% в год)			
		1992–1994	1999–2001	2015–2017	1992–1999	2000–2010	2011–2017	2011–2017 искл. 2012
1	Армения	1,7	1,7	2,8	-0,21	3,14	-2,56	0,27
2	Азербайджан	1,8	2,4	3,0	-0,09	-0,48	3,17	5,87
3	Грузия	1,9	1,9	2,2	0,34	-0,44	-0,55	5,29
4	Казахстан	1,1	1,2	1,3	-3,18	-0,32	1,14	4,31
5	Кыргызстан	2,4	2,7	3,1	0,40	-0,49	3,90	3,19
6	Таджикистан	0,9	1,3	3,4	4,87	7,47	4,56	3,26
7	Туркменистан	2,4	2,2	0,9	-3,95	-6,29	-6,35	-9,20
8	Узбекистан	1,8	2,8	4,6	5,34	4,52	-0,20	0,02
9	Албания	2,5	3,0	4,8	2,89	4,03	-0,16	0,01
10	Босния и Герцеговина	3,6	3,2	4,3	0,33	3,93	3,74	1,83
11	Черногория	-	-	3,2	-	-	0,92	-0,74
12	Северная Македония	2,5	2,6	3,2	3,22	3,20	-0,54	-1,50
13	Сербия	-	-	5,0	-	-	0,92	-0,79
14	Турция	2,1	2,2	3,2	0,67	2,11	1,39	2,28
15	Беларусь	2,6	1,8	3,4	-7,06	4,70	0,53	2,57
16	Республика Молдова	3,0	2,3	3,1	-2,18	1,57	4,11	3,18
17	Российская Федерация	1,6	1,7	2,7	-2,02	2,09	5,67	6,46
18	Украина	3,0	2,3	4,4	-6,12	2,31	4,36	6,55

ТАБЛИЦА 10
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

	Средняя урожайность (мт/га)			Средние темпы прироста (% в год)			
	1992–1994	1999–2001	2015–2017	1992–1999	2000–2010	2011–2017	2011–2017 искл. 2012
Кавказ	1,8	2,1	2,9	0,17	0,54	2,21	5,26
Центральная Азия (ЦА)	1,2	1,4	1,7	0,69	0,42	0,47	2,06
ЦА без Казахстана	1,9	2,5	2,8	2,25	2,13	-1,38	-2,09
Западные Балканы и Турция	2,1	2,3	3,5	0,80	3,34	1,46	1,68
Западные Балканы без Турции	2,9	3,0	4,8	2,14	5,24	1,47	-0,53
Европейские страны СНГ	1,9	1,8	3,1	-2,72	2,43	4,58	5,78
Европейские страны СНГ без Российской Федерации	2,9	2,2	4,2	-5,95	2,60	3,88	5,93
Все 18 стран	1,8	1,8	2,9	-1,07	2,21	3,47	4,53
Европейский союз (28 стран)	4,1	4,6	5,4	2,68	1,06	1,37	1,29

ИСТОЧНИК: по данным ФАОСТАТ.

Поддержка мелких собственников и семейных фермерских хозяйств в реализации ими множественных благ

Нищета, социальная уязвимость и прочие трудности лишают сельские общины возможности реализовать свои функции в качестве важных составляющих продовольственной безопасности (FAO, 2016a). Общество в целом, как правило, недооценивает возможности семейных фермерских хозяйств¹³ по производству качественных товаров и услуг и их вклад в экономическую, экологическую и социальную устойчивость.

После распада Советского Союза в начале 1990-х годов новые независимые государства претерпели период перехода от планового хозяйства к рыночной экономике. В большинстве этих стран одной из ключевых проведенных реформ стала земельная реформа, в ходе которых были ликвидированы и приватизированы коллективные хозяйства и сформировались многочисленные сельскохозяйственные предприятия и землевладельцы.

В настоящее время в большинстве из 17 стран региона, в которых реализуется программа ФАО¹⁴, преобладают мелкие собственники и семейные фермерские хозяйства. В сельском хозяйстве этих стран либо полностью доминируют

мелкие собственники, либо существует двойная система с большим количеством малых фермерских хозяйств и небольшим числом крупных сельскохозяйственных предприятий (FAO, готовится к публикации).

Почти во всех охваченных этой программой странах главными отрицательными результатами земельной реформы стало появление большого числа мелких фермерских хозяйств и чрезмерное дробление земельных участков. Средний размер новых землевладений, составляющий порядка 1,5 га, с их дальнейшим дроблением на три-пять земельных участков, по очевидным причинам, не способствует коммерческому сельскому хозяйству и представляется одним из серьезных ограничивающих факторов развития сельского хозяйства. Поэтому главная проблема заключается в том, что структура таких фермерских хозяйств недостаточно развита, о чем свидетельствует опыт многих стран, где фермы постепенно укрупняются и где динамика земельного рынка определяет изменение их структуры.

В исследовании Лермана и Седика (Lerman and Sedik (2009) рассмотрены тенденции производства и продуктивности в таких фермерских хозяйствах Таджикистана и Узбекистана и сформулировано два вывода:

- восстановление сельскохозяйственного производства в значительной степени было обеспечено ростом продуктивности (интенсивным ростом) и, в меньшей степени, изменениями в использовании производственных ресурсов (экстенсивным ростом);
- изменение продуктивности, которое обеспечило общий рост, происходило, в основном, в индивидуальных фермерских хозяйствах, а не в крупных сельскохозяйственных предприятиях. Авторы также утверждают, что эти выводы справедливы и в отношении остальных стран бывшего Советского Союза.

В 2017–2018 годах ФАО провела страновые исследования потребностей и ограничивающих факторов мелких собственников и семейных фермерских хозяйств в семи странах ЕЦА (Албании, Армении, Грузии, Кыргызстане, Республике Молдова, Северной Македонии и Таджикистане) в рамках одного из региональных проектов (TCP/RER/3601).

В этих семи странах, по которым проводились исследования, определения понятий «фермерское хозяйство», «землевладение» и «фермер» недостаточно проработаны. В большинстве стран имеется только их формальное статистическое определение. Однако, для целей реализации мер политики некоторые страны разработали собственные определения понятий «семейное фермерское хозяйство» и/или «мелкий собственник». В каждой стране эти определения отличаются, поэтому трудно проводить сравнительный анализ.

Тем не менее, в кругу политиков идут споры между сторонниками крупных сельскохозяйственных предприятий и мелких собственников¹⁵. Одна группа поддерживает крупные фермерские хозяйства, поскольку они обеспечивают экономию за счет масштабов производства, а другая поддерживает более мелкие и семейные фермерские хозяйства, утверждая, что они имеют много положительных моментов, включая более высокую продуктивность. Например, в исследовании Лермана и Седика имеются ссылки на целый ряд тематических страновых исследований по Украине, Республике Молдова и Российской Федерации, а также Соединенным Штатам Америки, где показано, что ни в одной из этих стран круп-

ные (корпоративные) хозяйства не имеют лучших показателей, чем малые (семейные) фермерские хозяйства.

В этом докладе не ставится цель провести обзор глубоких сравнительных исследований мелких и крупных фермерских хозяйств, однако истина обычно находится где-то посередине, и рассмотрение сельского хозяйства только с точки зрения продуктивности или общих экономических соображений было бы неоправданным сужением вопроса. Сельское хозяйство не только производит товары, но и является источником средств к существованию, элементом культуры, источником экологических услуг и т.д. и, как таковую, продукцию фермерских хозяйств нельзя рассматривать наравне с другими товарами (Rosset, 1999).

Малые и семейные фермерские хозяйства, как известно, имеют ряд преимуществ над крупными хозяйствами, когда речь идет о ключевых вопросах, рассматриваемых в настоящем докладе, например, сокращении масштабов нищеты, голода и неполноценного питания; содействии формированию здоровых рационов питания; и повышении экологичности сельского хозяйства и его устойчивости к воздействию внешних факторов (ГЭВУ, 2013)¹⁶. Малые и крупные фермерские хозяйства по-прежнему будут сосуществовать, выполняя свои соответствующие функции, однако необходимо задаться вопросом – обеспечивает ли существующий комплекс мер политики поддержку малых фермерских хозяйств или создает им препятствия? Это вопрос практического плана, заслуживающий анализа, поскольку ответ на него может иметь решающее значение для многочисленных задач и целей Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. В этом отношении главный посыл заключается в том, что, учитывая множественность создаваемых ими благ, желательно не затруднять деятельность малых фермерских хозяйств целевыми или общеэкономическими мерами политики, а вместо этого предлагать дополнительные стимулы в качестве награды за эти создаваемые ими множественные блага. Это соответствовало бы изменению направленности сельскохозяйственной политики на решение вопросов продовольственной безопасности и питания.

Многие из этих вопросов углубленно рассматриваются в рамках общей программы ФАО для региона ЕЦА по расширению прав и возможностей мелких собственников и семейных фермерских хозяйств в целях совершенствования источников средств к существованию жителей сельских районов и сокращения масштабов нищеты (Региональная инициатива 1). Эта региональная инициатива направлена прежде всего на ликвидацию нищеты в сельских районах, повышение устойчивости населения сельских районов к воздействию внешних факторов – особенно мелких собственников и работников из числа их семей – и содействие инклюзивному росту экономики сельских районов на основе устойчивого использования природных ресурсов и развития коммерческих семейных фермерских хозяйств. Эта работа в равной степени нацелена как на решение вопросов устойчивого производства, так и социальных, экономических и экологических проблем.

Проведенные в последнее время ФАО обследования и исследования (ФАО, готовится к публикации) по вопросам потребностей и ограничивающих факторов мелких собственников и семейных фермерских хозяйств в упомянутых семи странах (Албании, Армении, Грузии, Кыргызстане, Республике Молдова, Северной Македонии и Таджикистане) в рамках Региональной инициативы 1 показывают, что на долю семейных фермерских хозяйств приходится значительная доля производства большинства видов сельскохозяйственной продукции (таблица 11). Например, в Армении, Грузии, Кыргызстане и Северной Македонии более 90% продукции подотраслей растениеводства и животноводства приходится на мелких собственников. В Армении почти 100% продукции растениеводства и 92% продукции животноводства производится семейными фермерскими хозяйствами.

Исследования ФАО также показали, что за последние два десятилетия после спада переходного периода структура сельскохозяйственного производства в большинстве стран претерпела широкомасштабные изменения. Такие изменения были в наибольшей мере обусловлены необходимостью расширения внутреннего производства для укрепления продо-

вольственной безопасности, а также введением новых режимов торговли, в том числе, в рамках таможенных союзов. Однако несмотря на отмеченный рост, решению общей задачи устойчивого производства и повышения продуктивности мешают такие факторы, ставящие в невыгодное положение мелких собственников, как доступ к земле и другим ресурсам, производственным ресурсам и услугам, поддержка со стороны науки и служб распространения опыта и знаний, а также финансы.

Изменение модели потребления пищевых продуктов и переход к здоровым рационам питания

Изменение модели потребления в регионе, которое рассматривается в настоящем разделе, соответствует тому, что имеет место во многих других странах и субрегионах по всему миру, и происходит под влиянием таких общих для всех факторов, как значительное увеличение производства продовольствия, либерализация торговли и инвестиций, урбанизация, изменение образа жизни и рост доходов. Тем не менее, высказываются озабоченности относительно современных тенденций в области качества рационов питания. Например, в исследовании «Глобальное бремя болезней» 2017 года (Global Burden of Disease Study 2017) (GBD 2017 Diet Collaborators, 2019), опубликованном в начале 2019 года, сделан вывод о том, что неполноценные рационы питания являются причиной большего количества смертей в мире, нежели любой другой фактор риска. Согласно этому исследованию, примерно каждая пятая смерть в мире (или порядка 11 млн смертей) может быть спровоцирована неполноценными рационами питания. Кроме того, в опубликованном в начале 2019 года докладе Комиссии «EAT-Lancet» по вопросам продовольствия, планеты и здоровья (EAT-Lancet Commission on Food, Planet, Health) сформулирован вывод о том, что неполноценное питание во всех его формах – включая ожирение, недоедание и прочие связанные с рационами питания риски – является главной причиной плохого состояния здоровья в мире (EAT-Lancet Commission, 2019). В этих и многих других подобных докладах нездоровые »

ТАБЛИЦА 11

ДОЛЯ СЕМЕЙНЫХ ФЕРМЕРСКИХ ХОЗЯЙСТВ В ОБЩЕМ ПРОИЗВОДСТВЕ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ РЕГИОНА ЕЦА¹

	Армения	Северная Македония	Грузия	Кыргызстан	Республика Молдова	Таджикистан
Растениеводство						
Всего зерновых, из которых:	99,1	84,6	91,9	100,0		60,3
пшеница			84,7	94,0	15,7	63,1
ячмень		93,8	97,3	95,0		
кукуруза		78,0	94,6	98,0	67,2	46,1
рис		89,1		97,0		64,4
Масличные		59,5		92,0	15,0	
Сахарная свекла				92,0		
Картофель	99,6		99,0	99,0	85,7	49,7
Виноград	97,7	68,8	85,8	97,0	73,6	41,1
Фрукты	99,8	87,4	98,2	94,0	55,6	41,9
Хлопок				94,0		82,0
Табак		99,8		100,0		
Овощи	99,3	97,1	94,4	99,0	81,6	47,3
Фасоль обыкновенная			99,8			
Дыня			100,0			73,1
Цитрусовые			99,0			
Лист чайный			80,0			
Скот – поголовье						
Крупный рогатый скот	99,2	98,0	99,2	99,0	95,0	6,0
Свиньи	93,0	81,0	91,0		56,0	
Овцы/бараны	98,9	96,0	96,3	100,0	97,0	13,1
Козы		98,1			99,0	
Лошади	100,0	99,8	50,8	99,0	99,0	20,5
Птица	54,8	76,9	98,4	86,0		6,8
Ульи		99,6			98,0	5,9
Животноводство – продукция						
Всего мясо						3,5
Говядина и телятина	99,7		96,2	99,0	60,6	
Свинина	98,3		61,6	100,0	0,0	
Баранина	100,0		99,9	100,0	0,0	
Мясо птицы	33,0		33,8	82,0	0,0	
Яйца	69,2	40,3	29,5	72,0	57,0	2,3
Мед			93,5	74,0	0,0	6,2
Молоко коровье	99,2	95,0	98,8	99,0	95,0	3,7
Молоко овечье и козье		97,3		99,0	0,0	
Шерсть овечья	99,4	95,4	98,1	100,0	97,6	13,2

ПРИМЕЧАНИЯ: пустые ячейки могут означать отсутствие данных или отсутствие производства того или иного конкретного продукта. Доли указаны в процентах от общего показателя по стране.

ИСТОЧНИК: на основе страновых исследований в рамках текущего проекта ФАО в регионе ЕЦА в контексте Региональной инициативы 1 «Поддержка мелких землевладельцев и семейных фермерских хозяйств для улучшения экономического положения населения сельских районов».

¹ ФАО предлагает определять мелких производителей продовольствия на основе сочетания двух критериев: физического масштаба производителя продовольствия, определяемого по площади используемых угодий и рабочему поголовью, а также экономического масштаба производителя продовольствия, определяемого по его доходам. Эти критерии применяются следующим образом:

1. *физический масштаб* – использование земельных угодий, площадь которых входит в первые два квинтиля (нижние 40%) кривой общего распределения площади земель в целом по стране (в гектарах), и разведение скота, численность поголовья которого входит в первые два квинтиля (нижние 40%) кривой общего распределения численности поголовья скота в одном хозяйстве в целом по стране (в тропических условных единицах поголовья скота);

2. *экономический масштаб* – получение годового экономического дохода от сельскохозяйственной деятельности, величина которого входит в первые два квинтиля (нижние 40%) кривой общего распределения экономических доходов от сельскохозяйственной деятельности в целом по стране (по паритету покупательной способности в долларах США).

- » рационы питания называются главным вызовом в области отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания.

Основная часть изложенного в настоящем разделе посвящена рассмотрению эволюции в регионе Европы и Центральной Азии показателей наличия для потребления¹⁷ ряда продовольственных товаров, причем четыре из них имеют растительное происхождение (фрукты, овощи, растительные масла и бобы), а четыре – животное происхождение (красное мясо, мясо птицы, рыба и молоко). Эти виды пищевых продуктов занимают самое заметное место в литературе по вопросам здорового питания. Поскольку главной целью преобразования продовольственных систем и моделей потребления является обеспечение здорового питания, далее в докладе сначала обобщается современное состояние знаний о том, что представляет собой здоровый рацион питания.

Что из себя представляет здоровый рацион питания?

Рацион питания – это набор нескольких отдельных продовольственных товаров, принадлежащих к различным группам пищевых продуктов, например, зерновых, бобовых, пищевых продуктов животного происхождения, овощей и фруктов. Конкретный состав разнообразного, сбалансированного и здорового рациона питания отличается для разных субрегионов, стран и сообществ исходя из таких факторов, как наличие, традиционные пищевые привычки и предпочтения. В информационном бюллетене ВОЗ «Здоровое питание»¹⁸ указывается, что здоровый рацион питания включает фрукты, овощи, бобовые (например, чечевицу и фасоль), орехи и цельные злаки (например, непереработанная кукуруза, просо, овес, пшеница и неочищенный рис) (WHO, 2015). В рекомендациях ВОЗ также указываются конкретные объемы, например, не менее 400 г фруктов и овощей в день, доля свободных сахаров в пересчете на калории не должна превышать 10%, а доля жиров в пересчете на калории не должна превышать 30% (ненасыщенные жиры предпочтительнее насыщенных жиров). В этих рекомендациях также конкретно рекомендуется избегать потребления трансжиров промышленного производства (содержащихся в подвергшихся технологической переработке

пищевых продуктах, пищевых продуктах быстрого приготовления, продуктах для перекуса, жареных продуктах, замороженных пиццах, пирогах, печенье, маргарине и бутербродных спредах), которые не входят в состав здорового рациона питания.

Более конкретно о составе здоровых рационов питания говорится в двух недавних докладах, опубликованных в начале 2019 года. В исследовании «Глобальное бремя болезней» 2017 года (GBD 2017 Diet Collaborators, 2019) количественно определены оптимальные объемы потребления ряда ключевых подгрупп пищевых продуктов и питательных веществ. Оптимальные объемы (и их диапазон) конкретно указаны в отношении 15 связанных с рационом питания факторов риска – недостаток в рационах питания фруктов, овощей, бобовых, цельного зерна, орехов и семян, молока, волокна, кальция, морепродуктов, содержащих жирные кислоты «омега-3», и полиненасыщенных жиров; а также избыток в рационах питания красного мяса, мясных полуфабрикатов, подслащенных сахаром напитков, трансжирных кислот и натрия. Следует отметить, что эти обозначенные оптимальные значения зависят от связанных с рационом питания факторов риска и не обязательно применимы во всех случаях. Связанные с рационом питания факторы риска были определены на основе опубликованных научных исследований по вопросам связи между потреблением пищевых продуктов и рисками для здоровья, которые проводились, главным образом, в странах с высоким уровнем доходов.

По каждому из 15 связанных с рационом питания факторов риска в настоящем исследовании также оценивается разница между оптимальным и фактическим потреблением в 21 субрегионе мира, в том числе в регионе ЕЦА: Западной Европе, Центральной и Восточной Европе и Центральной Азии. В нем установлено, что потребление всех 15 составляющих рациона питания было ниже оптимального почти в каждом субрегионе; ни в одном субрегионе не отмечено оптимальное потребление всех 15 составляющих, и не одна из составляющих рациона питания не потреблялась/не приобреталась в необходимых количествах во всех 21 субрегионах мира. Самое большое отклонение от оптимальных объемов потре-

бления было выявлено в отношении орехов и семян, молока и цельнозерновых продуктов. Наряду с потреблением пищевых продуктов ниже оптимального, дневное потребление всех видов пищевых продуктов и питательных веществ, классифицированных в исследовании коллаборации ГБД, как «вредные», превышает оптимальные объемы по всему миру, причем больше всего распространено избыточное потребление подслащенных сахаром напитков, мясных полуфабрикатов, натрия и красного мяса. Все эти выводы – относительно как недостаточного, так и избыточного потребления – справедливы в отношении четырех субрегионов ЕЦА за исключением Центральной Азии, где потребление овощей было признано оптимальным. Подобным же образом, в докладе Комиссии «EAT-Lancet» по вопросам продовольствия, планеты и здоровья выработаны научно обоснованные глобальные целевые показатели потребления конкретных подгрупп пищевых продуктов в виде «пределов безопасного потребления», учитывающих аспекты здоровья как людей, так и всей планеты в целом (например, вопросы экологии и изменения климата).

Установление конкретных уровней потребления для отдельных продуктов питания чревато большой степенью неопределенности, поскольку зависит от того, насколько строгой является взаимосвязь между уровнем потребления и результатами в плане здоровья, определить которую нелегко. Упомянутые выше два исследования были опубликованы лишь недавно, и на момент написания настоящего доклада по ним еще не было представлено замечаний или оценок со стороны широкой аудитории исследователей. Такие исследования являются полезными пособиями для дальнейшего анализа вопросов здоровых рационов питания на субрегиональном, страновом и местном уровне, в том числе для выработки национальных рекомендаций по рационам питания.

Эволюция показателей наличия для потребления основных продуктов питания растительного и животного происхождения и подгрупп пищевых продуктов

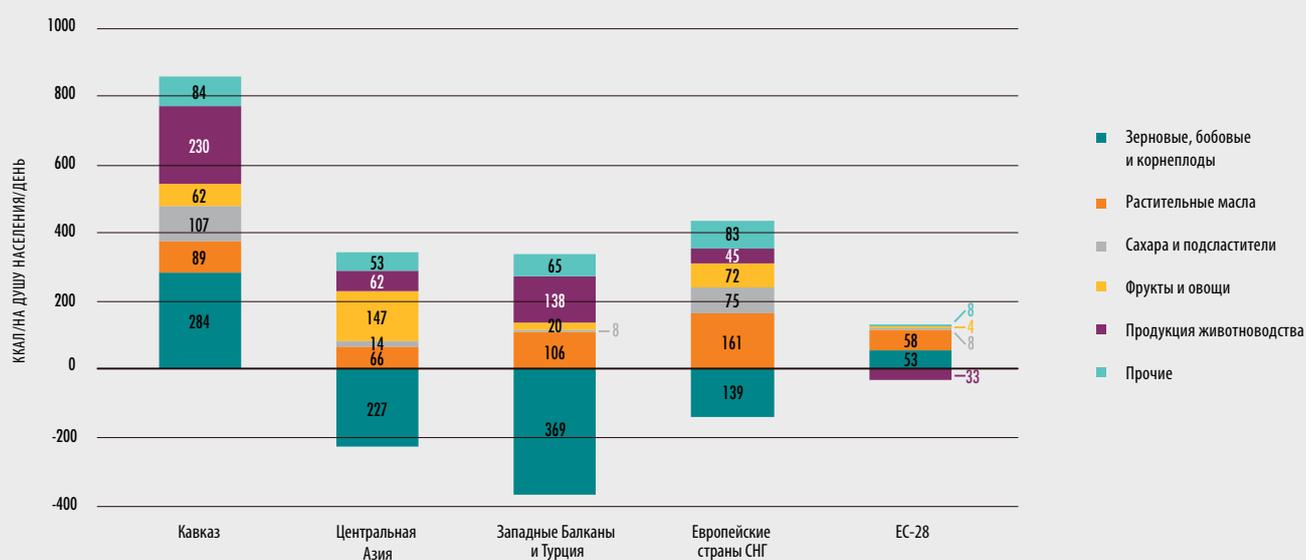
В отличие от многих других субрегионов мира, в регионе Европы и Центральной Азии (за исключением шести-семи стран, глав-

ным образом на Кавказе и в западной части Балканского полуострова) не было нехватки продовольствия даже в начале 1990-х годов. Из 18 стран субрегионов ЕЦА, помимо ЕС-28 и ЕАСТ, средний национальный показатель энергетической ценности рациона питания (ЭЦРП) были ниже 2500 ккал в 1992–1994 годах в семи странах, в 1999–2001 годах – в пяти, а в 2011–2013 годах – только в одной стране (и даже это может быть каким-либо сбоем в данных). С другой стороны, в 2011–2013 годах совокупный показатель ЭЦРП превышал 3000 ккал в девяти странах из 18. Эти высокие показатели ЭЦРП нашли свое отражение в очень низких показателях масштабов неполноценного питания. Средний совокупный показатель ЭЦРП по ЕС-28 составлял 3310 ккал в 1992–1994 годах и 3407 ккал в 2011–2013 годах.

Что изменилось, так это состав рационов питания. На **рис. 15** показаны изменения долей в ЭЦРП различных групп пищевых продуктов за период между 1992–1994 и 2011–2013 годами. В Европейском союзе изменения были минимальными, поскольку переход к новым рационам питания был окончательно завершён к началу 1990-х годов. Данные по трем другим субрегионам показывают, что в большинстве стран доля пищевых продуктов животного происхождения в ЭЦРП увеличивалась гораздо быстрее, чем доля продуктов растительного происхождения. В результате этого доля пищевых продуктов животного происхождения в ЭЦРП увеличилась в большинстве стран региона. Сократилась доля зерновых и крахмалосодержащих пищевых продуктов, что с избытком компенсируется увеличением доли других видов пищевых продуктов. Во всех субрегионах заметно увеличилась доля растительных масел (на 60–160 ккал в день). Также выросли доли фруктов и овощей, а также сахара и подсластителей, но во всех субрегионах эти показатели разные. Значительное увеличение доли фруктов и овощей в Центральной Азии является положительным моментом в эволюции здоровых рационов питания.

Следующий раздел посвящен подведению итогов изменений за последние три десятилетия в плане наличия для потребления восьми продуктов питания или их подгрупп: фруктов, овощей, растительных масел, бобов, молока, красного мяса, мяса птицы и рыбы. Этим видам

РИСУНОК 15
ИЗМЕНЕНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ ПИТАНИЯ ПО ГРУППАМ ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ
В РЕГИОНЕ ЕЦА ЗА ПЕРИОД МЕЖДУ 1992–1994 И 2011–2013 ГОДАМИ

ИСТОЧНИК: на основе данных ФАО по продовольственному балансу.

пищевых продуктов отводится заметное место при обсуждении вопросов здорового питания. В таблице 12 представлены показатели наличия, выраженные в среднем дневном предложении в граммах на душу населения (или г/день) за периоды 1992–1994, 1999–2001 и 2011–2013 годов. По большинству стран данные по продовольственному балансу имеются только до 2013 года. В ней также показаны две строки средних показателей, взвешенных по численности населения. Первая – по всем 18 странам (ЕЦА-18). Поскольку на три страны – Российскую Федерацию, Турцию и Украину – приходится более 70% населения этой группы стран (ЕЦА-18), средневзвешенные показатели также даны по остальным 15 странам (ЕЦА-15) за вычетом данных по этим трем странам. Цифры в последней строке отражают средние показатели по 28 государствам-членам Европейского союза (ЕС–28).

В целом в большинстве стран, представленных в таблице 12, отмечается значительное увеличение показателей по всем подгруппам. В результате этого увеличилось разнообразие имеющегося продовольствия, что представляется особо заметно выраженным в странах западной части Балканского полуострова и Турции. С другой стороны, в странах Центральной Азии показатели наличия были в целом ниже по фруктам, овощам и рыбе, а в странах субрегиона Кавказа низки показатели наличия мяса, рыбы и бобов. Эти тенденции указывают на необходимость прилагать больше усилий для улучшения положения с наличием ряда продовольственных товаров в рамках учитывающих соображения качества питания мер политики как в области производства, так и торговли.

ТАБЛИЦА 12
ЭВОЛЮЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ НАЛИЧИЯ ОСНОВНЫХ ПОДГРУПП ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ ДЛЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ
В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ ЕЦА

	Фрукты			Овощи			Растительные масла			Зернобобовые		
	1992–1994	1999–2001	2011–2013	1992–1994	1999–2001	2011–2013	1992–1994	1999–2001	2011–2013	1992–1994	1999–2001	2011–2013
Албания	85	193	379	396	433	683	22	19	19	11	13	14
Армения	139	126	284	332	349	912	3	10	24	-	-	-
Азербайджан	221	164	203	157	284	468	4	6	8	-	0,0	3
Беларусь	113	78	188	217	261	407	13	26	51	-	-	0,1
Босния и Герцеговина	66	78	252	369	402	528	5	19	20	20	12	18
Грузия	181	126	122	192	215	155	4	11	19	1	0,2	0,1
Казахстан	33	36	224	155	256	544	18	24	57	1	0,3	2
Кыргызстан	45	61	80	163	357	411	16	7	17	1	8	10
Черногория	-	-	391	-	-	653	-	-	24	-	-	18
Северная Македония	201	270	272	441	511	543	14	33	45	13	17	14
Республика Молдова	188	151	147	280	262	248	12	10	35	2	1	2
Российская Федерация	101	95	191	202	241	306	18	26	37	7	3	5
Сербия	-	-	236	-	-	288	-	-	18	-	-	19
Таджикистан	74	46	85	285	190	449	28	21	28	0,5	1	7
Турция	334	308	344	584	684	659	48	52	64	37	35	36
Туркменистан	81	106	153	257	254	416	29	23	22	-	-	-
Украина	96	75	162	241	279	449	25	25	35	12	8	4
Узбекистан	77	95	231	381	312	712	35	33	29	-	0,1	0,1
Средневзвешенный (все 18 стран)	138	131	221	287	339	456	24	30	40	11	9	11
Средневзвешенный (искл. 3)	99	97	204	267	293	517	19	22	31	2	2	5
ЕС-28	260	262	277	313	336	307	47	50	54	9	9	7

	Молоко			Мясо красное			Птица			Рыба		
	1992–1994	1999–2001	2011–2013	1992–1994	1999–2001	2011–2013	1992–1994	1999–2001	2011–2013	1992–1994	1999–2001	2011–2013
Албания	555	676	826	53	62	130	8	20	36	2	8	14
Армения	233	259	553	45	41	83	6	17	38	3	3	10
Азербайджан	270	240	405	31	33	57	10	12	28	9	6	6
Беларусь	616	547	441	168	143	164	31	24	78	3	27	42
Босния и Герцеговина	297	426	478	32	38	52	11	12	40	1	6	12
Грузия	198	383	396	51	56	41	6	17	35	12	3	29
Казахстан	406	563	779	157	104	140	13	10	49	10	9	15
Кыргызстан	453	543	573	116	103	82	8	3	13	0	2	6

ТАБЛИЦА 12
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

	Молоко			Мясо красное			Птица			Рыба		
	1992–1994	1999–2001	2011–2013	1992–1994	1999–2001	2011–2013	1992–1994	1999–2001	2011–2013	1992–1994	1999–2001	2011–2013
Черногория	-	-	923	-	-	184	-	-	41	-	-	32
Северная Македония	282	306	427	63	53	52	24	34	50	8	11	15
Республика Молдова	385	373	418	80	39	61	19	17	45	3	13	35
Российская Федерация	332	397	461	132	87	125	28	28	71	41	50	63
Сербия	-	-	407	-	-	112	-	-	29	-	-	19
Таджикистан	229	141	147	30	23	67	1	0,2	8	1	0,2	1
Турция	409	347	501	34	31	42	22	27	52	22	22	17
Туркменистан	337	370	380	81	86	147	7	5	11	16	6	10
Украина	401	424	418	122	68	80	20	15	64	21	35	41
Узбекистан	415	376	363	65	54	90	6	3	5	3	1	2
Средневзвешенный (все 18 стран)	369	396	464	103	70	95	21	22	54	26	31	36
Средневзвешенный (искл. 3)	388	412	462	88	70	100	12	10	29	5	7	13
ЕС-28	618	640	648	179	175	164	47	54	61	54	58	62

ПРИМЕЧАНИЯ: выражение «Средневзвешенный (искл. 3)» означает средние значения, взвешенные по численности населения, по 15 странам после исключения данных по трем странам: Российской Федерации, Турции и Украине, на которые вместе приходится 70% населения (ЕЦА-18). Поэтому эти две строки лучше отражают совокупные изменения в ЕЦА-15. Выражение «Средневзвешенный (все 18 стран)» означает совокупные средневзвешенные показатели по всем 18 странам. Средние значения за каждый трехгодичный период – 1992–1994, 1999–2001 и 2011–2013 годов – приведены в граммах на одного человека в день.

ИСТОЧНИК: данные ФАОСТАТ по продовольственному балансу (наличие продовольствия для потребления в пищу).

Очень важными составляющими здорового рациона питания являются **фрукты и овощи**. Рекомендуемое ВОЗ ежедневное совокупное потребление фруктов и овощей составляет не менее 400 г. В исследовании «Глобальное бремя болезней» 2017 года и в докладе Комиссии «ЕАТ-Lancet» рекомендации по потреблению даются отдельно по фруктам и овощам. По фруктам, целевым показателем для эталонного здорового рациона питания является 200 г (диапазон 100–300 г) (согласно докладу Комиссии «ЕАТ-Lancet»), а в исследовании GBD – 250 г (оптимальный диапазон 200–300 г). По овощам, рекомендуемые нормы потребления составляют, соответственно 300 г (диапазон 200–600 г) и 360 г (оптимальный диапазон 290–430 г).

Данные в **таблице 12** показывают, что в большинстве стран показатели наличия значительно улучшились. Если взять пороговое значение

для фруктов на уровне 200 г, то в 1999–2001 годы показатели наличия превышали этот уровень лишь в двух (Северной Македонии и Турции) из 16 существовавших в тот период стран, но в 2011–2013 годах этот показатель превышал пороговый уже в десяти из 18 стран. Подобным же образом, по овощам, если взять пороговое значение на уровне 300 г, то в 1999–2001 годах показатели наличия превышали этот уровень в семи из 16 существовавших в тот период странах, а в 2011–2013 годах – в 15 из 18 стран. Представляется, что показатели наличия значительно улучшились в последние годы, однако в исследовании GBD 2017 года сделан вывод о том, что потребление (на основе обследований потребления) как фруктов, так и овощей было значительно ниже оптимального уровня во всех четырех субрегионах ЕЦА, где GBD проводило обследование, за исключением Центральной Азии (по овощам).

В ходе более глубокого анализа в будущем на уровне стран следует выяснить, в какой степени средние по стране показатели наличия отражают реальное потребление.

По **рыбе**, в 12 из 18 стран, в которых проводилось обследование, средние по стране показатели ежедневной доступности в 2011–2013 годах были ниже 20 г. С 1999–2001 годов показатели доступности увеличились в 14 из 16 стран, по которым имеются данные за оба периода, причем отмечен значительный их рост в Армении (относительно очень низкого начального уровня), Беларуси, Грузии и Республике Молдова. В целом по региону ЕЦА показатель наличия довольно низок по сравнению с показателями в ряде других регионов мира. В Азиатско-Тихоокеанском регионе, например, средний показатель наличия составлял 104 г в странах Океании, 95 г в Восточной Азии и 91 г в Юго-Восточной Азии, но лишь 18 г в Южной Азии. В период между 1999–2001 и 2011–2013 годами показатели наличия рыбы увеличивались в девяти из 16 стран ЕЦА, упомянутых в [таблице 12](#). Более того, в этом регионе также относительно низка доля рыбы в совокупном потреблении рыбы и мяса (10–25% по сравнению с почти 50% в Азиатско-Тихоокеанском регионе).

В докладе Комиссии «EAT-Lancet» 2019 года¹⁹ в качестве целевого показателя для эталонного здорового рациона питания предлагается обеспечить ежедневное наличие 28 г рыбы (при общем диапазоне 0–100 г). Верхний предел диапазона установлен на высоком уровне 100 г, поскольку научные исследования показывают, что высокое потребление рыбы неразрывно связано с улучшением состояния здоровья. Данные в [таблице 12](#) показывают, что лишь в шести из 18 стран показатели наличия в 2011–2013 годах превышали 28 г. Рекомендация исследования GBD 2017 года ограничена потреблением жирных кислот «омега-3» в морепродуктах, не затрагивая потребления рыбы в целом. Рыба занимает важное место в решении вопросов продовольственной безопасности и питания на основе сельского хозяйства и диетологических подходов.

В большинстве стран этого региона отмечаются относительно высокие показатели наличия **молока** для употребления в пищу.

В 2011–2013 годах, за исключением одной страны с очень низким показателем, показатель ежедневной доступности составлял от 363 г в Узбекистане до 923 г в Черногории, а средневзвешенный показатель составлял 464 г. В большинстве стран этот показатель был и без того высоким в период 1999–2001 годов, а в 2011–2013 годах он еще больше увеличился – особенно в Азербайджане, Албании, Армении, Казахстане, Северной Македонии и Турции. Отсутствуют какие бы то ни было рекомендации ВОЗ относительно желательных объемов употребления молока. В исследовании GBD 2017 года в качестве оптимального объема потребления приводится показатель в 435 г в день (оптимальный диапазон 350–520 г), включая обезжиренное, частично обезжиренное и цельное молоко, но исключая соевое молоко и другие продукты, получаемые на растительной основе. В исследовании Комиссии «EAT-Lancet» указывается диапазон потребления молочной продукции (в пересчете на цельное молоко или его эквивалент) на уровне 0–500 г в день, а в качестве целевого справочного – средний показатель в 250 г (примерно один стакан молока в день). Таким образом, в той мере, в какой средний показатель наличия отражает также среднее потребление, потребление молока в большинстве стран ЕЦА, похоже, находится в пределах, рекомендуемых для рационов питания.

Наличие как **красного мяса** (в основном говядины, свинины и баранины), так и **мяса птицы** заметно увеличилось в период между 1999–2001 и 2011–2013 годами. Особенно вырос этот показатель по мясу птицы – в то время, как показатель наличия **красного мяса** по 18 странам в целом вырос с 70 до 95 г (совокупный темп роста 2,6%), показатель наличия мяса птицы увеличился более, чем в два раза с 22 до 54 г (совокупный темп роста 7,9%). В результате этого, доля мяса птицы в общем объеме мяса заметно выросла по всему региону – с 24 до 36% в целом по странам ЕЦА-18.

В докладе Комиссии «EAT-Lancet» 2019 года диапазон целевого показателя для красного мяса составляет 0–28 г в день, а в качестве целевого справочного указан средний показатель в 14 г. Для мяса птицы диапазон показателя составляет 0–58 г, а в качестве целевого справочного указан средний показатель в 29 г.

В исследовании GBD 2017 года, где в качестве одного из факторов риска рассматривается рацион питания с большим содержанием красного мяса, оптимальный уровень потребления установлен на уровне 23 г (оптимальный диапазон – 18–27 г). Для мяса птицы не приводится подобных целевых оценочных показателей. Данные по рассматриваемым в настоящем документе 18 странам ЕЦА показывают, что по красному мясу показатель наличия во всех 18 странах превышал в 2011–2013 годах 28 г, а во многих из них был заметно выше. Показатель наличия мяса птицы в основном составлял 30–60 г, причем только в двух из всех этих стран он был ниже приведенного в исследовании Комиссии «EAT-Lancet» верхнего значения в 58 г. Исключением, которое следует отметить особо, является существенно более низкий показатель наличия в четырех странах, причем все они находятся в Центральной Азии.

Главный вывод, который можно сделать по результатам этого обзора, заключается в том, что практически во всех странах региона за последние три десятилетия отмечен впечатляющий рост показателей наличия различных пищевых продуктов за счет мер в области производства и торговли, однако остаются вопросы качества современных рационов питания. Как указывается в докладе GBD 2017 года, исходя из результатов обследований потребления пищевых продуктов, по каждому из выявленных 15 факторов риска, потребление всех 15 составляющих рациона питания было *ниже оптимального* во всех субрегионах (за исключением овощей в Центральной Азии), а потребление всех видов/групп пищевых продуктов и питательных веществ, классифицированных в исследовании GBD, как «вредные», *превышало оптимальные объемы* по всему миру и во всех четырех субрегионах ЕЦА.

Несмотря на, в целом, впечатляющие успехи в области наличия и разнообразия, данные также указывают на существование значительных различий между субрегионами и странами. Помимо картины, которая складывается в среднем на национальном уровне, может также иметь место существенное неравенство в плане потребления между группами населения и регионами стран. Эти соображения диктуют необходимость активизации усилий,

направленных на формирование учитывающих соображения качества питания мер сельскохозяйственной и продовольственной политики, а также проведения адресных мероприятий в интересах уязвимых групп населения и районов. Следует со всей серьезностью вести работу по расширению доступа к приемлемым по цене здоровым рационам питания, поэтому следует начать подготовку всеобъемлющих мероприятий в рамках продовольственных систем, направленных на обеспечение здорового питания. Тесно связаны с этими преобразованиями и вопросы влияния современных моделей потребления на окружающую среду. Эти вопросы рассматриваются в следующем разделе.

Столь же важны подготовка необходимых статистических данных и их анализ. Обследования потребления пищевых продуктов²⁰ часто разрознены и поверхностны, а их результаты чаще всего основаны на данных ФАО по средним показателям наличия. Ранее в этом докладе несколько раз ставился вопрос о том, в какой мере картина, которая получается на основе этих двух источников, сходна. Помимо проведения большего количества обследований потребления пищевых продуктов, проведение тематических исследований по избранным странам способствовало бы пониманию того, в какой мере экстраполирование данных ФАО по потреблению соответствует фактическому положению дел, что помогло бы в формулировании мер продовольственной политики, касающихся производства, торговли и адресных мероприятий.

Изменения структуры торговли и нетарифных мер в отношении продовольствия и сельскохозяйственной продукции

Торговля, продовольственная безопасность и питание

Специалисты-практики, занимающиеся различными аспектами развития, уделяют все большее внимание роли торговли в вопросах продовольственной безопасности и питания. В Римской декларации по вопросам питания второй Международной конференции по вопросам питания (МКП-2) 2014 года призна-

ется, что торговая политика должна содействовать обеспечению продовольственной безопасности и питания для всех. В принятой МКП-2 Рамочной программе действий содержится рекомендация определить возможности достижения глобальных целей в области продовольствия и питания с помощью мер торговой и инвестиционной политики. В Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года торговля охарактеризована как универсальное средство развития и содержится призыв к странам сделать более последовательной политику по обеспечению устойчивого развития. Кроме того, «торговля и инвестиции в интересах улучшения питания» обозначены в качестве одного из основных направлений деятельности в рамках Программы работы по проведению Десятилетия действий по проблемам питания ООН (UN Decade of Action on Nutrition Secretariat, 2019).

Во многих странах торговля считается одним из средств, поднявших миллионы людей из состояния нищеты и отсутствия продовольственной безопасности и открывших им дорогу к процветанию. Но нет гарантий того, что так происходит во всех случаях – в торговле часто бывают и выигравшие, и проигравшие; кроме того, в разных странах и общинах конечные результаты бывают разными (FAO, 2006; Vineau and Montalbano, 2011; McCorrison *et al.*, 2013). Торговля вносит определенный вклад в улучшение питания, в частности, за счет более стабильных поставок разнообразных пищевых продуктов, имеющих важнейшее значение для здорового питания. Но торговля может и негативно сказываться на состоянии питания, способствуя более легкому доступу к пищевым продуктам с высокой калорийностью, большим содержанием жиров, сахара и/или соли, которые связывают с формированием ожирения и неинфекционных заболеваний. Поэтому торговая политика может как соответствовать целям в области питания, так и не соответствовать им. Именно поэтому МКП-2, Постоянный комитет системы Организации Объединенных Наций по проблемам питания и Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года особо выделяют понятие «последовательность/согласованность» в том смысле, что торговая политика должна согласовываться с целями в области продовольственной безопасности и питания (UNSCN, 2016a).

В настоящем разделе на основе данных углубленных страновых исследований по вопросам нетарифных мер (НТМ), проведенных Европейской экономической комиссией Организации Объединенных Наций (ЕЭК ООН) рассматриваются две темы, которые способствуют нашему пониманию взаимосвязей между торговлей, продовольственной безопасностью и питанием: 1) развитие торговли агропродовольственной продукцией в бывших республиках Советского Союза за период 1996–2018 годов; и 2) состояние НТМ в ряде субрегионов Европы и Центральной Азии.

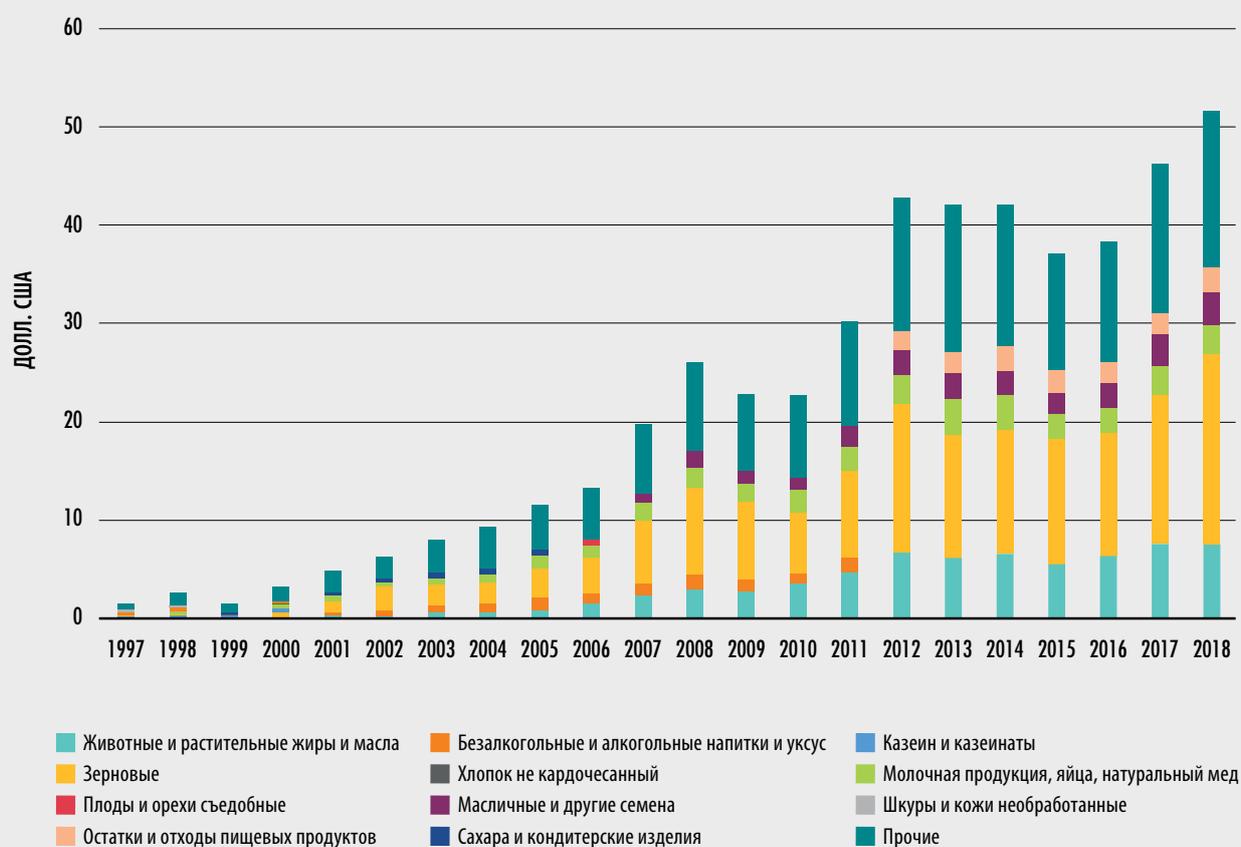
Развитие торговли агропродовольственной продукцией в бывших республиках Советского Союза за период 1996–2018 годов²¹

За последние два десятилетия система и условия торговли в бывших республиках Советского Союза существенно изменились. Вопросы развития торговли занимают важное место в программах реформ стран ЕЦА с переходной экономикой; ее развитие считается одной из предпосылок обеспечения диверсификации доходов, в том числе, за счет углубления специализации на производстве продукции с более высокой добавленной стоимостью. Наилучшей иллюстрацией этой стратегической линии является заключение большого числа региональных договоренностей о сотрудничестве, которые представляют собой первые шаги по интеграции в мировое хозяйство. В этой связи следует особо отметить соглашение о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), соглашения об ассоциации с Европейским союзом, а также уделение все большего внимания вопросам реформирования торговли на основе принципов многосторонней торговой системы ВТО. В дополнение к этим соглашениям с Канадой, Норвегией, Соединенными Штатами Америки, Турцией, Швейцарией и Японией заключены договоренности о преференциальном доступе к рынкам, в том числе в соответствии с Общей системой преференций.

С 1997 года общий объем экспорта агропродовольственной продукции включенных в настоящий обзор бывших республик Советского Союза быстро растет и в 2018 году составил 51 млрд долл. США (рис. 16). Темпы роста были стабильными вплоть до 2012 года, после чего экспорт перестал расти, а в 2015 и 2016 годах даже сократился; однако в 2017 и 2018

РИСУНОК 16

ЭКСПОРТ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ ПО ОСНОВНЫМ ГРУППАМ В БЫВШИХ РЕСПУБЛИКАХ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В 1997–2018 ГОДАХ

ПРИМЕЧАНИЕ: данные приведены в миллиардах долларов США по текущему курсу.

ИСТОЧНИК: на основе данных из базы World Integrated Trade Solution (WITS).

годах вновь стал расти. Замедление периода 2012–2016 годов обусловлено целым рядом факторов, включая замедление роста мировой и региональной экономики и торговли, финансовые кризисы, торговые противоречия в регионе, а также колебания валютных курсов.

Быстрый рост экспорта агропродовольственной продукции не сопровождался значительными изменениями ее номенклатуры. Наибольшая доля (порядка 50%) по-прежнему приходится на зерновые, масла и жиры. Раньше крупнейшим экспортным рынком агропродовольственной продукции бывших республик Советского Союза был Европейский союз (в 1997 году его доля составляла 40%), однако после некоторого периода неустойчивости эта доля стабилизировалась и в 2018 году составляла 20%. Однако для некоторых стран (например, Грузии, Республики Молдовы и Украины)

эта доля несколько выше в силу соглашений о свободной торговле, подписанных между этими странами и ЕС (FAO, 2017a). Доля взаимной торговли между бывшими республиками Советского Союза также велика, в некоторые годы она составляла почти 50% общего объема экспорта агропродовольственной продукции. С 2009 года отмечается определенная диверсификация торговли в связи с появлением новых или возвращением традиционных торговых партнеров, например, Китая, Индии, Ирана (Исламской Республики), Турции и др.

Импорт агропродовольственной продукции также существенно вырос за период 1997–2018 годов, что способствовало значительному улучшению наличия разнообразных пищевых продуктов (рис. 17). Однако, в отличие от экспорта, отмечались значительные колебания объемов импорта. Наибольшего объема импорт достиг

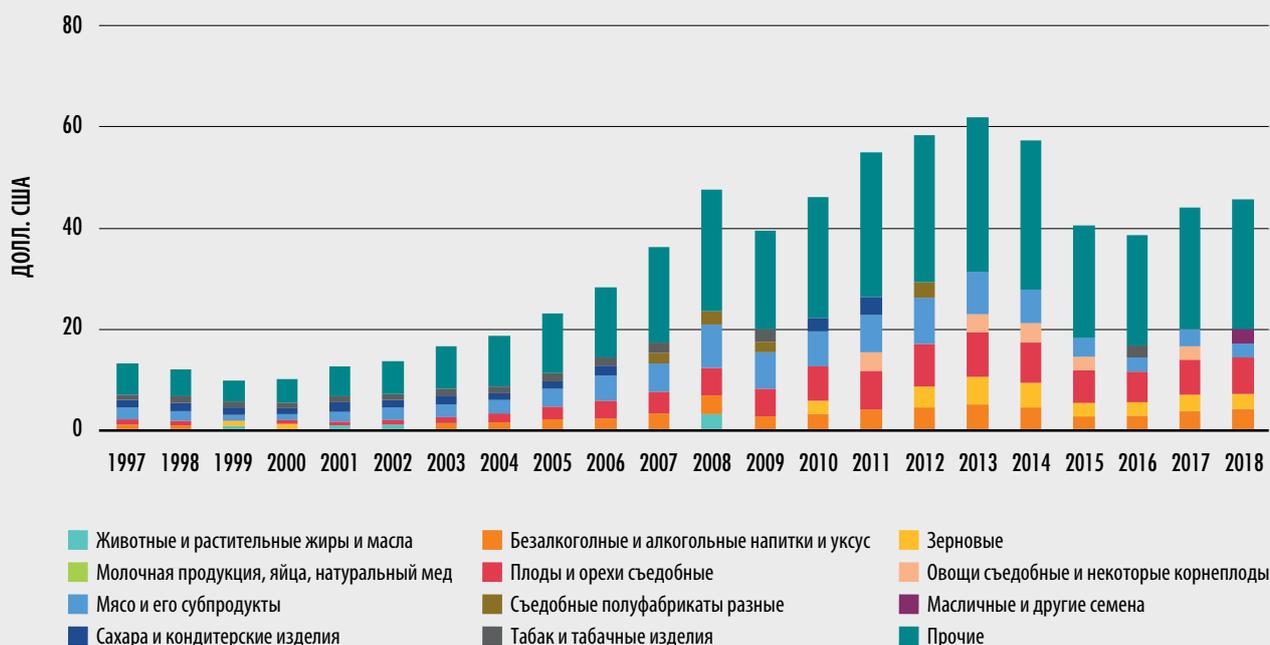
в 2013 году, когда он превысил 60 млрд долл. США, однако в 2016 году он резко снизился до 40 млрд долл. США – т.е. до уровня 2009 года. Согласно современным обобщенным данным, в период 1997–2016 годов регион в целом был нетто-импортером агропродовольственной продукции, а после 2017 года стал ее нетто-экспортером.

Представляется, что снижение в последние годы объемов импорта в долларовом выражении обусловлено рядом факторов, в частности, ослаблением валют бывших республик Советского Союза (в результате падения цен на нефть в предыдущие годы), а также проводимой некоторыми странами политикой импортозамещения. Основными видами импортируемой агропродовольственной продукции являются мясо, плодовые и орехи, молочная продукция, яйцо и мед, а также безалкогольные

и алкогольные напитки. В период 1997–2018 годов стабильными экспортёрами агропродовольственной продукции в регион были Аргентина и Европейский союз, на которые в среднем приходилось 10% (Аргентина) и 30% (Европейский союз) общего объема импорта этой продукции. До 2014 года в число пяти крупнейших поставщиков агропродовольственной продукции входили Соединенные Штаты Америки, а также Китай и Турция.

К числу причин изменения географической структуры торговли агропродовольственной продукцией бывших республик Советского Союза относится сохраняющаяся напряженность в отношениях между ключевыми торговыми контрагентами в регионе, которая стала нарастать с 2015 года. Эта напряженность привела к введению Российской Федерацией в качестве ответа на санкции запрета на импорт

РИСУНОК 17
ИМПОРТ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ ПО ОСНОВНЫМ ГРУППАМ В БЫВШИХ РЕСПУБЛИКАХ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА В 1997–2018 ГОДАХ

ПРИМЕЧАНИЕ: данные приведены в миллиардах долларов США по текущему курсу.

ИСТОЧНИК: на основе данных из базы World Integrated Trade Solution (WITS).

ряда видов агропродовольственной продукции из ряда стран, включая Европейский союз, а также к ответному запрету на импорт товаров с Украины. Это привело к сокращению доли внутрирегиональной торговли и перенаправлению экспорта на страны за пределами региона бывшего Советского Союза. Дополнительными факторами диверсификации экспорта стали стратегии развития экспорта и импортозамещения в сельском хозяйстве, реализуемые в странах региона, а также гармонизация с международными стандартами и стандартами ЕС. Более того, важную роль в изменении в последние годы географии торговли агропродовольственной продукцией бывших республик Советского Союза стал высокий спрос со стороны стран Ближнего Востока и изменение модели питания в Китае.

Обобщая, можно отметить, что за последние два десятилетия доля агропродовольственной продукции в общем объеме торговли изменялась незначительно, однако как экспорт, так и импорт выросли значительно, что способствовало экономическому росту и решению вопросов продовольственной безопасности и питания (за счет повышения показателей наличия различных видов продукции, в частности, фруктов, овощей, мяса и молочной продукции). Для темпов роста были характерны большие колебания – в 2014, 2015 и 2016 годах они снизились, а в 2017 и 2018 годах произошло их восстановление – обусловленные резким падением курсов валют, запретами на торговлю и нетарифными барьерами.

Продовольствия стало больше, и оно стало более разнообразным, однако увеличился и импорт пищевых продуктов, подвергшихся глубокой технологической обработке, с высоким содержанием жиров, сахара и/или соли, что отрицательно сказывается на качестве питания и здоровье. Следует провести дополнительные исследования для выявления факторов, определяющих рост объемов потребления этих пищевых продуктов, и их влияния на качество питания, особенно в плане ожирения и неинфекционных заболеваний. Кроме того, большинство стран реализуют или разрабатывают национальные стратегии и программы развития экспорта (FAO, 2018c). В проведенном FAO обзоре политики в области торговли агропродовольственной продукцией в бывших республиках Советского Союза обобщаются эти стратегии и программы, включая нацио-

нальные программы и стратегии поддержки экспорта сельскохозяйственной продукции, соответствующих институтов, основных нормативных документов бюджетного финансирования или мер поддержки экспорта (FAO, 2018c). Оценка результативности этих мер может оказаться полезной для лучшего понимания того, каким образом такие меры политики способствуют экспорту агропродовольственной продукции и используются государственными директивными органами для выработки решений по распределению ресурсов в целях получения максимальной отдачи в регионе.

Состояние нетарифных мер в некоторых субрегионах Европы и Центральной Азии

Этот раздел посвящен рассмотрению одного из главных препятствий дальнейшему росту торговли в регионе – нетарифных мер (НТМ) – на основе выводов проведенных в последнее время Европейской экономической комиссией Организации Объединенных Наций углубленных страновых исследований по тематике НТМ. Страновые исследования были проведены по Албании, Армении, Беларуси, Грузии, Казахстану, Кыргызстану, Республике Молдова и Таджикистану²². Основное внимание в этих исследованиях уделяется нормативно-регулирующим и процедурным барьерам в торговле в рамках всех заметных НТМ, включая те из них, которые оказывают влияние на торговлю еще до пересечения границы. Используемая в этих исследованиях методология представляет собой сочетание обследований частных субъектов торговли, государственных субъектов и учреждений, занимающихся обеспечением функционирования рынков, а также анализа законодательства и торговой политики.

Как уже отмечалось, неуклонное снижение тарифов в сочетании с заключением большого числа региональных договоренностей о сотрудничестве открывает для производителей продовольствия всего мира новые возможности. Это также относится и к региону Европы и Центральной Азии (ЕЦА), где растет число договоренностей о сотрудничестве, которые предусматривают установление для рынков сельскохозяйственной продукции нулевых или близких к нулевым ставок тарифов, а также значительное и всестороннее сокращение НТМ на основе гармонизации законодательства.

Механизмы этих договоренностей открывают огромные потенциальные возможности для пищевой промышленности. Однако этот потенциал еще надо реализовать. В отношении роста экспорта агропродовольственной продукции статистические данные указывают на то, что сокращения тарифов недостаточно. Предприятия должны также соблюдать требования НТМ, которые, как правило, являются наиболее жесткими в отношении сельскохозяйственной продукции, поскольку торговля ими обусловлена многочисленными санитарными, фитосанитарными и экологическими нормативными требованиями.

Исследования Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций (ЕЭК ООН) показывают, что эти НТМ зачастую создают значительные препятствия для торговли, которые проявляются в виде нормативно-регулирующих и процедурных барьеров, действующих во всех звеньях продовольственных производственно-сбытовых цепочек. Эти барьеры разделены на четыре группы, соответствующие бизнес-процессам, которые осуществляют коммерсанты в связи с экспортно-импортными операциями, например, полное понимание нормативных и процедурных требований, получение и обработка различных документов, а также завершение таможенной очистки. Каждый бизнес-процесс рассматривается с точки зрения последствий в плане транзакционных издержек, а также отходов и порчи пищевых продуктов в ходе этого процесса.

Разработанные по результатам проведенных совместно с правительствами консультаций с национальными заинтересованными сторонами рекомендации по большей части предполагают проведение конкретных мероприятий. Они охватывают многие НТМ, особенно те из них, которые относятся к следующим трем категориям: i) упрощение процедур торговли; ii) системы контроля качества, воплощенные в виде политики стандартизации, технических регламентов, гарантий качества, мер по аккредитации и вопросов метрологии, и iii) связанная с торговлей инфраструктура, в том числе транспортная и логистическая. Один из ключевых общих выводов заключался в том, что эти барьеры отражают глубоко укоренившиеся системные недостатки потенциала на всех трех уровнях учреждений – на макроуровне (меры политики и законодательства), на среднем уровне (учреждения) и на микроуровне (предприятия). По этой причине, связанные с этими барьерами вопросы необходимо решать, выходя за пределы соблюдения юридических норм Всемирной торговой организации (например, Соглашения об упрощении процедур торговли), и сосредоточившись на глубоко укоренившихся системных недостатках потенциала на всех трех уровнях.

В **таблице 13** отражены основные моменты важнейших рекомендаций, сгруппированные в девять категорий: i) меры прозрачности; ii) требования в отношении документации; iii) меры пограничного контроля; iv) транс-

ТАБЛИЦА 13
РЕКОМЕНДАЦИИ ОТНОСИТЕЛЬНО НОРМАТИВНО-РЕГУЛИРУЮЩИХ И ПРОЦЕДУРНЫХ БАРЬЕРОВ В ТОРГОВЛЕ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ ЕЦА

Примеры выявленных проблем	Рекомендации
ПРОЗРАЧНОСТЬ	
Консолидировать существующие консультативные механизмы государственного и частного сектора	Консолидировать механизмы государственно-частных консультаций в рамках единого институционального механизма – например, как это предусмотрено в Статье 23.2 Соглашения ВТО об упрощении процедур торговли – с использованием существующих механизмов, поддерживаемых государственными ведомствами
Создать систему предварительных решений	Обучить торговцев соблюдению информационных требований при направлении запросов на предварительное решение; принять закон в отношении обязательного характера предварительных решений; использовать информационно-коммуникационные технологии; создать новые онлайн-системы обработки предварительных решений
Консолидировать работу по распространению информации	Консолидировать на одной веб-странице одного государственного ведомства информацию по нормативно-регулирующим и процедурным барьерам; активизировать мероприятия по повышению осведомленности, чтобы торговцы знали о новых/пересмотренных законодательных актах

ТАБЛИЦА 13
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Примеры выявленных проблем	Рекомендации
ТРЕБОВАНИЯ В ОТНОШЕНИИ ДОКУМЕНТАЦИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКУМЕНТОВ	
Сократить бюрократические процедуры	По умолчанию признавать сертификаты, выдаваемые уполномоченными государственными ведомствами и мировыми органами оценки соответствия
ПОГРАНИЧНЫЙ КОНТРОЛЬ	
Консолидировать управление в условиях рисков (уточнить параметры оценки рисков, проверка после выдачи разрешений, системы уполномоченных хозяйствующих субъектов)	Укрепить выявление и оценку рисков, подготовку индикаторов риска и формирование характеристик рисков; разработать системы целостного аудита торговцев и использовать его результаты для корректировки параметров системы управления в условиях рисков; сформировать системы обеспечения для оказания содействия предприятиям в обеспечении полного выполнения критериев уполномоченного хозяйствующего субъекта
Укрепить ведомства пограничного контроля (органы инспекции безопасности пищевых продуктов, складские объекты)	Обеспечить органы инспекции безопасности пищевых продуктов дополнительными лабораториями, аккредитованными как соответствующие международным стандартам, и обеспечить эти органы автомобилями-холодильниками для перевозки образцов; расширить складские объекты для более широкого применения практики индивидуального выпуска после таможенной очистки
Пересмотреть практику оценки таможенной стоимости	Обеспечить соответствие Соглашению ВТО по определению таможенной стоимости; придерживаться, насколько это возможно, положений этого соглашения ВТО
ТРАНСПОРТНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА И ЛОГИСТИЧЕСКИЕ УСЛУГИ	
Укрепление сектора брокерских услуг	Налаживание системы проверки, подготовки, лицензирования, аккредитации и мониторинга экспедиторов грузов; поощрять формирование новой ассоциации таможенных брокеров
Совершенствовать объекты пунктов пересечения границы и сухопутных терминалов	Уделять особое внимание базовой инфраструктуре для таможенной очистки скоропортящихся товаров, включая объекты для досмотра, холодильники для скоропортящихся грузов, карантинные объекты в пунктах пересечения границы или в непосредственной близости к ним и т.д.
Совершенствовать практику взвешивания в пунктах пересечения границы и сухопутных терминалах	Оборудовать пункты пересечения границы и сухопутные терминалы современными взвешивающими устройствами; составить рекомендации по практике взвешивания и измерения; внедрить международные сертификаты веса транспортных средств; оснастить пункты пересечения границы необходимыми сооружениями и оборудованием
ТЕХНИЧЕСКИЕ РЕГЛАМЕНТЫ	
Укрепить отраслевые министерства дополнительными квалифицированными кадрами	В рамках инициатив по реформированию уделять первоочередное внимание формированию в отраслевых министерствах корпуса национальных специалистов
СТАНДАРТИЗАЦИЯ	
Укрепить национальные учреждения по вопросам стандартизации	Создать возможности установления долгосрочных партнерских отношений для ознакомления с опытом более продвинутых стран ЕЦА; сформировать собственные службы подготовки кадров; внедрять международный передовой опыт и стандарты
ОЦЕНКА СООТВЕТСТВИЯ	
Добиваться международного признания национальных аккредитационных органов	Стремиться к обеспечению взаимного признания национальных аккредитационных органов такими мировыми органами, как Многосторонняя договоренность о признании ВА (MLA) и Международная организация по сотрудничеству в области аккредитации лабораторий (ИЛАК)
МЕТРОЛОГИЯ	
Укреплять национальные системы метрологии	Укреплять национальные учреждения в области метрологии на основе, среди прочего, укрепления правовых основ метрологии, юридических требований к измерительным инструментам, а также прослеживания регламентируемых измерений и измерительных инструментов
РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЦЕЛЯХ СОДЕЙСТВИЯ ДИВЕРСИФИКАЦИИ УСЛУГ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ УЧРЕЖДЕНИЯМИ, ЗАНИМАЮЩИМИСЯ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЫНКОВ	
Службы обеспечения сбыта и стратегического планирования	Уделять приоритетное внимание формированию отраслевых служб анализа рыночной информации, наделению необходимыми возможностями существующих организаций поддержки предприятий, а также оказанию помощи компаниям и производителям в понимании требований мировой торговли, включая стандарты качества и безопасности пищевых продуктов и фитосанитарные требования.
Улучшить доступ предприятий к финансовым ресурсам	Рассмотреть возможность создания систем страхования кредитов для защиты взятых заемщиками кредитов от рисков дефолта на основе совместной уплаты страховых премий предприятиями-заемщиками и правительством

ИСТОЧНИК: страновые тематические исследования по вопросам нормативно-регулирующих и процедурных барьеров в торговле в отдельных странах ЕЦА (ЕЭК ООН).

портная инфраструктура и логистика; v) технические регламенты; vi) стандартизация; vii) оценка соответствия; viii) метрология; и ix) развитие предпринимательства в целях содействия диверсификации услуг, предоставляемых учреждениями, занимающимися обеспечением функционирования рынков.

В заключение можно отметить, что тематические исследования ЕЭК ООН показали, что при самых низких уровнях тарифов ожидаемое расширение торговли зачастую ограничивается нетарифными мерами. В отличие от таможенных тарифов, НТМ реализуются в самых разнообразных формах и часто являются непрозрачными, скрытыми в глубинах хозяйственных механизмов и трудно искоренимыми. Они приводят к росту торговых издержек как на границе, так и до и после ее пересечения и являются причиной значительных убытков. Сельскохозяйственная продукция относится к числу наиболее чувствительных к таким препятствиям для торговли товаров. Поэтому в мире уделяется большое внимание проблемам НТМ, торговых издержек и упрощения процедур торговли. ■

3.2 ПОДХОДЫ И МЕРЫ ПОЛИТИКИ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИЕ ИЗМЕНЕНИЕ НАПРАВЛЕННОСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И РАЦИОНОВ ПИТАНИЯ НА ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА

Каковы желательные характеристики мер политики и практики, необходимых для достижения целей Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, касающихся, с одной стороны, нищеты, отсут-

ствия продовольственной безопасности и неполноценного питания и, с другой стороны, устойчивости производства и потребления продовольствия? В последние годы ответы на эти вопросы были сформулированы в различных подходах и механизмах. Самое заметное место в этой работе занимают, в частности, два подхода: i) системный подход к проблемам продовольствия; и ii) агроэкологический подход к устойчивому сельскому хозяйству. Главной целью этих двух подходов является изменение направленности современных мер политики и практики на достижение ключевых целей в области продовольствия, питания и устойчивости. В двух последующих разделах представлены два подхода, а в третьем – обсуждаются конкретные меры политики, программы и инициативы.

Системный подход к проблемам продовольствия, обеспечивающий переход к более здоровым рационам питания

Сформировался консенсус относительно того, что такие вопросы, как отсутствие продовольственной безопасности, неполноценное питание, здоровые рационы питания, средства к существованию и устойчивость, лучше всего решать на основе мер политики и программ в рамках того или иного целостного и комплексного механизма. С этой целью был сформулирован системный подход к проблемам продовольствия. Важным мероприятием, на котором была признана важность этого подхода, стала вторая Международная конференция по вопросам питания (МКП-2). Уникальную возможность в установленные сроки в рамках существующих структур и имеющихся ресурсов объединить и укрепить усилия по выполнению обязательств и рекомендаций, принятых МКП-2, а также достижению связанных с питанием Целей в области устойчивого развития (ЦУР) предоставляет всем заинтересованным сторонам Десятилетие действий по проблемам питания ООН. Анализ множественных целей и ограничений, таких как производство и потребление, естественным образом указывает на необходимость системного подхода к продовольственным системам для разрешения неизбежных конфликтов и усиления комплексных положительных результатов. Исходя из этого, в 2017

году Группа экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности подготовила всеобъемлющий доклад по этому вопросу: «Питание и продовольственные системы» (ГЭВУ, 2017).

В подходе, изложенном в докладе ГЭВУ, особо выделяется роль рационов питания в качестве одного из главных связующих элементов между продовольственными системами и обеспечиваемыми ими результатами в области здоровья и питания. В нем содержится призыв комплексно подходить к анализу всех четырех широких категорий или функций той или иной продовольственной системы: производству продовольствия; обращению с продовольствием, его хранению и переработке; торговле продовольствием и его сбыту; и вопросам потребительского спроса, приготовления пищи и пищевых предпочтений. Взаимодействие этих четырех функций и рационов питания и формирует продовольственную среду, которая занимает центральное место в обеспечении возможностей получения здоровых рационов питания. В этом подходе также учитывается воздействие сельского хозяйства и продовольственных систем на устойчивость в трех измерениях (экономическом, социальном и экологическом).

Главная задача заключается в том, чтобы изменить ту или иную существующую продовольственную среду таким образом, чтобы получить желаемые результаты. Документ ФАО «Практика ориентированных на потребности питания сельского хозяйства и продовольственных систем» (Nutrition-sensitive agriculture and food systems in practice) вносит вклад в практическую реализацию системного подхода к решению проблем продовольствия, показывая конкретные отправные моменты или мероприятия по каждой из упомянутых выше четырех функций (ФАО, 2017с). Системные мероприятия в вопросах продовольствия вносят вклад в достижение конечных результатов в таких различных областях, как социально-экономический кластер (например, доходы и занятость); продовольственная безопасность, качество питания и здоровье и окружающая среда. В одних областях итоги могут быть положительными, а в

других – отрицательными, поэтому при разработке предложений по новым мерам политики и практики неизбежны компромиссы. Системный подход к решению проблем продовольствия помогает определить эти компромиссы и, тем самым, способствует формированию более результативных и устойчивых мер политики (ФАО, 2018i).

Какие конкретные изменения предполагаются в продовольственной среде?

Элементы механизма, способствующего здоровым рационам питания, изложены в различных рекомендациях Рамочной программы действий, принятой МКП-2 (ФАО и ВОЗ, 2014) (врезка 2). В число шести направлений деятельности в рамках Десятилетия действий по проблемам питания вошли рекомендации МКП-2, в том числе, касающиеся продовольственных систем и здоровых рационов питания.

В целях реализации обязательств в рамках МКП-2 в конкретных страновых программах ФАО и ВОЗ организовали 1–2 декабря 2016 года в Риме симпозиум в рамках Десятилетия действий ООН по проблемам питания, после которого в сентябре и декабре 2017 года было проведено пять региональных симпозиумов, на которых обсуждались итоги и состоялся обмен опытом применительно к конкретным регионам. Региональный симпозиум для Европы и Центральной Азии был проведен в декабре 2017 года в Будапеште (ФАО, 2017b). На основе самых показательных примеров региона участники симпозиума выработали ряд рекомендаций, направленных на формирование устойчивых продовольственных систем, двумя главными компонентами которых были системный подход к решению продовольственных проблем и принципы агроэкологии. Подчеркивалось, что преобразование продовольственных систем из систем, просто обеспечивающих достаточные объемы продовольствия в системы, обеспечивающие устойчивые, высококачественные рационы питания, является ключом к улучшению питания и профилактики недостаточного питания во всех его проявлениях. Подготовлен итоговый документ, содержащий резюме результатов симпозиума (ФАО, 2018f).

- Пересмотреть национальную продовольственную и сельскохозяйственную политику и инвестиции с целью их ориентации на потребности питания и оздоровления рационов питания. (Рекомендация 8)
- Укреплять потенциал местных производителей и переработчиков пищевых продуктов, особенно мелких и семейных фермерских хозяйств, признавая при этом роль торговли как залога достижения целей в области питания. (Рекомендация 9)
- Способствовать диверсификации сельскохозяйственных культур, включая недоиспользуемые традиционные культуры, увеличению производства фруктов и овощей, а при необходимости – производству соответствующей продукции животного происхождения. (Рекомендация 10)
- Совершенствовать технологии и инфраструктуру хранения, консервации, транспортировки и реализации с целью ослабления сезонных проблем в плане продовольственной безопасности, сокращения продовольственных потерь и пищевых отходов, а также сохранения питательной ценности продуктов. (Рекомендация 11)
- Создать и укрепить институты, меры политики, программы и услуги в интересах повышения устойчивости к внешним факторам систем обеспе-

чения продовольствием в районах, подверженных кризисам, включая территории, на которых отразились изменения климата. (Рекомендация 12)

- Разработать, принять и, в соответствующих случаях, адаптировать международные рекомендации в отношении здорового питания. (Рекомендация 13)
- Стимулировать постепенное уменьшение содержания насыщенных жиров, сахаров, соли/натрия, а также трансжиров в пищевых продуктах и напитках с целью предупреждения чрезмерного их потребления и повысить, при необходимости, содержание питательных веществ в пищевых продуктах. (Рекомендация 14)
- Изучить возможность применения нормативных и добровольных механизмов, таких как меры, касающиеся маркетинга, рекламы и маркировки, экономические стимулы и сдерживающие меры для пропаганды здорового питания. (Рекомендация 15)
- Ввести нормативы объема или содержания питательных веществ для обеспечения доступности здорового питания и безопасной питьевой воды в общественных заведениях, а также стимулировать создание условий для грудного вскармливания. (Рекомендация 16).

ИСТОЧНИК: ФАО и ВОЗ, 2014. «Рамочная программа действий: от слов к делу». <http://www.fao.org/3/a-mm215r.pdf>

Из числа рекомендаций, приведенных во **врезке 2** и выработанных в ходе упомянутых выше симпозиумов, наибольшее внимание привлекли четыре области, касающиеся осуществляемых или планируемых правительствами инициатив: i) благоприятная политика и государственные инвестиции; ii) адресные мероприятия или проекты, направленные на пропаганду разнообразных безопасных пищевых продуктов; iii) налогообложение пищевых продуктов с высоким содержанием жиров, сахара и/или соли и тому подобные налогово-бюджетные меры; и iv) кампании повышения осведомленности с использованием средств образования, информации и рекламы.

В «Региональных обзорах состояния продовольственной безопасности и питания в Европе и Центральной Азии» 2017 и 2018 годов (ФАО, 2018к; ФАО, 2018а) рассматривались основные события в области политики

и инициативы правительств в регионе ЕЦА, связанные с упомянутыми выше областями ii), iii) и iv). Меньше всего политических споров ведется вокруг областей ii) и iv). Многие еще предстоит сделать в этих областях, в том числе в плане расширения масштабов доказавших свою успешность инициатив. Некоторые разногласия имеются в вопросах маркировки продукции и мер, предусматривающих налогообложение пищевых продуктов, содержащих много жиров, сахара и/или соли, но работа по этим направлениям идет нарастающими темпами по всему миру. Область i) – благоприятная политика и государственные инвестиции – могла бы быть предметом гораздо больших споров, поскольку для работы в ней может потребоваться изменение политики и определенное перераспределение бюджетов правительств на нужды сельского хозяйства. Ниже приводится краткий комментарий по этим вопросам.

Стимулирование с помощью мер политики или прямой бюджетной поддержки действительно имеет некоторое значение, оказывая влияние на объемы производства. Тому есть много примеров. В нескольких странах с высоким уровнем доходов в 1970-х и 1980-х годах применялись меры сельскохозяйственной политики, включая экспортные субсидии, меры стимулирования производства того или иного круга пищевых продуктов, которые затем, когда сельское хозяйство стало подпадать под действие правил ВТО, стали в некоторой степени сокращаться. Подобным же образом в период «Зеленой революции» в различных странах Азии применялись меры стимулирования и щедрой поддержки растениеводства, например, производства риса и пшеницы. В рамках этих процессов не было стимулов для производства продукции, которой не оказывалась поддержка, что подрывало как производство, так и наличие ряда пищевых продуктов, например бобов, неосновных зерновых, фруктов, овощей и целого ряда исконных и традиционных богатых микроэлементами пищевых продуктов (Development Initiatives, 2016; Pingali, 2015; Pinstруп-Andersen, 2015; World Bank, 2014).

Учитывая опыт прошлого, некоторые призывают использовать подобный подход для стимулирования производства пищевых продуктов, являющихся важными составляющими здорового питания. Нереалистично ожидать полного разворота текущей ценовой и торговой политики и масштабного перераспределения государственных расходов, однако даже создание нейтральных условий в плане стимулов и поддержки должно способствовать производству разнообразных и питательных пищевых продуктов, поскольку рыночный спрос на них растет и будет далее повышаться на фоне расширения пропаганды здорового питания.

Правительствам также необходимо поддерживать такие рационы питания путем перераспределения государственных расходов на сельскохозяйственные исследования. Согласно исследованию Всемирного банка (World Bank, 2014), лишь около 5% общего объема финансирования исследований глобальной исследовательской программы

КГМСХИ выделяется на работу по бобовым, а программы исследований по плодовым и овощным культурам в КГМСХИ вообще отсутствуют. В исследовании Всемирного банка подчеркивается необходимость создания равных условий при распределении государственной поддержки сельского хозяйства, в том числе на нужды научных исследований и разработок, чтобы разнообразные культуры, которым раньше не уделялось внимание, стали менее подвержены рискам, а их производство стало более прибыльным по сравнению с традиционно поддерживаемыми видами продукции растениеводства и животноводства. Это также касается поддержки в целях решения технических проблем во всех звеньях производственно-сбытовых цепочек, в интересах повышения их эффективности, сокращения потерь и порчи пищевых продуктов, а также решения таких проблем, как склонность к порче и безопасность пищевых продуктов. В целом, предстоит еще многое сделать в области мер политики и государственной поддержки работы по улучшению продовольственных систем.

Агроэкологические подходы к формированию устойчивых систем производства продовольствия

Концепция агроэкологии формировалась в течении нескольких десятилетий, начиная с фермерского поля (главным образом, агрономии) и постепенно распространяясь на все звенья продовольственных систем от фермы до потребителя и далее на всю мировую торговлю; в ходе этого процесса был сформулирован ряд принципов, которые также определяют охват понятия «агроэкология». В контексте распространения принципов агроэкологического подхода на вопросы продовольственной безопасности и питания часто упоминаются современные вызовы, с которыми сталкиваются продовольственные системы, например, отсутствие продовольственной безопасности и неполноценное питание в одних регионах и эпидемии ожирения – в других. К числу таких вызовов также относятся риски для поддержания устойчивости производства в долгосрочной перспективе – в связи с деградацией природной ресурсной базы и экоси-

стем и утратой биоразнообразия – а также необходимость укрепления устойчивости к воздействию факторов климатических потрясений и изменения климата. Фундаментальная предпосылка заключается в том, что агроэкология формулирует принципы противодействия этим вызовам. В ряде докладов Группы экспертов высокого уровня за последние годы утверждается, что продовольственные системы находятся на перепутье и необходимо задать новые направления их развития, а также содержатся призывы использовать агроэкологию в противовес продолжению использования агропромышленной модели (ГЭВУ, 2017).

Современные агропродовольственные системы успешно справляются с задачей поставки на мировые рынки больших объемов продовольствия, однако они не способны обеспечить продовольствием всех. Использование интенсивных и ресурсоемких сельскохозяйственных систем приводит к обезлесению, дефициту воды, истощению почвы, утрате биоразнообразия и большим объемам выбросов парниковых газов (FAO, 2018j). Несмотря на успехи в деле сокращения масштабов отсутствия продовольственной безопасности, многоплановое бремя неполноценного питания – особенно рост масштабов избыточной массы тела и ожирения – затрагивает миллионы людей в регионе ЕЦА. Агроэкология как раз и является тем подходом, с помощью которого можно удовлетворить потребности будущих поколений, обеспечив, при этом, чтобы никто не был забыт. Агроэкология, сердцевину которой составляют семейные фермерские хозяйства (включая малоземельных фермеров), коренные народы, рыбаки, фермеры горных районов и скотоводы, нацелена на устранение коренных причин проблем и выработку целостных долгосрочных решений на основе принципов совместного формирования знаний, обмена и инноваций, включая сочетание знаний местного уровня, традиционных знаний коренных народов и практических знаний с междисциплинарными научными знаниями (FAO, 2018j).

FAO стоит в авангарде разработки концепции агроэкологии и ее применения для противодействия вызовам в области продовольственной безопасности и питания. В 2014 году в

Риме был проведен «Международный симпозиум по агроэкологии в интересах обеспечения продовольственной безопасности и питания», а в период с июня 2015 по ноябрь 2017 года было проведено семь региональных семинаров с участием многочисленных заинтересованных сторон. Симпозиум для региона Европы и Центральной Азии был проведен 23–25 ноября 2016 года с участием более 180 представителей 41 страны (FAO, 2017e). Этот процесс был продолжен проведением в начале апреля 2018 года в Риме второго Международного симпозиума по агроэкологии.

В настоящее время Группа экспертов высокого уровня готовит по поручению Комитета по всемирной продовольственной безопасности (КВПБ) всесторонний доклад «Агроэкологические и другие инновационные подходы в поддержку устойчивого сельского хозяйства и устойчивых продовольственных систем, повышающих уровень продовольственной безопасности и качество питания», который будет представлен на сорок шестой пленарной сессии КВПБ в октябре 2019 года (HLPE, 2019). В октябре и ноябре 2018 года были проведены открытые электронные консультации по предварительному проекту доклада, в ходе которых было представлено много замечаний. С этим предварительным проектом, замечаниями по нему и их анализом можно ознакомиться в онлайн-режиме²³. Этот доклад ГЭВУ призван дополнительно прояснить концепцию и принципы агроэкологии и представить конкретные рекомендации правительствам и другим заинтересованным сторонам относительно реализации конкретных мер.

В семи региональных многосторонних семинарах приняли участие более 1400 участников из 170 стран пяти регионов, которые обсудили целый ряд тем, связанных с агроэкологией, ее влиянием и вызовами. Во **врезке 3** обобщены отдельные общие рекомендации, сформулированные в ходе этих семинаров.

Большинство этих предложений не вызывают споров и в целом восприняты положительно директивными органами и научно-исследовательскими кругами. Подобные агроэкологические приемы, как, например, приведенные во

ВРЕЗКА 3

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ И ОБЩИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ОТНОСИТЕЛЬНО ПЕРЕХОДА К АГРОЭКОЛОГИИ, СФОРМУЛИРОВАННЫЕ В ХОДЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СЕМИНАРОВ

На основе обзора и анализа 160 рекомендаций, сформулированных в ходе семи региональных семинаров по вопросам агроэкологии в интересах обеспечения продовольственной безопасности и питания, были сформулированы общие приоритетные направления действий по внедрению агроэкологических подходов.

- Укрепление центральной роли производителей и их организаций в сохранении, использовании природных ресурсов и доступе к ним. Обеспечение, признание, уважение и поддержка мелких производителей продовольствия, семейных фермерских хозяйств и общин, в частности прав женщин, молодежи, а также коренных и кочевых народов на земельные, водные, лесные, рыбные и генетические ресурсы.
- Поощрение совместных исследований и инноваций, а также обмена опытом и знаниями – развитие исследований и совместных инноваций силами и при участии фермеров; проведение междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований и восполнение пробелов в научных исследованиях; формирование платформ для многостороннего сотрудничества.

- Содействие формированию рынков для агроэкологической продукции и услуг – поддержка коротких производственно-сбытовых цепочек и инновационных рынков, например, систем государственных закупок; повышение осведомленности потребителей о пользе агроэкологической продукции, включая ее питательные качества и содействие здоровью; поощрение территориальных подходов и перехода к замкнутым продовольственным системам.
- Пересмотр институциональной политики, правовых и финансовых механизмов с целью поощрения перехода к устойчивым продовольственным системам на основе агроэкологии – выработка государственной политики и инициатив, обеспеченных необходимым финансированием, для поддержки перехода на принципах агроэкологии; осуществление комплексных и последовательных мер продовольственной политики; учет внешних факторов сельского хозяйства и многофакторных показателей для измерения долгосрочных показателей эффективности агроэкологических систем.

ИСТОЧНИК: по материалам *Catalysing dialogue and cooperation to scale up agroecology: Outcomes of the FAO regional seminars on agroecology*. (FAO, 2018g). <http://www.fao.org/3/I8992EN/I8992en.pdf>

Врезке 3, не являются чем-то новым; в большинстве стран мира можно обнаружить применение одного или нескольких таких приемов. Однако главный вопрос заключается в том, что того, что делается сейчас, не достаточно для обеспечения перехода к такой производственной системе, в которой доминирующее место занимали бы принципы агроэкологии и которая давала бы конкретные результаты. Поэтому следующей серьезной задачей является расширение масштабов применения этих принципов. С этой целью ФАО возглавила процесс формирования международной агроэкологической Инициативы по расширению масштабов агроэкологии, которая была запущена в апреле 2018 года в ходе второго Международного симпозиума по агроэкологии. В ходе работы по расширению масштабов агроэкологии предстоит решить много проблем. В докладе Международной экспертной группы по устойчивым продовольственным системам (IPES-Food, 2016) указывается на существование восьми факторов, которые имеют тенденцию сдерживать или не давать осуществлять перемены: 1) зависимость от сложившегося образа действий; 2) концен-

трация власти; 3) ожидание дешевого продовольствия; 4) экспортная направленность; 5) отраслевая замкнутость; 6) нацеленное на ближайшую перспективу мышление; 7) тезисы «накормить мир»; и 8) критерии успеха. Преодоление этих сдерживающих факторов особенно трудно в тех регионах и странах, которые в большой степени зависят от внешних производственных ресурсов, и где поставщики этих ресурсов и товаропроводящие цепочки продовольствия занимают крепкие позиции. Считается также, что для продвижения вперед необходима и соответствующая система показателей для мониторинга хода работы (например, более широкое измерение эффективности сельского хозяйства вместо отслеживания изменения урожайности по годам), которая также нужна для изменения взглядов на эти вопросы политических лидеров и директивных органов. В такой системе показателей следует учитывать все результаты сельскохозяйственного производства, такие как долгосрочные последствия производства и включение в стоимость продукции экологических и социальных издержек.

В регионе Европы и Центральной Азии набирает силу тенденция выработки и применения агроэкологических приемов. Во **врезке 4** показаны отдельные инициативы в регионе в области агроэкологии, что свиде-

тельствует о разнообразии таких инициатив. Дополнительную информацию по этим вопросам можно почерпнуть из доклада о работе регионального симпозиума по агроэкологии (FAO, 2017e).

ВРЕЗКА 4

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРИМЕРЫ РАЗНООБРАЗИЯ АГРОЭКОЛОГИЧЕСКИХ ИНИЦИАТИВ В РЕГИОНЕ ЕВРОПЫ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В **Армении** НПО «Женщины Армении за здоровье и здоровую окружающую среду» активно пропагандирует в различных регионах Армении ведение сельского хозяйства без применения химикатов; в рамках этой кампании прошли подготовку более 5000 фермеров и было создано более 100 опытных полей и садов, где налажено применение агроэкологических приемов и подходов.

В **Венгрии** Ассоциация органических фермерских хозяйств Венгрии (MÖGÉRT / АНОФ) ведет работу по агроэкологическим методам борьбы с сорняками в органических фермерских хозяйствах.

В **Грузии** «Фермерский дом Грузии» провел испытания инновационного устройства – мини-установки для производства биогумуса из местных отходов органики (навоза различных животных, пищевых отходов, бумаги и т.д.) с использованием земляных червей (*Eisenia foetida*) в трех деревнях регионов Кахетия и Картли.

В **Италии** одним из инновационных подходов к устойчивому комплексному развитию территорий с привлечением населения является формирование биорайонов.

В **Кыргызстане** в рамках совместного с региональной инициативой ФАО проекта особое внимание уделяется внедрению мелкими фермерскими хозяйствами комплексных агроэкологических подходов к производству богатых питательными веществами культур, сохранению и расширению лесов.

В **Республике Молдова** правительство в своих предполагаемых определяемых на национальном уровне вкладах прямо упоминает агроэкологию

и агроэкологические зоны, по которым будет представляться исходная информация по планированию адаптации (тенденции изменения климата, его последствия и уязвимые места).

В **Турции** Центр сохранения природы разрабатывает основанные на экосистемных услугах подходы, направленные на повышение адаптационных возможностей сельскохозяйственного производства. В частности, разрабатываются проекты осуществления на местах агроэкологических приемов.

В **Узбекистане** Центр поддержки фермеров и предпринимательства начал осуществление программы агроэкологической адаптации в засушливых условиях региона юга Аральского моря для решения проблем, связанных с изменением климата и дефицитом воды.

В **Финляндии** система «Агроэкологический симбиоз» представляет собой систему производства продовольствия и энергии на основе сотрудничества между производителями продовольствия и пищевой промышленности. Биоэнергия производится *in situ* на уровне фермерских хозяйств из биомассы отходов продукции местного (или перенесенного) производства и ее переработки.

В **Швейцарии** фонд «Биовижн» (Biovision Foundation) совместно со специалистами осуществляет по заказу Глобального альянса «Будущее продуктов питания» проект «Маяки надежды». Цель этого проекта – продемонстрировать общие для всех направления достойных подражания инициатив во всем мире, способствующих переходу к более устойчивым продовольственным системам на комплексной основе с учетом всех аспектов концепции «устойчивости».

ИСТОЧНИК: веб-приложение к документу ERC/18/2: «Устойчивые агропродовольственные системы в Европе и Центральной Азии в условиях изменения климата». Этот документ представлен на тридцать первой сессии Региональной конференции ФАО для Европы (РКЕ), которая проходила в Воронеже, Российская Федерация. <http://www.fao.org/3/MW159EN/mw159en.pdf>

В настоящее время в 33 странах ЕЦА имеются диетологические рекомендации по нормам потребления пищевых продуктов (ДРПП) (см. **врезку 5**), которые могут служить руководством при выработке широкого спектра мер политики и программ в области продовольствия и питания, здоровья, а также образования по вопросам сельского хозяйства и питания, что открывает уникальную возможность для изменения в лучшую сторону рационов питания и продовольственных систем на всех этапах от производства до потребления. К тому же, многие страны при разработке ДРПП начинают придерживаться более комплексных подходов, охватывающих вопросы сочетания пищевых продуктов (при приеме пищи), условия приема пищи, соображения безопасности пищевых продуктов, а также аспекты образа жизни и устойчивости.

В этой области Франция продвинулась еще дальше. Ее Национальная агроэкологическая программа является одним из конкретных при-

меров полномасштабной программы в области агроэкологии. Объявленная в 2012 году и законодательно утвержденная в 2014 году, эта программа нацелена на постепенное преобразование фермерских хозяйств и всего сельского хозяйства на основе принципов агроэкологии. Агроэкологический подход рассматривается как целостный комплекс практических приемов и модель, в которой сочетаются экономические, социальные и экологические задачи. В официальной брошюре сообщается, что эта программа является результатом одного неопровержимого факта: проблемы сельского хозяйства носят одновременно экономический, экологический и социальный характер и их невозможно решать по отдельности (Government of France, 2016). Во **врезке 6** дана краткая справка по этой программе.

Главной предпосылкой устойчивых продовольственных систем и агроэкологических программ и подходов, направленных на решение вопросов неполноценного питания в регионе,

ВРЕЗКА 5

ЧТО ДЕЛАЕТ ФАО В ПЛАНЕ ДИЕТОЛОГИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ ПО НОРМАМ ПОТРЕБЛЕНИЯ ПИЩЕВЫХ ПРОДУКТОВ?

ФАО оказывает содействие государствам-членам в разработке, пересмотре и применении рекомендаций по нормам потребления пищевых продуктов и питанию в соответствии с современными научными знаниями¹. ФАО также периодически проводит обзор хода разработки и применения принципов правильного питания, отслеживает изменение их общей направленности и ориентации.

Более чем в 100 странах мира и в 33 странах региона ЕЦА разработаны соответствующие рекомендации по нормам потребления пищевых продуктов, учитывающие положение с обеспечением продуктами, наличие продовольствия, кулинарную культуру и пищевые привычки. Кроме того, страны публикуют наглядные пособия по питанию, часто в форме пищевых пирамид и примеров рациона, и такие пособия используются для просвещения потребителей.

В регионе ЕЦА рекомендации по нормам потребления пищевых продуктов имеются в таких странах, как: Австрия, Албания, Бельгия, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Германия, Греция, Грузия, Дания, Израиль, Ирландия, Исландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Мальта, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Северная Македония, Словения, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Турция, Швейцария, Швеция, Финляндия, Франция, Хорватия и Эстония.

По данным «Доклада по вопросам питания в мире» 2018 года², рекомендации по нормам потребления пищевых продуктов не были выработаны в следующих странах: Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Сербия, Словакия, Таджикистан, Украина и Узбекистан.

ИСТОЧНИК:

¹ Для получения более подробной информации см.: <http://www.fao.org/nutrition/education/food-dietary-guidelines/en/>

² Для получения более подробной информации см. <https://globalnutritionreport.org/nutrition-profiles/>

ВРЕЗКА 6

КЛЮЧЕВЫЕ ПЛАНЫ ДЕЙСТВИЙ В РАМКАХ АГРОЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЕКТА ФРАНЦИИ

Агроэкологический проект Франции был объявлен в 2012 году с целью поощрения внедрения французскими фермерами агроэкологических приемов; при этом была поставлена цель к 2025 году внедрить принципы агроэкологии в 50% фермерских хозяйств. Одним из важных шагов в этом процессе стало включение вопросов агроэкологии в закон о перспективах сельского хозяйства, продовольствия и лесного хозяйства 2014 года. Законом предусмотрено, что государственная политика будет направлена на поощрение агроэкологических производственных систем, сочетающих экономические, социальные, экологические и санитарно-гигиенические функции. План действий в области агроэкологии имеет широкий охват – он содержит 16 разделов и предусматривает 70 мероприятий. По каждому мероприятию определены сроки, промежуточные этапы и показатели осуществления. Особое внимание в этом плане уделяется следующим вопросам.

Образование и подготовка кадров – все учебные программы и программы подготовки кадров в области сельского хозяйства дорабатываются на предмет включения знаний и опыта в области агроэкологии, а также предусматривают подготовку преподавателей.

Вовлечение научно-исследовательских организаций – научно-исследовательским организациям предлагается разрабатывать новые технологии и приемы для агроэкологических производственных систем и распространять эти инновации на местах. Им предлагается использовать возможности Европейского инновационного партнерства (2014–2020) для укрепления инно-

вационной работы в этих областях и распространения ее результатов.

Государственная поддержка и государственное стимулирование – меры государственной поддержки сельского хозяйства постепенно пересматриваются и переориентируются на более активное стимулирование применения агроэкологических приемов и осуществление ориентированных на агроэкологию проектов развития в фермерских хозяйствах.

Формирование экономических и экологических групп по интересам – созданы новые юридические средства, способствующие тому, чтобы фермеры вместе с другими заинтересованными сторонами рационально использовали ресурсы на ландшафтном уровне в рамках межотраслевых «экологических и экономических групп по интересам» (французский акроним «GIEE»).

Средство для проведения самооценки по вопросам агроэкологии – средство для проведения самооценки предназначено для того, чтобы фермеры могли проанализировать используемые ими агроприемы и возможную необходимость внесения изменений в их системы. Это даст возможность отдельным фермерам количественно определить результаты применения ими агроприемов и сравнить их с результатами работы других фермеров.

Регулярное проведение мониторинга и оценки – разрабатываются показатели для отслеживания хода работы, а результаты и последствия этой работы публикуются в ежегодных докладах.

ИСТОЧНИК: *The Agroecology Project in France. Ministry of Agriculture, Agrifood and Forestry, from the Government of France* (<https://agriculture.gouv.fr/sites/minagri/files/1604-aec-aeenfrance-dep-gb-bd1.pdf>) и другие опубликованные материалы.

является исходная информация, поступающая от национальных систем информации по агроэкологическим вопросам и земельным ресурсам.

Одной из методологий, позволяющих оценить эффективность использования земельных ресурсов с применением различных агроприемов и методов управления, является методология агроэкологического зонирования (АЭЗ). Она позволяет определить потенциальную

продуктивность тех или иных культур и пригодность их для возделывания применительно к имеющимся почвам, рельефам и климатическим условиям. Системы АЭЗ на основе экологических переменных позволяют уверенно определять пригодность угодий для возделывания тех или иных культур. Проведение оценок на основе АЭЗ позволяет определить районы со сходным сочетанием ограничительных или положительных факторов для конкретных

культур или видов землепользования. Эти районы определяются в соответствии с климатическими или эдафическими (почвенными) потребностями конкретных культур, представленными в виде набора параметров экологии, климатологии, продуктивности культур, характеристик почвы, агрономии и гидрологии. Оценки АЭЗ также позволяют определить

экономическую целесообразность возделывания избранных культур и провести анализ вариантов мер политики исходя из информации о производственных затратах и рыночных ценах. Одним из наглядных примеров работы в этой области является осуществляемый в настоящее время ФАО проект в Северной Македонии²⁴ (см. **врезку 7**).

ВРЕЗКА 7

ПРИМЕР РАБОТЫ ФАО ПО ОЦЕНКЕ АГРОЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗОНИРОВАНИЯ

В настоящее время ФАО осуществляет в Северной Македонии проект оценки производства сельскохозяйственной продукции на основе национального агроэкологического зонирования (НАЭЗ), информационной системы по рациональному использованию земельных ресурсов (LRIMS) и проработки различных сценариев.

Главная цель проекта заключается в оказании помощи правительству Северной Македонии (прежде всего Министерству сельского, лесного и водного хозяйства (MAFWE) в вопросах оценки производства сельскохозяйственной продукции на основе системы агроэкологического зонирования, информационной системы по рациональному использованию земельных ресурсов и проработки сценариев развития с учетом изменения климата на основе геопространственных технологий. Формирование НАЭЗ, LRIMS и проработка сценариев в Северной Македонии может способствовать работе по вопросам приемов, мер политики и условий инвестиций для формирования устойчивой модели развития в контексте изменения климата.

С этой целью, проектная группа использовала подход, предусматривающий участие широкого круга заинтересованных сторон в разработке системы национального агроэкологического зонирования для Северной Македонии. Этот новый простой подход, разработанный специалистом по АЭЗ груп-

пы по геопространственным системам ФАО Эдже Аксоем (Ece Aksoy), позволил получить ряд полезных результатов в следующих областях: 1) база данных по земельным ресурсам; 2) агроклиматические зоны; 3) агроэкологические зоны; 4) агроэдафические и биофизические ограничения; 5) пригодность культур и уровни продуктивности; 6) агроэкономические оценки; и 7) сельскохозяйственный потенциал конкретных культур.

Эти элементы составляют необходимую исходную информацию и техническую поддержку для картирования необходимых общих почвенных, климатических, топографических и экономических критериев для целей:

- планирования сельскохозяйственного развития;
- агроэкономической оценки культур;
- агроэкологической программы/подходов применительно к избранным культурам;
- оценки влияния изменения климата на сельское хозяйство;
- оценки земельных ресурсов и плодородия почвы;
- планирования землепользования;
- устойчивого освоения и рационального использования земель;
- сельскохозяйственных районов с природными ограничениями;
- снижения рисков стихийных бедствий и управление такими рисками.

ИСТОЧНИК: Agro-Ecological Zoning Atlas of the North Macedonia (ФАО, готовится к публикации).

Изменение направленности продовольственной и сельскохозяйственной политики на достижение целей Повестки дня на период до 2030 года

В «Региональных обзорах состояния продовольственной безопасности и питания в Европе и Центральной Азии» 2017 и 2018 годов (ФАО, 2018к; ФАО, 2018а) рассматривались осуществляемые в последнее время в регионе Европы и Центральной Азии национальные и региональные меры политики и программы с точки зрения их влияния на четыре компонента продовольственной безопасности: наличие, доступность, использование и стабильность. В рамках этих обзоров были также рассмотрены современные экспериментальные инновационные инициативы в регионе, касающиеся вопросов продовольственной безопасности и питания, а также экологических аспектов. Кроме того, в двух последних публикациях ФАО серии «Обзор агропродовольственной торговой политики в постсоветских странах» представлены прекрасные актуальные обзоры торговли агропродовольственной продукцией и мер внутренней поддержки (ФАО, 2017а; ФАО, 2018с). Они были подготовлены в рамках Региональной инициативы 2 ФАО «Развитие агропродовольственной торговли и доступа к международным рынкам в Европе и Центральной Азии».

В настоящее время главная задача заключается в том, чтобы изучить вопрос о том, как можно изменить направленность продовольственной и сельскохозяйственной политики на достижение целей Повестки дня на период до 2030 года, по сути получить максимальную отдачу в интересах малоимущих и обеспечить более полный учет вопросов питания (включая обеспечение экономической доступности здоровых рационов питания и улучшение доступа к ним) и нацеленность на противодействие экологическим и климатическим вызовам. Вполне достаточным руководством для этой работы являются представленные выше два механизма. В настоящем последнем разделе главное внимание уделено изменению направленности политики.

Малоземельные фермерские хозяйства могут успешно конкурировать с крупными коммерческими хозяйствами в плане производственных

издержек. Однако, они по-прежнему имеют ограниченный доступ к инновациям, технологиям, знаниям и информации, необходимым для повышения продуктивности и доходов. Мелкие семейные фермерские хозяйства подвержены влиянию таких неблагоприятных явлений, как засухи и паразиты животных, и сталкиваются с проблемами в плане доступа к производственным ресурсам и рынкам сбыта продукции. Поэтому малоимущие и уязвимые домохозяйства часто применяют стратегии выживания с низким уровнем риска и низкой рентабельностью, что снижает их возможности получения доходов. В рекомендациях относительно изменения направленности мер политики следует особо выделить необходимость обеспечения целенаправленной работы в интересах беднейших, наиболее уязвимых и иным образом социально обособленных групп населения сельских районов, в том числе на основе мер социальной поддержки и других мер управления в условиях рисков для содействия их переходу к использованию устойчивых приемов или, напротив, уходу из этого сектора.

Прежде всего следует отметить, что Соглашение по сельскому хозяйству Всемирной торговой организации (ВТО) и механизм мониторинга сельскохозяйственной политики Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) предполагают изменение направленности политики таким образом, как это изложено выше. Соглашением ограничиваются государственные ассигнования на то, что в нем называется искажающими производство и торговлю мерами, при этом не ограничивается объем ассигнований на общие услуги и меры, направленные на развитие сельских районов. За последние десять лет многие страны Европы и Центральной Азии вступили в ВТО; в результате этого уже происходит существенное изменение направленности мер политики. Подобным же образом, одним из ключевых тезисов Доклада о мониторинге ОЭСР 2018 года (ОЭСР, 2018), равно как и предшествующих изданий этого доклада, был тезис о желательности переноса внимания в вопросах поддержки сельского хозяйства с мер поддержки закупочных цен и доходов фермерских хозяйств (в настоящее время в среднем 86%) на общие услуги и развитие сельских районов, которым в настоящее время уделяется сравни-

тельно малое внимание (14% общего объема поддержки сельского хозяйства в среднем по всем странам ОЭСР).

В двух проведенных недавно исследованиях представлены оценки объемов поддержки сельскохозяйственной продукции в нескольких странах региона ЕЦА, не входящих в ОЭСР. Одно из исследований (Volk *et al.* (2017) проведено по заказу Объединенного исследовательского центра Европейского союза и охватывает пять стран западной части Балканского полуострова (Албанию, Боснию и Герцеговину, Северную Македонию, Сербию и Черногорию). Второе (Kořar *et al.* (2016) охватывает восемь стран (Азербайджан, Армению, Беларусь, Грузию, Казахстан, Республику Молдова, Российскую Федерацию и Украину). В исследовании Kořar *et al.* сделан вывод о том, что во всех восьми странах, по которым проводилось это исследование, бюджетные субсидии производителями осуществлялись исключительно в рамках связанных с производством мер, а уровень поддержки общих услуг или развития сельских районов составлял 20–40% общих бюджетных ассигнований, а в некоторых странах еще меньше.

Применительно к обсуждению желательного изменения направленности мер политики в отношении продовольственных систем и агроэкологических механизмов, а, следовательно, и Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (в докладе ОЭСР также отслеживаются уровни поддержки трех стран региона, не входящих в ОЭСР: Казахстана, Российской Федерации и Украины) можно сформулировать ряд выводов и тезисов. Помимо предложения увеличить поддержку общих услуг и развития сельских районов, в докладе содержится рекомендация снизить или прекратить субсидирование конкретных товаров, чтобы сельское хозяйство стало более диверсифицированным и устойчивым к климатическим, ценовым и другим факторам. В докладе утверждается, что политика поддержки цен имеет отрицательные последствия для продовольственной безопасности, поскольку ее реализация наносит непропорционально большой урон более бедным и уязвимым домохозяйствам. В докладе ОЭСР осуждается практика безусловной поддержки фермерских хозяйств, но поддерживается практика выплат, обусловленных производ-

ством не предназначенных для рынка товаров и услуг, необходимых обществу, например, улучшающих экологические показатели.

Эти предложения сходны с желательными характеристиками мер политики относительно продовольственных систем и агроэкологических механизмов, например, в плане повышения направленности на общие услуги и развитие сельских районов, большей диверсификации сельского хозяйства и увеличения поддержки мелких фермерских хозяйств. Эти меры в основном направлены на улучшение положения бедных и призваны в наибольшей мере способствовать обеспечению здоровых рационов питания семей фермеров и других потребителей с помощью рыночных механизмов, а также тех, кто ведет экологически чистое и устойчивое хозяйство. Отсюда вытекает их тройная польза. В докладе «Мировая продовольственная политика» (Global Food Policy Report) 2019 года также приводится подобная аргументация и содержится призыв возродить сельские районы, уделяя больше внимания проблемам сельского хозяйства и сельских районов, что является одним из наиболее практически целесообразных способов решения вопросов нищеты и отсутствия продовольственной и нутриционной безопасности и, таким образом, внести самый значительный вклад в достижение Целей в области устойчивого развития (IFPRI, 2019).

Согласно представленной ВТО информации относительно мер внутренней поддержки в рамках Соглашения по сельскому хозяйству, в большинстве стран имеются программы развития сельских районов и общих услуг для сельского хозяйства. Но вопрос заключается не в этом. Вопрос заключается в общей направленности, последовательности и масштабах мер, а именно для обеспечения этого и предназначены продовольственные системы и агроэкологические механизмы. В научной литературе приводятся многочисленные примеры успешных политики и мер в этих областях по всему миру. Например, в докладе ОЭСР 2018 года приводятся факты того, что некоторые страны оказывают поддержку сельскому хозяйству, при этом показатели поддержки общих услуг и производителей выше показателей поддержки цен и составляют, например, 71% в Новой Зеландии, 54% в Австралии и 51% в Чили. В противоположность этому, средний показатель по странам ОЭСР

составляет 14%, а по Европейскому союзу – 22%. Подобным же образом, некоторые из этих программ, реализуемых в Бразилии, часто приводятся в качестве примера успешных мер по сокращению масштабов нищеты и повышению качества питания.

Согласно докладу ОЭСР, в качестве примера комплексного решения, в наибольшей степени обеспечивающего желательные параметры продовольственных систем и агроэкологических механизмов, можно привести политику развития сельских районов ЕС даже несмотря на то, что бюджетные ассигнования по этому компоненту считаются гораздо более низкими, чем для других мер политики поддержки фермерских хозяйств.

Политика развития сельских районов Европейского союза нацелена на решение широкого круга экономических, экологических и социальных проблем (см. [врезку 8](#)). Сформулированный в ней подход к возрожде-

нию сельских районов является результатом общей сельскохозяйственной политики; в нем сохранены как основная направленность на фермерские хозяйства, так и увязка с программами ЕС в области сельского хозяйства. На ее осуществление в 2014–2020 годах выделяется почти 100 млрд евро, что составляет около 24% расходов ЕС на политику в области сельского хозяйства и сельских районов. Дополнительное финансирование развития сельских районов осуществляется через другие структурные и инвестиционные фонды ЕС, нацеленные, главным образом, на комплексное развитие территорий и рыбное хозяйство. Конкретные мероприятия в рамках этой политики закладываются в многолетние программы развития сельских районов, разрабатываемые государствами-членами и регионами стран. [Врезка 8](#) представляет ряд отдельных мер, особенно востребованных в более широком контексте развития сельских районов. Государства-члены и регионы при разработке своих программ развития

ВРЕЗКА 8

НАГЛЯДНЫЙ ПРИМЕР СПЕКТРА МЕР ЕС В ОБЛАСТИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ И ЭКОЛОГИИ В РАМКАХ ТЕКУЩЕГО ПРОГРАММНОГО ПЕРИОДА

Ключевые меры в области развития сельских районов

Диверсификация сельских районов и фермерских хозяйств – поддержка предпринимательских стартапов и оказание инвестиционной поддержки несельскохозяйственной деятельности в целях диверсификации экономики сельских районов и улучшения условий жизни в них.

Переработка продукции фермерских хозяйств – поощрение переработки продукции для использования возможностей, открываемых в связи с ростом потребительского спроса на высококачественную продукцию, включая товары с географическим указанием и поддержку переработки на фермах, прямого сбыта и коротких цепочек поставки.

Поддержка кооперации – поддержка кооперации и совместной деятельности мелких производителей, например, организаций производителей.

Обновление поколений – поддержка таких программ, как снижение среднего возраста фермеров и оказание поддержки молодым поколениям во внедрении приемов устойчивого сельского хозяйства.

Услуги и инфраструктура сельских районов – поддержка базовых услуг и возрождения села, включая формирование или улучшение местных базовых услуг и рекреационной инфраструктуры, а также восстановление культурного и природного наследия.

Улучшение состояния окружающей среды

На период 2014–2020 годов государства-члены должны выделить не менее 30% средств бюджета развития сельских районов на мероприятия в области экологии и климата, в том числе, как на агроэкологические и климатические меры (АЭКМ), так и на выплаты фермерам в районах с неблагоприятными для ведения сельского хозяйства условиями (например, в горах или высокогорных районах).

Развитие на местном уровне при ведущей роли общин

Поддержка «низовых» инициатив в области развития на основе подхода «LEADER» (увязка мероприятий по развитию сельских районов), где ведущая роль в определении направлений развития отводится сельским общинам, исходя из соображений оптимального использования местных ресурсов.

сельских районов выбирают из 20 различных мер, прописанных в законодательстве, меры, соответствующие их приоритетам в связи с формулированием программ развития сельских районов.

Увязка с политикой ЕС особенно уместна для региона ЕЦА, поскольку она не только непосредственно применима к 28 государствам-членам ЕС, но и в отношении многих других стран региона, некоторые из которых находятся в процессе присоединения к ЕС, а другие участвуют в диалогах с ним по вопросам политики и развития. Таким образом, модель ЕС служит образцом, который в большей степени знаком большинству стран региона и поэтому его легче адаптировать. Политика ЕС в области развития сельских районов также содержит мощный встроенный механизм мониторинга и оценки, что является слабым звеном во многих других подобных странах. Поэтому главный тезис заключается в том, что есть хорошо задокументированный, знакомый пакет программ, многие компоненты которого желательны с точки зрения изменения направленности политики для достижения целей, поставленных в Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, для обеспечения продовольственной безопасности, питания и устойчивого роста сельского хозяйства.

Подход Европейского союза к развитию сельских районов (единая сельскохозяйственная политика на период после 2020 года) обеспечивает более справедливое распределение выплат фермерам, а также мелким и средним фермерским хозяйствам. Государства-члены могут выделять мелким фермерам значительную сумму на год. Государствам-членам разрешается создавать финансовые инструменты поддержки оборотного капитала для молодых фермеров, которые часто сталкиваются со значительными трудностями в получении финансовых средств в условиях больших объемов инвестиций и низкой рентабельности фермерских хозяйств на начальном этапе.

Для дополнительной поддержки продовольственных систем в интересах преобразования сельских районов необходимо будет задействовать территориальные, учитывающие местную специфику подходы для того, чтобы преодолеть существующее предпочтение городам в государственной политике и учесть пространственные, социальные и культурные аспекты продовольственных систем (FAO, 2017d).

Переход от одной системы к другой – задача не легкая, и ее решение не дается естественным путем. Применение агроэкологических прие-

мов производства влечет за собой изменения в плане доходов и занятости, наличия продовольствия и доступа к нему, качества питания и здоровья, а также окружающей среды. К числу связанных с этим проблем относится и дилемма издержек и цен для фермеров, зависимость потребителей от супермаркетов и парадоксальные требования того, чтобы фермеры продавали высококачественную продукцию по низким ценам. Важно доказать, что агроэкология может быть прибыльной, способна обеспечить не только достижение сиюминутных результатов и дает благоприятные для общества результаты. Еще одной проблемой является выявление средств измерения успешности агроэкологического преобразования. Помимо урожайности, оценка эффективности работы той или иной системы должна включать экологические, экономические и социальные аспекты. Есть целый ряд устоявшихся взглядов и подходов, препятствующих переходу от привычных продовольственных систем к агроэкологии и устойчивым продовольственным системам, включая концентрацию власти, экспортную направленность, отраслевую замкнутость и тезисы «накормить мир» (FAO, 2017e).

Как и при изменении направленности в пользу системного подхода к решению проблем продовольствия, для осуществления перехода от сложившейся системы ведения сельского хозяйства к реализации агроэкологических подходов потребуются выявить и количественно определить эти компромиссы, чтобы в основу мер политики были положены более достоверные эмпирические данные. Меры политики и программы следует осуществлять с привлечением бедных и уязвимых слоев населения, и они должны быть направлены на решение их проблем.

Резюме и основные тезисы

В первом разделе настоящей тематической главы проанализированы структурные преобразования, осуществляемые в странах региона Европы и Центральной Азии и охватывающие общие вопросы экономики, продовольствия и сельскохозяйственного производства, а также моделей потребления продовольствия и рационов питания. Исходя из этого анализа, во втором разделе рассматривался следующий вопрос: куда мы хотим двигаться дальше или что необходимо для осуществления перехода к таким системам производства и моделям потребления, которые способствовали бы достижению целей и решению задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года в области продовольственной

безопасности и питания? Таким образом, во втором разделе основное внимание было уделено новым подходам, предполагающим изменение направленности мер политики и практики на достижение этих целей.

Обзор структурных преобразований экономики стран показал, что в ряде стран региона доля занятых в сельском хозяйстве по-прежнему гораздо больше доли самого сельского хозяйства в экономике, что затрудняет работу по сокращению масштабов нищеты, отсутствия продовольственной безопасности и неполноценного питания в сельских районах. Такие страны должны оказывать дополнительную поддержку сельскому хозяйству и развитию сельских районов и обеспечить для этого дополнительные стимулы с соблюдением обязательств по международным соглашениям и избегая излишнего нарушения функционирования рынков.

Повышение продуктивности сельского хозяйства открывает возможности для повышения качества натурального потребления и доходов фермерских хозяйств, что обеспечивает рост сельского хозяйства, отвечающий интересам малоземельных фермеров и сельскохозяйственных наемных работников. Несельскохозяйственные предприятия дают неимущим возможность избавиться от нищеты, поскольку для их создания обычно не требуется значительный капитал или профессиональная подготовка. Дополнительный доход в результате роста сельского хозяйства может создать спрос на продукцию и услуги таких предприятий, создавая такой созидательный цикл, в котором доходы сельского хозяйства и несельскохозяйственных предприятий растут и одновременно поддерживают взаимный рост.

Необходимы также дополнительные меры политики, направленные на формирование рынка для растущих объемов производимой продукции, особенно продовольствия. Суть проблемы заключается в том, что если продавать эту дополнительную продукцию на местных рынках, то цены упадут, поскольку функция спроса не эластична, а это означает, что выгоду от роста продуктивности сельского хозяйства получают не фермеры, а потребители продовольствия. В этом случае фермеры получают лишь незначительную прибавку доходов или не получают ее вовсе.

Столь же важным элементом такой стратегии является реализация политики социальной защиты, поскольку малоземельные фермеры вполне обоснованно не проявляют готовности брать на себя риски, связанные с применением новых технологий. Неимущие домохозяйства

могли бы сделать выбор в пользу более продуктивных агроприемов при наличии институтов и мер политики, защищающих их от (возможно катастрофических) последствий, поскольку они знали бы, что им не придется голодать в случае неудачи с применением этих новых приемов.

После спада, связанного с переходным периодом 1990-х годов, сельскохозяйственное производство росло уверенными темпами по всему региону Европы и Центральной Азии. Однако в последнее время в нескольких странах, особенно в субрегионах Кавказа, западной части Балканского полуострова и Турции, стала проявляться вызывающая беспокойство тенденция к замедлению темпов роста сельского хозяйства, причем замедление в животноводстве было более значительным, чем в растениеводстве. Необходимо также решать проблему нестабильности тенденций производства, поскольку помимо экономических кризисов и сбоев в глобальной и региональной торговле, все чаще дают о себе знать потрясения, связанные с изменением климата.

Общая структура торговли сельскохозяйственной продукцией в регионе (в стоимостном выражении) медленно меняется: быстрее сокращается доля хлопка; в некоторых субрегионах уменьшается доля зерновых и мяса; растет доля молока; и заметно увеличивается доля фруктов и овощей, что является положительным в плане обеспечения доступа к здоровым рационам питания. Динамика показателей зерновых и хлопка указывает на то, что политика диверсификации растениеводства, объявленная некоторыми правительствами, похоже, приносит результаты.

Помимо нацеленности на улучшение положения неимущих, мелкие и семейные фермерские хозяйства ценятся за их вклад в решение проблем продовольственной безопасности, питания, здорового питания, окружающей среды и устойчивости сектора сельского хозяйства к потрясениям. Таким образом, есть все основания для того, чтобы поддерживать мелкие и семейные фермерские хозяйства с помощью инвестиций в инфраструктуру, формирования и распространения знаний и инноваций, а также формирования необходимых институциональных структур.

Все больше исследований по вопросам эволюции рационов питания в мире указывают на три ключевых вывода: 1) за последние три десятилетия потребление питательных пищевых продуктов и питательных веществ, составляющих здоровый рацион питания, увеличилось; однако 2) масштабы изменений

не соответствуют тому, что необходимо для решения проблем питания и здоровья; но в то же время 3) набирает силу тенденция к росту потребления высококалорийных пищевых продуктов с большим содержанием жиров, сахара и/или соли. Таким образом, проблема рационов питания, с которой сталкивается большинство стран, заключается в том, чтобы увеличить потребление пищевых продуктов, рекомендуемых для здорового питания, и сократить потребление пищевых продуктов, наносящих вред здоровью.

Регион ЕЦА добился значительных успехов в работе по обеспечению здорового питания, увеличив показатели наличия фруктов и овощей для потребления. В 1992–1994 годах средний показатель наличия превышал рекомендуемый ВОЗ уровень в 400 г примерно в половине стран восточной части региона ЕЦА, однако в 2011–2013 годах этот показатель был превышен почти во всех странах. В то же время в докладе «Глобальное бремя болезней» 2017 года констатируется, что в регионе ЕЦА потребление ряда пищевых продуктов/питательных веществ, необходимых для снижения рисков болезней, не соответствует рекомендуемому оптимальному уровню потребления ни по одному связанному с рационом питания показателю.

За последние два десятилетия доля торговли агропродовольственной продукцией в общем объеме торговли изменилась незначительно, однако ее объемы (как экспорт, так и импорт) выросли существенно, что способствует экономическому росту, продовольственной безопасности и питанию в странах, ранее входивших в состав Советского Союза. Продовольствия стало больше, и оно стало более разнообразным, однако увеличился и импорт пищевых продуктов, подвергшихся глубокой технологической переработке, с высоким содержанием жиров, сахара и/или соли. Следует провести дополнительные исследования для выявления факторов, определяющих рост объемов потребления этих пищевых продуктов и их влияния на качество питания, особенно в плане ожирения и неинфекционных заболеваний.

Тематические исследования показывают, что, хотя таможенные тарифы становятся низкими, что способствует расширению и диверсификации торговли агропродовольственной продукцией, этому ожидаемому расширению торговли зачастую мешают нетарифные меры (НТМ). Эти исследования показывают, что, в отличие от таможенных тарифов, НТМ реализуются в самых разнообразных формах и

часто являются непрозрачными, скрытыми в глубинах хозяйственных механизмов и трудно искоренимыми. Поэтому в мире уделяется большое внимание НТМ. По материалам тематических исследований предлагается девять категорий рекомендаций.

В мире предлагаются различные взаимодополняющие подходы к решению проблем продовольствия, питания, здоровья и устойчивости в контексте достижения целей Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Системный подход к решению проблем продовольствия предполагает целостный охват всех элементов продовольственной системы, он помогает определить открывающиеся возможности и компромиссы, необходимые для формирования здоровых рационов питания с учетом необходимости обеспечения экономической, социальной и экологической устойчивости. Этот общий подход зачастую предполагает и использование агроэкологических подходов.

Рекомендации МКП-2, касающиеся продовольственных систем, предполагают более полный учет вопросов питания, содействие диверсификации фермерских хозяйств, поддержку мелких и семейных фермерских хозяйств, стимулирование формирования здоровых и поощрение отказа от нездоровых рационов питания. В последние годы многие правительства стран мира осуществляют инициативы, предусматривающие анализ того, в какой степени меры политики и практики в таких взаимосвязанных отраслях, как продовольствие, сельское хозяйство, образование и здравоохранение, учитывают соображения питания, в том числе в рамках Движения за усиление внимания к проблеме питания. Повышенное внимание уделяется мерам политики регулирования спроса, например, образованию потребителей с целью более осознанного выбора рационов питания и обеспечения здорового образа жизни. В настоящее время диетологические рекомендации по нормам потребления пищевых продуктов имеются в 33 странах ЕЦА. Их ценность заключается в том, что их можно использовать при выработке решений по мерам политики, направленным на преобразование продовольственных систем.

Агроэкология может быть одним из элементов системного подхода к решению проблем продовольствия, поскольку в ее рамках поощряются приемы, положительно влияющие на состояние природных ресурсов, окружающей среды и повышающие устойчивость в силу таких составляющих, как диверсификация, сокращение длины производственно-сбыто-

вых цепочек, поддержка укрепления мелких и семейных фермерских хозяйств и институтов, а также предоставление общих услуг в сельских районах. Таково было содержание одной из главных рекомендаций недавно опубликованного доклада о перспективах продовольствия, фермерских хозяйств и сельских районов в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии (RSA, 2019).

Становится все более очевидной необходимость перехода к обеспечивающим лучшее здоровье рационам питания и устойчивым продовольственным системам, но достижение этих целей – задача непростая. Для ее решения может потребоваться выйти за рамки тематики питания и экологии и заняться экономическими и социально-культурными аспектами. Есть компромиссные решения для достижения всех целей продовольственных систем и агроэкологии, но далеко не очевидно, что можно реализовать все эти цели. Государственная политика призвана сыграть критически важную роль в оценке таких компромиссных решений, она также должна предусматривать стимулы и способствовать созданию благоприятных условий для участия всех мелких собственников.

В регионе Европы и Центральной Азии и в мире есть множество примеров передового опыта в этой области, однако для получения практических результатов необходимо тиражировать этот опыт. С этой целью в 2018 году ФАО возглавила процесс формирования международного агроэкологического партнерского механизма «Инициатива по расширению масштабов применения агроэкологии».

Изменение направленности мер политики и практики в желаемом направлении может быть сложной задачей, но не во всех случаях. Одной из проблемных областей является перенос внимания в вопросах поддержки сельского хозяйства с таких мер политики, как поддержка закупочных цен и платежи, обусловленные определенными показателями производства (объемы которой в настоящее время велики), на общие услуги и развитие сельских районов, которым в настоящее время в регионе ЕЦА уделяется сравнительно мало внимания.

Наглядным примером пакета мер по обеспечению желаемого изменения направленности является политика Европейского союза в области развития сельских районов, являющаяся

вторым основным элементом общей сельскохозяйственной политики. Она содержит много мер, направленных на решение таких экономических, экологических и социальных проблем, стоящих перед сельским хозяйством и сельскими районами, как диверсификация, уделение особого внимания мелким и семейным фермерским хозяйствам, кооперативы, короткие цепочки поставки, переработка на местах, услуги и инфраструктура сельских районов; а также поддержка систем стимулирования и надбавок за применение экологически безопасных приемов.

Роль сельского хозяйства и сельского сектора остается неясной, главным образом, в силу ограниченного понимания влияния используемых в настоящее время продовольственных систем на качество питания, здоровье, социальные и экологические составляющие. Давно назрела необходимость провести глубокий анализ ситуации и политики в некоторых странах региона, который стал бы основой для планирования действенных мер политики. Приоритетное внимание также следует уделять восполнению пробелов в данных, поскольку это является предпосылкой глубокого, основанного на эмпирических данных анализа политики. Например, концепция продовольственных систем включает такие элементы, как производство продовольствия, переработка продовольствия, торговля и сбыт, спрос на продовольствие и предпочтения потребителей, однако в настоящем докладе не рассматриваются вопросы, связанные с переработкой продовольствия (включая перевалку и хранение, маркировку, безопасность и т.д.), в силу отсутствия или недостатка необходимых и сравнимых данных. Поэтому рекомендуется продолжить сбор и анализ данных по тем секторам, где их недостаточно²⁵.

Будет также уделяться внимание проведению анализа с целью изучения потенциальных результатов и компромиссов различных вариантов политики во всех звеньях продовольственной системы, включая такие сквозные вопросы, как, например, гендерная тематика, социальная защита, прямые иностранные инвестиции в пищевую промышленность, образование и наращивание потенциала. Передовой опыт и извлеченные уроки будут обобщены и опубликованы с учетом специфики разных стран такого полного разнообразия региона, как Европа и Центральная Азия. ■

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ahrens, W., Pigeot, I., Pohlabein, H., De Henauw, S., Lissner, L., Molnár, D., Moreno, L.A., Tornaritis, M., Veidebaum, T. & Siani, A. on behalf of the IDEFICS consortium.** 2014. Prevalence of overweight and obesity in European children below the age of 10. *International Journal of Obesity*, 2014(38): S99–S107. (также размещено по адресу: <https://www.nature.com/articles/ijo2014140.pdf>).
- Anderson, K. & Swinnen, J.** 2008. *Distortions to Agricultural Incentives in Europe's Transition Economies*. Washington, D.C.: World Bank. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/6502>
- Bajramović, N., Bogdanov, N., Butković, J., Dimitrievski, D., Erjavec, E., Gjerci, G., Gjokaj, E., et al. (authors); Volk, T., Erjavec, E., Ciaian P. & S. Gomez y Paloma (editors).** 2016. *Analysis of the agricultural and rural development policies of the Western Balkan countries*. EUR 27898 EN, Joint Research Centre, European Commission, doi:10.2791/744295. 132 pp. (также размещено по адресу: http://seerural.org/wp-content/uploads/2016/08/JRC-Technical-Report-2016_Analysis-of-the-agricultural-and-rural-development-policies-of-the-Western-Balkan-countries.pdf).
- Bineau, Y. & Montalbano, P.** 2011. *Selected Developmental Aspects of International Trade and Trade Policies: A literature review*. Funded by the European Commission. Hemel Hempstead, UK, HTSPE Limited. 106 pp. (также размещено по адресу: https://ec.europa.eu/europeaid/sites/devco/files/study-selected-developmental-aspects-of-trade-policies-2011_en_5.pdf).
- Black, R.E., Victora, C.G., Walker, S.P., Bhutta, Z.A., Christian, P., de Onis, M., Ezzati, M., et al.** 2013. Maternal and child undernutrition and overweight in low-income and middle-income countries. *Lancet* 2013, 382(9890): 427–451. [http://dx.doi.org/10.1016/S0140-6736\(13\)60937-X](http://dx.doi.org/10.1016/S0140-6736(13)60937-X)
- Bredenkamp, C., Buisman, L. & Van de Poel, E.** 2014. Persistent inequalities in child undernutrition: evidence from 80 countries from 1990 to today. *International Journal of Epidemiology*, 43(4): 1328–1335. doi:10.1093/ije/dyu075
- Brotanek, J.M., Gosz, J., Weitzman, M. & Flores, G.** 2007. Iron deficiency in early childhood in the United States: risk factors and racial/ethnic disparities. *Pediatrics*, 120(3): 568–575. doi:10.1542/peds.2007-0572
- Bussolo, M., Dávalos, M.E., Peragine, V. & Sundaram, R.** 2019. *Toward a New Social Contract: Taking on Distributional Tensions in Europe and Central Asia*. Europe and Central Asia Studies. Washington, DC, World Bank. doi:10.1596/978-1-4648-1353-5
- Christian, P., Lee, S.E., Donahue Angel, M., Adair, L.S., Arifeen, S.E., Ashorn, P., Barros, F.C., et al.** 2013. Risk of childhood undernutrition related to small-for-gestational age and preterm birth in low- and middle-income countries. *International Journal of Epidemiology*, 2013(42): 1340–55. doi:10.1093/ije/dyt109
- Committee on the Elimination of Discrimination against Women (CEDAW).** 2016. *General recommendation No. 34 on the rights of rural women*. CEDAW/C/GC/34. (also available at https://tbinternet.ohchr.org/Treaties/CEDAW/Shared%20Documents/1_Global/INT_CEDAW_GEC_7933_E.pdf).
- de Onis, M., Borghi, E., Arimond, M., Webb, P., Croft, T., Saha, K., De-Regil, L.M., et al.** 2018. Prevalence thresholds for wasting, overweight and stunting in children under 5 years. *Public Health Nutrition*, 22(1): 175–179. doi:10.1017/S1368980018002434
- Development Initiatives.** 2016. *From Promise to Impact: Ending Malnutrition by 2030*. Bristol, UK. <http://www.globalnutritionreport.org/>

Development Initiatives. 2017. *Global Nutrition Report 2017: Nourishing the SDGs*. Bristol, UK. http://globalnutritionreport.org/wp-content/uploads/2017/11/Report_2017-2.pdf

Development Initiatives. 2018. *2018 Global Nutrition Report: Shining a light to spur action on nutrition*. Bristol, UK. <https://globalnutritionreport.org/reports/global-nutrition-report-2018/>

Dinsa, G.D., Goryakin, Y., Fumagalli, E. & Suhrcke, M. 2012. Obesity and socioeconomic status in developing countries: a systematic review. *Obesity Reviews: An Official Journal of the International Association for the Study of Obesity*, 13 (11): 1067–1079.

EAT-Lancet Commission. 2019. Food in the Anthropocene: the EAT–Lancet Commission on healthy diets from sustainable food systems. *The Lancet Commissions*, 393(10170): 447–492. [http://dx.doi.org/10.1016/S0140-6736\(18\)31788-4](http://dx.doi.org/10.1016/S0140-6736(18)31788-4)

Egger, G., Swinburn, B. & Amirul Islam, F.M. 2012. Economic growth and obesity: An interesting relationship with world-wide implications. *Economics and Human Biology*, 10(2012): 147–153. doi:10.1016/j.ehb.2012.01.002

European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). 2016. *Transition Report 2016-2017. Transition for all: Equal opportunities in an unequal world*. London. <https://www.ebrd.com/news/publications/transition-report/transition-report-201617.html> Chapter 1: Convergence and inequality

European Commission. 2018. Agriculture and Rural Development: School fruit, vegetables and milk scheme. Доступно на веб-сайте *European Commission* по адресу: https://ec.europa.eu/agriculture/school-scheme_en

Falkingham J., Evandrou M. & Lyons-Amos, M. 2012. *Inequalities in child and maternal health outcomes in CEE and the CIS*. Centre for Population Change Working Paper Number 24. Swindon, UK, Economic and Social Research Council. (также размещено по адресу: <https://pdfs.semanticscholar.org/b348/2079ea97d79ae8bc5ce15b972423b4ed6f49.pdf>).

FAO. 2006. *Trade reforms and food security: Country case studies and synthesis*. Rome. 627 pp. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/a-a0581e.pdf>).

ФАО. 2014. *Международный год семейных фермерских хозяйств (МГСФХ) в Европе и Центральной Азии*. Документ ERC/14/5. Двадцать девятая сессия Региональной конференции для Европы. Бухарест, Румыния, 2–4 апреля 2014 г. 13 стр. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/mj624r/mj624r.pdf>).

FAO. 2016a. *Empowering smallholders and strengthening family farms for improved rural livelihoods and poverty reduction*. Fact sheet. 2 pp. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/a-i5751e.pdf>).

ФАО. 2016b. *Региональный обзор по продовольственной безопасности – 2016. Европа и Центральная Азия. Изменение положения дел с продовольственной безопасностью*. Будапешт. 60 стр. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/a-i6877r.pdf>).

FAO. 2017a. *Review of Agricultural Trade Policies in Post-Soviet Countries 2015-16: Summary Report*. Rome. 60 pp. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/a-i8083e.pdf>).

ФАО. 2017b. Региональный симпозиум: Устойчивые продовольственные системы как инструмент обеспечения здорового рациона питания в странах Европы и Центральной Азии. Доступно на веб-сайте *Регионального отделения ФАО для Европы и Центральной Азии* по адресу: <http://www.fao.org/europe/event/detail-events/ru/c/1045984/>

БИБЛИОГРАФИЯ

- FAO.** 2017c. *Nutrition-sensitive agriculture and food systems in practice: Options for intervention*. Revised edition. Rome. 102 pp. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/a-i7848e.pdf>).
- ФАО.** 2017d. *Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства – 2017. Использование продовольственных систем для всеобъемлющих преобразований в сельских районах*. Рим. 191 стр. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/a-l7658r.pdf>).
- FAO.** 2017e. *Report of the Regional Symposium on Agroecology for Sustainable Agriculture and Food Systems for Europe and Central Asia*. Rome. 86 pp. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/a-i7604e.pdf>).
- ФАО.** 2018a. *Региональный обзор состояния продовольственной безопасности и питания в Европе и Центральной Азии – 2018. Роль миграции, сельских женщин и молодежи в устойчивом развитии*. Будапешт. 124 стр. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/CA2703ru/CA2703ru.pdf>).
- FAO.** 2018b. *Sustainable food systems: Concept and framework*. Rome. 8 pp. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/ca2079en/CA2079EN.pdf>).
- FAO.** 2018c. *Review of agricultural trade policies in the post-Soviet countries, 2016-17: Summary Report*. Rome. 68 pp. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/CA0879EN/ca0879en.pdf>).
- FAO.** 2018d. *Chair's Summary*. 2nd International Symposium on Agroecology: Scaling up agroecology to achieve the Sustainable Development Goals (SDGs), held 3–5 April 2018. Rome. 7 pp. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/CA0346EN/ca0346en.pdf>).
- ФАО.** 2018e. *Устойчивые агропродовольственные системы в Европе и Центральной Азии в условиях изменения климата*. Региональная конференция ФАО для Европы. Воронеж, Российская Федерация, 16-18 мая 2018 г.
- ФАО.** 2018f. *Итоги Регионального симпозиума "Устойчивые продовольственные системы как инструмент обеспечения здорового рациона питания в странах Европы и Центральной Азии"*. Региональная конференция ФАО для Европы, тридцать первая сессия, Воронеж, Российская Федерация, 16–18 мая 2018. Рим.
- FAO.** 2018g. *Catalysing dialogue and cooperation to scale up agroecology: Outcomes of the FAO regional seminars on agroecology*. Rome. 130 pp. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/I8992EN/i8992en.pdf>).
- ФАО.** 2018h. *Веб-приложение к документу ERC/18/2: Устойчивое сельское хозяйство и устойчивые продовольственные системы в Европе и Центральной Азии в условиях изменяющегося климата*. Тридцать первая сессия Региональной конференции ФАО для Европы. Воронеж, Российская Федерация, 16–18 мая 2018 г. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/MW159RU/mw159ru.pdf>).
- FAO.** 2018i. *Strengthening sector policies for better food security and nutrition results. Food Systems for Healthy Diets Policy Guidance Note No. 12*. Rome. 48 pp. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/CA2797EN/ca2797en.pdf>).
- FAO.** 2018j. *FAO's Work on Agroecology: A pathway to achieving the SDGs*. Rome. 28 pp. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/i9021en/i9021en.pdf>).
- ФАО.** 2018k. *Положение дел в области продовольственной безопасности в Европе и Центральной Азии - 2017*. Будапешт. 84 стр. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/a-i8194ru.pdf>).

FAO. 2019a. Government Expenditure Data. Доступно на веб-сайте ФАОСТАТ, Рим, по адресу: <http://www.fao.org/economic/ess/investment/expenditure/en/>

FAO. 2019b. Food Balance Sheets. Доступно на веб-сайте ФАОСТАТ [по состоянию на 31 мая 2019 года] по адресу: <http://www.fao.org/faostat/ru/#data/FBS>

FAO. 2019c. Gender, agriculture and rural development in Uzbekistan. Country gender assessment series. Budapest. 88 pp. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/ca4628en/CA4628EN.pdf>).

FAO. Готовится к публикации (a). *Empowering Smallholders and Family Farms in Europe and Central Asia: Regional Synthesis Report*. Support to the Implementation of the Regional Initiative on Empowering Smallholders and Family Farms (TCP/RER/3601).

FAO. Готовится к публикации (b). *Agro-Ecological Zoning Atlas of North Macedonia. Assessment of Agricultural Production through NAEZ and LRIMS and Scenario Development* (TCP/MCD/3602)

FAO и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). 2014. *Рамочная программа действий: от слов к делу*. Итоговый документ Конференции ICN2 2014/3 Corr.1, МКП-2, Рим, 19-21 ноября 2014 г. Рим, ФАО. 9 стр. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/a-mm215r.pdf>).

FAO и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). 2014. *Итоговый документ Конференции: Римская декларация по вопросам питания. Вторая международная конференция по вопросам питания. Рим, ФАО. 7 стр.* (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/a-m1542r.pdf>).

FAO и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). 2017. *Устойчивые продовольственные системы как инструмент обеспечения здорового рациона питания в странах Европы и Центральной Азии. Региональный симпозиум ФАО/ВОЗ и инициатива в сотрудничестве с ЮНИСЕФ и ВПП*. Будапешт, ФАО. 7 стр. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/mw166ru/mw166ru.pdf>).

FAO, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ. 2018. *Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2018. Повышение устойчивости к климатическим воздействиям в целях обеспечения продовольственной безопасности и питания*. Рим, ФАО. 201 стр. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/i9553ru/i9553ru.pdf>).

FAO, МФСР, ЮНИСЕФ, ВПП и ВОЗ. 2019. *Положение дел в области продовольственной безопасности и питания в мире – 2019. Меры защиты от замедления роста экономики и экономических спадов*. Рим, ФАО. 241 стр. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/ca5162ru/ca5162ru.pdf>).

Fox, K. & Heaton, T.B. 2012. Child nutritional status by rural/urban residence: a cross-national analysis. *J Rural Health*, 28(4):380–391. Fall 2012. doi:10.1111/j.1748-0361.2012.00408.x

GBD 2017 Diet Collaborators. 2019. Health effects of dietary risks in 195 countries, 1990–2017: a systematic analysis for the Global Burden of Disease Study 2017. *The Lancet*, 3 April 2019. doi:10.1016/S0140-6736(19)30041-8

Gharleghi, B. & Popov, V. 2018. Farewell to agriculture? Productivity trends and the competitiveness of agriculture in Central Asia. Доступно на веб-сайте *Dialogue of Civilizations Research Institute*, Берлин, по адресу: <https://doc-research.org/2018/10/farewell-agriculture-productivity-trends-competitiveness-agriculture-central-asia/>

БИБЛИОГРАФИЯ

- Gollin, D.** 2018. *Farm size and productivity: Lessons from recent literature*. IFAD Research Series No. 34. Rome, IFAD. (также размещено по адресу: <https://www.ifad.org/documents/38714170/40974017/Research+Series+34.pdf/64a10247-6fdd-e397-b75b-3d45767d956c>).
- Government of France.** 2016. *The Agroecology Project in France. Ministry of Agriculture, Agrifood and Forestry*. (также размещено по адресу: <https://agriculture.gouv.fr/sites/minagri/files/1604-aec-aeenfrance-dep-gb-bd1.pdf>).
- Gray, S.C., Edwards, S.E., Schultz, B.D. & Miranda, M.L.** 2014. Assessing the impact of race, social factors and air pollution on birth outcomes: a population based study. *Environmental Health*, 13 (4). (также размещено по адресу: <https://ehjournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/1476-069X-13-4>).
- Gu, H., Wang, L., Liu, L., Luo, X., Wang, J., Hou, F., Nkomola, P.D., et al.** 2017. A gradient relationship between low birth weight and IQ: A meta-analysis. *Scientific Reports*, 7(1):18035. doi:10.1038/s41598-017-18234-9
- Группа экспертов высокого уровня (ГЭВУ).** 2013. *Инвестирование в мелкомасштабное сельское хозяйство в интересах продовольственной безопасности*. Доклад группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности. Доклад №6. Рим. 136 стр. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/a-i2953r.pdf>).
- Группа экспертов высокого уровня (ГЭВУ).** 2014. *Продовольственные потери и пищевые отходы в контексте устойчивых продовольственных систем*. Доклад группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности. Доклад №8. Рим. 142 стр. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/a-i3901r.pdf>).
- Группа экспертов высокого уровня (ГЭВУ).** 2017. *Питание и продовольственные системы*. Доклад группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания Комитета по всемирной продовольственной безопасности. Доклад №12. Рим. 190 стр. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/i7846RU/i7846ru.pdf>).
- High Level Panel of Experts (HLPE).** 2019. *Agroecological and other innovative approaches for sustainable agriculture and food systems that enhance food security and nutrition*. A report by the High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition of the Committee on World Food Security. Report No. 14. Rome. 163 pp. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/ca5602en/ca5602en.pdf>).
- International Food Policy Research Institute (IFPRI).** 2019. *2019 Global Food Policy Report*. Washington, DC, IFPRI. <https://doi.org/10.2499/9780896293502>
- IPES-Food.** 2018. *Breaking away from industrial food and farming systems: Seven case studies of agroecological transition*. Report by the International Panel of Experts on Sustainable Food Systems (IPES-Food). (также размещено по адресу: http://www.ipes-food.org/_img/upload/files/CS2_web.pdf).
- Jornayvaz, F.R., Vollenweider P., Bochud, M., Mooser, V., Waeber, G. & Marques-Vidal, P.** 2016. Low birth weight leads to obesity, diabetes and increased leptin levels in adults: the CoLaus study. *Cardiovascular Diabetology*, 15(73). <https://doi.org/10.1186/s12933-016-0389-2>

Lerman, Z. 2012. *Land reform and farm performance in Europe and Central Asia: a 20 year perspective*. Center for Agricultural Economic Research Discussion Papers. Discussion Paper 2.12. Background paper for the Twenty-eighth FAO Regional Conference for Europe, held in Baku, Azerbaijan, April 2012.

Lerman, Z. & Sedik, D. 2009. *Sources of Agricultural Productivity Growth in Central Asia: The Case of Tajikistan and Uzbekistan*. Policy Studies on Rural Transition No. 2009-5. Budapest, FAO. 18 pp. (также размещено по адресу: <http://www.fao.org/3/a-aq337e.pdf>).

Loring, B. & Robertson, A. 2014. *Obesity and inequities: Guidance for addressing inequities in overweight and obesity*. Copenhagen, WHO Regional Office for Europe. 48 pp. (также размещено по адресу: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0003/247638/obesity-090514.pdf).

Kožar, M., Pintar, M., Volk, T., Rednak, M., Rac, I. & Erjavec, E. 2016. *Agriculture and agricultural policy in Eastern European neighbourhood*. Conference paper, 155th Conference of European Association of Agricultural Economists (EAAE), 19–21 September 2016, Kiev, Ukraine. <https://ageconsearch.umn.edu/record/245877/>

Matthews, A. 2019. Europe's experience – Investing in rural revitalization. In *2019 Global food policy report*. Chapter 9, pp. 78–85. Washington, DC, International Food Policy Research Institute (IFPRI). https://doi.org/10.2499/9780896293502_09

Mazzocchi, M., Shankar, B. & Traill, B. 2012. *The development of global diets since ICN 1992: Influences of agri-food sector trends and policies*. FAO Commodity and Trade Policy Research Working Paper, 34. Rome, FAO. 52 pp. (также размещено по адресу <http://www.fao.org/3/a-ap625e.pdf>).

Mazzocchi, M., Capacci, S., Shankar, B. & Traill, B. 2014. *Agri-Food systems for better nutrition in Europe and Central Asia*. Policy Studies on Rural Transition No. 2014-1, FAO Regional Office for Europe and Central Asia. Budapest, FAO. 104 pp. (также размещено по адресу <http://www.fao.org/3/CA1816EN/ca1816en.pdf>).

McCorrison, S., Hemming, D.J., Lamontagne-Godwin, J.D., Parr, M.J., Osborn, J. & Roberts, P.D. 2013. *What is the evidence of the impact of agricultural trade liberalisation on food security in developing countries? A systematic review*. London, EPPI-Centre, Social Science Research Unit, Institute of Education, University of London.

Newton, S., Braithwaite, D. & Akinyemiju, T.F. 2017. Socio-economic status over the life course and obesity: Systematic review and meta-analysis. *PLoS One*, 12(5): e0177151.

Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD). 2018. *Agricultural Policy Monitoring and Evaluation 2018: Part I. Developments in Agricultural Policy and Support*. OECD Working Party on Agricultural Policies and Markets. Agricultural Policy Monitoring and Evaluation 2018, TAD/CA/APM/WP(2018)8/FINAL. Paris.

Paciorek, C.J., Stevens, G., Finucane, M.M. & Ezzati, M. 2013. Children's height and weight in rural and urban populations in low-income and middle-income countries: a systematic analysis of population-representative data. *The Lancet Global Health*, 1(5): E300–E309, 1 November 2013.

Perez-Escamilla, R., Bermudez, O., Buccini, G.S., Kumanyika, S., Lutter, C.K., Monsivais, P. & Victora, C. 2018. Nutrition disparities and the global burden of malnutrition. *BMJ*, 2018(361): k2252. <https://doi.org/10.1136/bmj.k2252>

БИБЛИОГРАФИЯ

- Pingali, P.** 2015. Agricultural policy and nutrition outcomes – getting beyond the preoccupation with staple grains. *Food Sec*, 2015(7): 583–591. <https://link.springer.com/article/10.1007/s12571-015-0461-x>
- Pinstrup-Andersen, P., ed.** 2015. *Food Price Policy in an Era of Market Instability: A Political Economy Analysis*. UNU-WIDER Studies in Development Economics. Oxford, UK, Oxford University Press. <http://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198718574.001.0001>
- Ravallion, M., Shaohua, C. & Sangraula, P.** 2007. *New evidence on the urbanization of global poverty*. Background paper for the World Development Report, 2008. Washington, DC, World Bank.
- Rosset, P.M.** 1999. *The Multiple Functions and Benefits of Small Farm Agriculture in the Context of Global Trade Negotiations*. Policy brief prepared for the Cultivating Our Futures FAO/Netherlands Conference on the Multifunctional Character of Agriculture and Land, held 12–17 September 1999 in Maastricht, Netherlands. https://www.iatp.org/sites/default/files/Multiple_Functions_and_Benefits_of_Small_Farm_.htm
- Royal Society for the encouragement of Arts, Manufactures and Commerce (RSA).** 2019. Our Future in the Land. RSA Food, Farming and Countryside Commission. London. 84 pp. ISBN: 978-1-911532-33-0. (также размещено по адресу: <https://www.thersa.org/discover/publications-and-articles/reports/future-land>).
- Ruiz, M., Goldblatt, P., Morrison, J., Porta, D., Forastiere, F., Hryhorczuk, D., Antipkin, Y., et al.** 2016. Impact of Low Maternal Education on Early Childhood Overweight and Obesity in Europe. *Paediatr Perinat Epidemiol*, 30(3):274–284. doi:10.1111/ppe.12285
- Timmer, P. & Akkus, S.** 2008. *The structural transformation as a pathway out of poverty: Analytics, empirics and politics*. Working Paper Number 150, Washington, D.C., Center for Global Development. <https://www.cgdev.org/publication/structural-transformation-pathway-out-poverty-analytics-empirics-and-politics-working>
- United Nations Decade of Action on Nutrition Secretariat.** 2019. UN Decade of Action on Nutrition 2016–2025: Work Programme. (также размещено по адресу: https://www.un.org/nutrition/sites/www.un.org.nutrition/files/general/pdf/work_programme_nutrition_decade.pdf).
- United Nations Children’s Fund (UNICEF) & World Health Organization (WHO).** 2019. *UNICEF-WHO Low birthweight estimates: Levels and trends 2000–2015*. Geneva, WHO. 36 pp. (также размещено по адресу: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/324783/WHO-NMH-NHD-19.21-eng.pdf?ua=1>).
- United Nations Children’s Fund (UNICEF), World Health Organization (WHO) & World Bank (WB).** 2019. *Levels and trends in child malnutrition: key findings of the 2019 Edition of the Joint Child Malnutrition Estimates*. Geneva, WHO. <https://data.unicef.org/wp-content/uploads/2019/04/Joint-malnutrition-estimates-March2019-1.pdf>
- United Nations System Standing Committee on Nutrition (UNSCN).** 2016a. *Enhancing Coherence between Trade Policy and Nutrition Action - Implementing the Framework for Action of the Second International Conference on Nutrition*. Discussion Paper. Rome. <https://www.unscn.org/uploads/web/news/document/UNSCN-Trade-and-Nutrition-DP-EN.pdf>
- United Nations System Standing Committee on Nutrition (UNSCN).** 2016b. *Impact assessment of policies to support healthy food environments and healthy diets - Implementing the Framework for Action of the Second International Conference on Nutrition*. Discussion paper. Rome.

Постоянный комитет Организации Объединенных Наций по проблемам питания (ПКП ООН). 2017. *Устойчивые рационы питания для здоровья людей и здоровья планеты*. Дискуссионный документ. Рим.

Van de Poel, E., Hosseinpoor, A.R., Speybroeck, N., Van Ourti, T. & Vega, J. 2008. Socioeconomic inequality in malnutrition in developing countries. *Bulletin of the World Health Organization*, 86(4): 282–291. <http://dx.doi.org/10.2471/BLT.07.044800>

Volk, T., Rednak, M., Erjavec, E., Zhllima, E., Gjerci, G., Bajramović, S., Vaško, Ž., et al., authors; Volk, T., Erjavec, E., Ciaian & P., Gomez y Paloma, S., eds. 2017. *Monitoring of agricultural policy developments in the Western Balkan countries*. Joint Research Centre, European Commission, EUR 28527 EN, doi: 10.2760/146697

World Health Organization (WHO). 2015. *Healthy diet*. Fact sheet No. 394. Updated May 2015. Geneva. https://www.who.int/nutrition/publications/nutrientrequirements/healthydiet_factsheet394.pdf

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). 2018. Ожирение и избыточный вес. Доступно на веб-сайте *Всемирной организации здравоохранения* по адресу: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/obesity-and-overweight>

World Health Organization (WHO) & United Nations Children's Fund (UNICEF). 2018. *The extension of the 2025 Maternal, Infant and Young Child nutrition targets to 2030*. Discussion paper. <https://www.who.int/nutrition/global-target-2025/discussion-paper-extension-targets-2030.pdf?ua=1>

ВОЗ/NCD-RisC и Глобальная обсерватория здравоохранения ВОЗ. 2017. Доступно на веб-сайте *Data Repository* по адресу: <https://www.who.int/gho/ru/>

World Bank (WB). 2014. *Learning from World Bank history: Agriculture and food-based approaches for addressing malnutrition*. Agriculture and Environmental Services Discussion Paper no. 10, Washington, DC, World Bank. <http://documents.worldbank.org/curated/en/497241468168227810/pdf/887400NWP0Box30ning0from0WB0History.pdf>

World Bank (WB). 2016. *Poverty and Shared Prosperity 2016: Taking on Inequality*. Washington, DC. <https://www.worldbank.org/en/publication/poverty-and-shared-prosperity-2016>

World Bank (WB). 2018a. *Poverty and Shared Prosperity 2018: Piecing Together the Poverty Puzzle*. Washington, DC. 200 pp. <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30418/9781464813306.pdf>

World Bank (WB). 2018b. *Living and Leaving: Housing, Mobility and Welfare in the European Union*. Washington, DC. <https://www.worldbank.org/en/region/eca/publication/living-and-leaving>

Yang, F., Liu, X. & Zha, P. 2018. Trends in socioeconomic inequalities and prevalence of anaemia among children and nonpregnant women in low- and middle-income countries. *JAMA Network Open*, 1(5): e182899. doi:10.1001/jamanetworkopen.2018.2899

ПРИМЕЧАНИЯ

1 В состав различных субрегионов Европы и Центральной Азии, упоминаемых в настоящем докладе входят следующие страны: Кавказ (3) – Азербайджан, Армения и Грузия; Центральная Азия (5) – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан; европейские страны Содружества Независимых Государств (СНГ) (4) – Беларусь, Республика Молдова, Российская Федерация и Украина; западная часть Балканского полуострова и Турция (6) – Албания, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия, Турция и Черногория; страны Европейского союза (28) – Австрия, Бельгия, Болгария, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швеция и Эстония; и Европейская ассоциация свободной торговли (ЕАСТ) – Исландия, Лихтенштейн, Норвегия и Швейцария; и прочие.

2 Согласно классификации Статистического отдела Организации Объединенных Наций (<https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49/>): к Восточной Европе относятся: Беларусь, Болгария, Венгрия, Польша, Республика Молдова, Российская Федерация, Румыния, Словакия, Украина и Чехия; к Северной Европе относятся: Аландские острова, Дания, Ирландия, Исландия, Латвия, Литва, Норвегия, Нормандские острова, остров Мэн, острова Свальбард и Ян-Майен, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Фарерские острова, Финляндия, Швеция и Эстония; к Южной Европе относятся: Албания, Андорра, Босния и Герцеговина, Гибралтар, Греция, Испания, Италия, Мальта, Португалия, Сан-Марино, Святой Престол, Северная Македония, Сербия, Словения, Хорватия и Черногория; и к Западной Европе относятся: Австрия, Бельгия, Германия, Лихтенштейн, Люксембург, Монако, Нидерланды, Франция и Швейцария. В соответствии с данной классификацией Кипр и Турция относятся к географической группе Западной Азии.

3 В механизм мониторинга для ЦУР, одобренный странами-членами Статистической комиссии ООН в марте 2017 года и принятый Генеральной Ассамблеей ООН 6 июля 2017 года, включен индикатор для мониторинга показателя ЦУР 2.1.2: распространенность умеренного

или острого отсутствия продовольственной безопасности ($FI_{mod+sev}$), вычисляемый на основании шкалы восприятия отсутствия продовольственной безопасности.

4 При составлении доклада не проводился статистический анализ этой разницы. Однако эта разница может свидетельствовать о гендерном неравенстве в обществе, которое выражается в форме доступа к продовольствию.

5 Данные имеются по большему числу стран, однако они еще не опубликованы и ожидают разрешения правительств после проведения консультаций в странах.

6 Пороговые значения масштабов распространения задержки роста, истощения и избыточной массы тела среди детей в возрасте до пяти лет были установлены в 2018 году Технической консультативной группой ВОЗ-ЮНИСЕФ по мониторингу в области питания (TEAM) для целей, в частности, толкования тенденций (de Onis et al., 2018). Эти пороговые значения были разработаны в отношении стандартных отклонений в соответствии с принятыми ВОЗ показателями роста детей. Пороговые значения масштабов распространения (в процентах) избыточной массы тела и истощения одинаковы: < 2,5 (очень низкий), 2,5 – < 5 (низкий), 5 – < 10 (средний), 10 – < 15 (высокий) и ≥ 15 (очень высокий). Для задержки роста пороговые значения в процентах составляют: < 2,5 (очень низкий), 2,5 – < 10 (низкий), 10 – < 20 (средний), 20 – < 30 (высокий) и ≥ 30 (очень высокий).

7 Для выявления ключевых факторов потребуется задействовать механизм анализа множественных переменных.

8 Эти различия по гендерному признаку (и другим социально-экономическим факторам) представляют собой простую разницу средних значений этих двух подвыборок и не указывают на разницу в статистическом смысле; поэтому наблюдаемые различия могут не быть статистически значимыми.

9 Сообщается, что данные по странам-членам ЕС и ЕАСТ основываются на региональном докладе Всемирного банка *Living and Leaving: Housing, Mobility and Welfare in the European Union*, 2018.

10 Расходы на сельское хозяйство понимаются как сумма расходов правительства исключительно на сельскохозяйственный сектор без учета других секторов, которые косвенно затрагивают сельское хозяйство (включая расходы, связанные с инфраструктурой сельских районов, пищевую промышленность и т.д.). Эти показатели отражают, главным образом, расходы национальных правительств без учета бюджетов децентрализованных органов государственного управления. Средства на развитие сельского хозяйства и сельских районов отражены в составе общего счета органов управления, а не счета центрального правительства. Этот подход носит строго отраслевой характер и не согласован с подходом, предполагающим охват продовольственной системы в целом. Некоторые части этого раздела могут отражать другие расходы, связанные с сельским хозяйством, помимо расходов на сельское хозяйство по общему счету органов управления. Однако в нем могут быть отражены не все расходы на сельское хозяйство и развитие сельских районов, поэтому представленные в нем данные могут быть ниже реальных показателей.

11 Можно утверждать, что десятипроцентный целевой показатель более уместен для таких регионов, как Африка, где сельское хозяйство составляет значительную долю экономики и занятости, чем для региона Европы и Центральной Азии (ЕЦА). Более того, правила Всемирной торговой организации дают странам Африки более значительную свободу для применения искажающих торговлю мер поддержки, однако для большинства стран обоих регионов не установлено таких ограничений расходов, которые считались бы не искажающими торговлю. В некоторых странах региона ЕЦА существуют конкретные целевые или пороговые показатели для ограничения расходов. Например, в рамках Евразийского экономического союза конкретно оговорены предельные значения мер поддержки, оказывающих искажающее воздействие на торговлю. На Украине на 2017–2021 годы предусматривается, что ежегодные бюджетные ассигнования сельхозпроизводителям должны составлять не менее одного процента валового продукта сельского хозяйства.

12 Примеры стран западной части Балканского полуострова см. OECD, 2018, и Volk *et al.*, 2017.

13 Семейные фермерские хозяйства бывают большими и малыми. В тексте настоящего раздела термин «семейные фермерские хозяйства» охватывает малые фермерские хозяйства.

14 Программой ФАО в Европе и Центральной Азии охвачены: Азербайджан, Албания, Армения, Беларусь, Босния и Герцеговина, Грузия, Казахстан, Косово*, Кыргызстан, Республика Молдова, Северная Македония, Сербия, Таджикистан, Туркменистан, Турция, Черногория, Узбекистан и Украина.

* Упоминания Косово следует рассматривать в контексте резолюции Совета Безопасности 1244 (1999).

15 Как подробно рассматривалось в докладе 2013 года Группы экспертов высокого уровня по вопросам продовольственной безопасности и питания (ГЭВУ, 2013), понятия малых фермерских хозяйств, мелких собственников или семейных фермерских хозяйств невозможно определить только по таким критериям, как размер владения, уровень дохода и т.д. Для каждого региона или контекста следует использовать соответствующий набор критериев. Действительно, как отмечалось выше, определение мелких собственников и/или семейных фермерских хозяйств в большинстве стран бывшего Советского Союза сформулировать легче, поскольку там в настоящее время существует три вида хозяйств: крупные сельскохозяйственные предприятия, средние крестьянские хозяйства и малые приусадебные участки, оставшиеся еще со времен Советского Союза (см. также Lerman and Sedik, 2009).

16 Однако, хотя зачастую зависимость между масштабами фермерского хозяйства и урожайностью может быть обратной, как правило имеет место и очевидная прямая зависимость между этими масштабами и производительностью труда, а это означает, что стратегия развития на основе мелких хозяйств может в какой-то период потерять актуальность для развития сельского хозяйства и структурных преобразований (Gollin, 2018).

17 Все статистические данные, приводимые в настоящем разделе, отражают видимое потребление

ПРИМЕЧАНИЯ

согласно Продовольственным балансам ФАО по состоянию на май 2019 года (FAO, 2019b). В Продовольственных балансах указывается «среднее количество пищевых продуктов, доступных для потребления в пищу» (видимое потребление), что в силу ряда причин (например, с учетом потерь и порчи), скорее всего, превышает среднее количество потребляемых пищевых продуктов, то есть фактическое среднее потребление пищевых продуктов. Видимое потребление рассчитывается как объем производства за вычетом непродовольственного использования и экспорта с прибавлением импорта и прибавлением или за вычетом запасов.

18 В июле 2019 года ФАО и ВОЗ провели международное консультативное совещание по устойчивым и здоровым рационам питания, на котором группа экспертов рассмотрела концепцию рационов питания, способствующих достижению целей обеспечения здоровья и благополучия, с учетом эмпирических данных, касающихся экономической, социальной и экологической устойчивости. На этом консультативном совещании были выработаны руководящие принципы формирования устойчивых здоровых рационов питания, которые ко времени публикации настоящего регионального обзора еще не были выпущены. Эти руководящие принципы формирования устойчивых здоровых рационов питания будут положены в основу мероприятий в рамках Десятилетия действий Организации Объединенных Наций по проблемам питания (2016–2025 годы) и по достижению Целей в области устойчивого развития.

19 В отличие от рекомендаций относительно фруктов и овощей, в отношении рыбы и других рассматриваемых в настоящем докладе пищевых продуктов нет каких бы то ни было общепринятых рекомендаций. Однако рекомендации исследования GBD 2017 года и доклада Комиссии «EAT-Lancet» можно взять в качестве ценных справочных значений.

20 Задача Глобального инструмента ФАО и ВОЗ для обработки данных об индивидуальном потреблении пищевых продуктов заключается в том, чтобы обеспечить открытый доступ к имеющимся количественным данным по всем странам мира относительно индивидуального потребления пищевых продуктов, которые собираются на основе широких общенациональных и маломасштабных обследований. См.: <http://www.fao.org/gift-individual-food-consumption/en/>

21 Примечание относительно данных: все приведенные здесь данные являются совокупными данными по десяти странам бывшего Советского Союза за самый ранний и поздний периоды, загруженными из базы WITS по состоянию на 2 июля 2019 года (на основе КОМТРЕЙД ООН). В их число вошли: Азербайджан, Армения, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Республика Молдова, Российская Федерация, Таджикистан и Украина. Однако по некоторым странам и некоторым годам возможны пропуски в силу проблем с представлением отчетности. Данные по Туркменистану и Узбекистану представлены в КОМТРЕЙД ООН не за весь период.

По позициям «сельскохозяйственная продукция», «ведущие экспортные товары» и «ведущие импортные товары» представлены пять видов сельскохозяйственной продукции с самыми большими объемами торговли на уровне двузначных кодов Гармонизированной системы (ГС) (за исключением обозначенных в Соглашении ВТО по сельскому хозяйству четырехзначными позициями). Согласно определению Соглашения ВТО по сельскому хозяйству, оно охватывает сельскохозяйственные товары групп 1–24 ГС, за исключением рыбы и рыбопродуктов, а также ряд промышленных сельскохозяйственных продуктов (дополнительную информацию см. «Международно-правовые документы: результаты Уругвайского раунда многосторонних торговых переговоров» ВТО). Это определение не соответствует определению сельскохозяйственной продукции, представленному в разбивке данных товарной торговли по основным группам товаров (см. выше).

22 Страновые исследования ЕЭК ООН размещены на следующем веб-сайте: <https://www.unecce.org/tradewelcome/studies-on-regulatory-and-procedural-barriers-to-trade.html>

23 Размещено по адресу: http://www.fao.org/fsnforum/cfs-hlpe/discussions/agroecology_innovation-v0

24 Более подробную информацию о проекте «Assessment of agriculture production through NAEZ and LRIMS and scenario development in the Republic of North Macedonia» см. <http://www.fao.org/3/i7991e/i7991E.pdf>

25 В настоящее время в регионе Европы и Центральной Азии осуществляется проект, посвященный КВР, называемый: «Программная поддержка роли продовольственных систем в изменении рационов питания и профилактике неполноценного питания в регионе ЕЦА» (Programme support for the role of food systems in the transition of diets and prevention of malnutrition in the ECA region). Результаты этого проекта еще не обнародованы.

2019

ЕВРОПА И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОБЗОР СОСТОЯНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПИТАНИЯ

СТРУКТУРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ В ИНТЕРЕСАХ УЛУЧШЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ПИТАНИЯ И ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

«Региональный обзор состояния продовольственной безопасности и питания в Европе и Центральной Азии 2019» состоит из трех основных разделов: 1) углубленный анализ ситуации в отношении выполнения Задачи 2.1 (покончить с голодом и обеспечить всем доступ к безопасной, питательной и достаточной пище) и Задачи 2.2 (покончить со всеми формами недоедания) Цели 2 в области устойчивого развития, а также анализ положения дел с дефицитом питательных микроэлементов; 2) анализ факторов, определяющих состояние продовольственной безопасности и питания; 3) структурные преобразования сельского хозяйства, продовольственных систем и питания, которым в обзоре уделено особое внимание.

В данной публикации представлен анализ распространенности умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности, основанный на обследованиях, проведенных при помощи шкалы восприятия отсутствия продовольственной безопасности. Согласно новым оценкам, масштабы распространенности умеренного или острого отсутствия продовольственной безопасности могут быть довольно значительными, и даже во многих странах ЕЦА с относительно высоким уровнем доходов положение дел в этом отношении является неоднозначным. Неполющенное питание в разной степени присутствует во всех странах региона, а распространенность избыточного веса и ожирения является угрожающе высокой и постоянно увеличивается.

В обзоре рассматриваются два важных фактора, определяющих отсутствие продовольственной безопасности и неполющенное питание: социально-экономическое неравенство и государственные расходы на сельское хозяйство. В обзоре подчеркивается важность рассмотрения вопросов социально-экономического неравенства при разработке мер политики, программ и мероприятий в области продовольствия и питания, а также делается вывод о том, что большинство стран региона возможно недостаточно инвестируют в сектор сельского хозяйства, столь важный для экономики и для обеспечения продовольственной безопасности и питания.

В обзоре анализируются структурные преобразования, происходящие в странах Европы и Центральной Азии, охватывающие экономику в целом, производство продовольствия и сельскохозяйственной продукции, торговлю, а также модели потребления пищевых продуктов и рационы питания. В нем также рассматриваются новые подходы к изменению направленности мер политики и практической деятельности, необходимых для достижения целей и задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года в области продовольственной безопасности и питания. Все большее признание в этом контексте приобретают две концепции: комплексный подход к продовольственным системам и агроэкологические методы, являющиеся основными элементами устойчивой продовольственной системы.

ISBN 978-92-5-132014-3

9 789251 320143

CA7153RU/1/12.19